

В честь 100-летия со дня рождения
Эдуарда Кришевича Путныня (1905–1976),
заведующего кафедрой
истории древнего мира СГУ с 1941 по 1969 гг.

Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского

ANTIQUITAS IUVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под ред. Е.В. Смыкова и А.В. Мосолкина

Саратов 2005
Издательство “Научная книга”

УДК 9(3)(063)
ББК 63.3(0)3я43
А62

Редакционная коллегия:

к.и.н., доцент *Е.В. Смыков* (науч. ред.),
асс. *А.В. Мосолкин* (науч. ред.),
к.и.н. доц. *О.Л. Габелко* (отв. редактор),
к.и.н. доц. *А.А. Синицын* (отв. секретарь)

А62 **Antiquitas Iuventae:** Сб. науч. тр. студентов и аспирантов / Под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. — Саратов: Изд-во “Научная книга”, 2005. — 212 с.; илл.
ISBN 5-93888-718-6

Данный сборник содержит материалы научной студенческо-аспирантской конференции, проводившейся на историческом факультете СГУ 22–24 апреля 2005 г. Представленные в сборнике статьи посвящены различным аспектам истории античной Греции, Рима и Северного Причерноморья.

Сборник рассчитан на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей древнего мира.

Работы изданы в авторской редакции

УДК 00
ББК 00

ISBN 5-93888-718-6

© Кафедра истории древнего
мира СГУ, 2005
© Коллектив авторов, 2005

ОТ РЕДАКТОРОВ

Представленная книга является сборником работ студентов и аспирантов ВУЗов сразу нескольких городов России: Астрахани, Казани, Москвы, Самары, Саратова, Перми. Чаще всего эти сочинения являются расширенными вариантами тех докладов, с которыми начинающие исследователи выступили 22 – 24 апреля 2005 года на студенческо-аспирантской конференции, проводимой кафедрой истории древнего мира исторического факультета Саратовского государственного университета. Эта книга является первым подобным опытом кафедры. На редакторов издания легло двойное бремя: помимо общей читки текста приходилось еще обуздывать бурные фантазии авторов сухими и узаконенными академическими рамками. Необходимо было соблюсти деликатность по отношению к исследователям, но и известную непреклонность при редактировании текстов, ведь для многих молодых коллег — это только первая публикация. Работы пока еще не отягощены теми необходимыми сносками и ссылками, которые так бросаются в глаза во всех солидных сборниках, подчас придавая их авторам лишь черты наукоподобия, заслоняя отсутствие мысли. Все это еще предстоит. В целом же статьи оказались очень разными, разумеется, не только в выборе сюжетов, но и в своем подходе к изучению античности. Молодые коллеги — на поприще т. н. “чистой” истории, классической филологии, археологии, философии — демонстрируют владение различными методами: от кропотливого анализа единственного сохранившегося фрагмента до широких мазков на палитре нескольких веков; от высокопарной философской эссеистики до выверенных археологических формул. Чтобы придти к тривиальному, на первый взгляд, заключению необходимо, кажется, идти великой торной дорогой “Может Быть”, которая разделяет настоящего исследователя и дилетанта. В общем, как афористично выписал один из авторов этого сборника: “мы усложняем бывшее, чтобы нам проще было его воспринять”.

Хотим выразить признательность тем коллегам из других городов, которые внимательно вычитали статьи своих подопечных: профессору А.В. Подосинову (Москва), доценту О.Л. Габелко (Казань), доценту Ю.Н. Кузьмину (Самара), тем самым значительно облегчив работу редакторов.

к.и.н. доцент Е.В. Смыков
асс. А.В. Мосолкин

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Самохвалова Н.Е. (Москва)

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА ОПИСАНИЕ ИНДИИ В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ ИСТОРИКОВ И ГЕОГРАФОВ

Отдаленные страны, сведения о которых малы и отрывочны, изначально становились тем местом, куда греческие авторы помещали разнообразные чудесные явления, которые никак не могли существовать на знакомой и обжитой территории. В данной работе будет предпринята попытка проследить зарождение и развитие традиции описания Индии как необыкновенной страны, страны всяческих диковинок и странностей и соотношение этой традиции с расширением географических познаний античных авторов.

Традиция описания Индии как удивительной страны берет начало в “Истории” Геродота. Согласно географическим представлениям того времени, Индия — это страна, находящаяся на восточной границе ойкумены; земли, располагающиеся восточнее нее, не населены, поскольку это пустыня¹ (Ἰνδῶν γὰρ τὸ πρὸς τὴν ἠῶ ἐρημία ἐστὶ διὰ τὴν ψάμμον [III.98]²). Геродот пишет, что инды — первые из народов, живущих на востоке, о которых что-либо известно (τῶν γὰρ ἡμεῖς ἴδμεν, καὶ περὶ ἀτρεκές τι λέγεται, πρῶτοι πρὸς ἠῶ καὶ ἡλίου ἀνατολὰς οἰκέουσι ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ Ἰνδοί [III.98]). Такое географическое положение страны определяет в восприятии греков ее удивительные особенности. Сам Геродот пишет об этом так: αἱ δ’ ἐσχάται κως τῆς οἰκομένης τὰ κάλλιστα ἔλαχον (“окраины ойкумены получили лучшее” [III.106]). Нахождением Индии на краю мира объясняются и ее удивительный климат (III.104) и необыкновенный растительный и животный мир: животные там большей величины, чем в Греции, плоды деревьев дают шерсть, а недра земли изобилуют золотом (III.106). Обычай людей, живущих там, резко отли-

---

¹ Речь идет о современной пустыне Тар.

² Здесь и ниже цитаты из Геродота даются по изданию: *Hérodote. Histoire / Texte établi par Ph.-E.Légrand. Paris, 1939.*

чаются от обычаев эллинов (достаточно упомянуть племена, которые едят тела своих умерших родителей, считая это единственно возможным достойным способом их погребения [III.38]). Наконец, среди диковинок Индии Геродот упоминает муравьев “величиной меньше собаки, но больше лисицы” (μύρμηκες μέγαθρα ἔχουτες κυνῶν μὲν ἐλάσσω, ἀλωπέκων δὲ μέζω [III.102]), добывающих золотоносный песок, и описывает, как индийцы похищают у них золото (III.102–105). Таково в кратком виде представление об Индии, которое дает своему читателю Геродот.

Контакты греко-римского мира с Индией способствовали увеличению количества реальных географических и этнографических сведений об этой стране. В IV–III вв. до Р.Х. появились свидетельства об Индии участников похода Александра Македонского и труды Мегасфена и Деймаха, посланных эллинистическими правителями к маурийским царям. Однако в произведениях авторов, знакомых с этими трудами, отражались не только новые знания об Индии, полученные непосредственно из описаний этой страны людьми, видевшими ее своими глазами, но и существующая литературная традиция, берущая свое начало в “Истории” Геродота; причем результатом взаимодействия этих двух элементов (т.е. знаний и традиции, полученных опытным путем) далеко не всегда становится возобладание первого. Попробуем проследить их соотношение, а также степень влияния традиции, заложенной Геродотом, на последующих авторов на примере рассказа о муравьях, добывающих золотой песок.

Неправдоподобность сюжета о муравьях, отличающихся необычайной величиной и скоростью, способных убить как верблюда, так и человека, защищая свой золотоносный песок (III.105), очевидна. Считается, что за муравьев принимался, видимо, определенный вид сурков, а сам рассказ выдуман местными золотоискателями, чтобы отпугнуть конкурентов. Более того, неправдоподобность как этого, так и многих других сведений об Индии осознавалась некоторыми из античных авторов, например Флавием Аррианом, известным своим стремлением к точности и критическим подходом к отбору фактов. Достаточно сказать, что его “Анабасис Александра” считается наилучшим источником по истории походов Александра Македонского. “Из сохранившихся сочинений об Александре “Анабасис” содержит наиболее трезвое и ясное изложение событий <...>, — пишет Л.П. Маринович. — Арриан нередко отвергает свидетельства своих источников, не согласующиеся с его критическим чутьем и опытом”³. В “Анабасисе Александра” он упоминает все те слухи об Индии, о которых нельзя не упомянуть, поскольку они общеизвестны, но лишь упоминанием и ограничивается, объясняя это тем, что все эти байки “созданы скорее для удовольствия, чем для рассказа о существующих вещах” (ἐφ’ ἡδουῆι μᾶλλον τι πεποιήται ἢ ἐς

---

³ Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1982. С. 62.

ἀφήγησιν τῶν ὄντων [V.4.3]). В своем стремлении к максимальной точности описаний Арриан подвергает сомнению даже свидетельства самих участников похода Александра; он пишет, что они опровергли многие слухи об Индии, “кроме тех, что выдумали сами” (V.4.4). Однако в “Индике” Арриан вновь обращается к теме добывающих золото муравьев и приводит свидетельство побывавшего в Индии Мегасфена, который сообщает, что рассказ о муравьях — истинный (Μεγασθένης δὲ καὶ ἀτρεκέα εἶναι ὑπὲρ τῶν μυρμηκῶν τὸν λόγον ἱστορέει [15.5]) и что они “выкапывают золото не ради самого золота, но по природе своей под землей роют [норы], чтобы прятаться, подобно тому, как наши маленькие муравьи выкапывают немного земли” (15.5). Оценка вероятности существования этих муравьев в “Индике”, в отличие от “Анабасиса Александра”, уже неоднозначна: с одной стороны, Арриан пишет, что Мегасфен, говоря об этих муравьях, основывается на слухах (Μεγασθένης τε ἀκοὴν ἀπηγγέεται [15.7]) и что он сам, поскольку ничего более точного написать не может, охотно оставляет рассказ о муравьях (καὶ ἐγὼ ὅτι οὐδὲν τοῦτου ἀτρεκέστερον ἀναγράψαι ἔχω, ἀπίημι ἐκὼν τὸν ὑπὲρ τῶν μυρμηκῶν λόγον [15.7]). Но чуть раньше Арриан ссылается на другого побывавшего в Индии человека, участника похода Александра Великого Непарха: “<...> про муравьев Непарх говорит, что сам он не видел муравьев, о которых некоторые другие написали, что они водятся в земле индов” (15.4), и такое свидетельство не противоречит общей тенденции Арриана к критическому подходу к непроверенным фактам. Однако дальше Непарх утверждает, что он, тем не менее, видел многочисленные шкуры этих муравьев, принесенные в македонский лагерь (δορὰς δὲ καὶ τοῦτων ἰδεῖν πολλὰς ἐς τὸ στρατόπεδον κατακομισθείσας τὸ Μακεδονικόν [15.4]), и Арриан никак не комментирует это утверждение. Таким образом, несмотря на все его скептическое отношение к свидетельствам о различного рода странных и чудесных вещах, он все же пересказывает их.

Подобная тенденция проявляется и в “Географии” Страбона. Начиная описывать Индию, он перечисляет все те сказочные сюжеты, которые, очевидно, были хорошо известны читателю, поскольку их достаточно было просто упомянуть, и отмечает, что все писавшие об этой стране по большей части сообщали ложные сведения (“Ἀπαντες μὲν τοίνυν οἱ περὶ τῆς Ἰνδικῆς γράψαντες ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ψευδολόγοι γεγόνασι [II.1.9]). Однако, приступая к подробному описанию Индии, Страбон охотно все эти ложные сведения пересказывает. Он упоминает и утверждение Непарха, будто тот видел шкуры выкапывающих золото муравьев, похожие на шкуры леопардов (τῶν δὲ μυρμηκῶν τῶν χρυσορῦχων δέρματα ἰδεῖν φησιν οὗτος παρδαλέαις ὅμοια [XV.1.44]), и рассказ Мегасфена о повадках этих муравьев и способе, с помощью которого индийцам удается похищать у них золото (XV.1.44).

Впрочем, многие авторы, говоря о чудесных муравьях, не выражают никаких сомнений в их существовании. Так, Плиний Старший, описывая их внешний вид (*ipsis color felium, magnitudo Aegypti luporum [XI.111]*) и рассказывая о том, как инды похищают у муравьев золото, вовсе не задается вопросом о достоверности излагаемого материала и преподносит его без всяких оговорок, как объективную реальность. Действия муравьев, бросающихся в погоню за похитителями, Плиний объясняет, приписывая необыкновенным насекомым человеческую страсть к золоту (*tanta pernicitas feritasque est cum amore auri [XI.111]*).

Итак, сведения, которые сообщает об Индии Геродот, воспринимавший ее как полусказочную страну на краю ойкумены, пересказываются античными авторами, жившими после походов Александра Македонского и путешествий Мегасфена и Деймаха, хотя круг доступных им знаний весьма расширился и изменились сами источники этих знаний: об Индии узнавали уже не из слухов о рассказах побывавших там смельчаков, а из свидетельств живших там и исследовавших страну людей. Несмотря на присутствующий в некоторых исторических и географических трудах критический подход к отбору фактов, стремление к точности побеждает не всегда. Наоборот, зачастую авторы игнорируют доступные в их время сведения и продолжают насыщать свой рассказ фантастическими подробностями, хотя и предупреждают читателя, что сами они описанного не видели и не считают, что эти сведения заслуживают доверия. Таким образом, выходит, что при столкновении новых знаний, полученных эмпирическим путем, и стойкой литературной традиции предпочтение зачастую отдается традиции.

Михайлова Т. А. (Москва)

СИСТЕМА ОППОЗИЦИЙ В “ТРУДАХ И ДНЯХ” ГЕСИОДА

Композиция “Трудов и дней” до сих пор ставит перед исследователями сложную задачу. Анализируя поэму через систему оппозиций, можно попытаться дать некоторую характеристику внутреннего устройства произведения. Отчасти такая постановка проблемы не будет оригинальной, хотя бы уже в связи с дидактическим жанром, однако принцип противопоставлений намного глубже пронизывает текст и отвечает авторской концепции, чем это может показаться на первый взгляд. Рассматривать оппозиции необходимо на нескольких уровнях: на сюжетном уровне, на уровне лексики, в жанровых особенностях ТД и др.

Сразу же после вступления Гесиод обращается к мифам, вводя с их помощью свои основные теоретические идеи. Он говорит о пользе соревновательного духа, рассказывает о появлении несчастий, характеризует поколения и положение современных ему людей, хвалит справедливость и благочестие. Все положения он последовательно иллюстрирует мифом или хотя бы некой мифологической зарисовкой. При этом уже сразу задается и оппозиционная тема. Во всех приведенных сюжетах она присутствует, но разрабатывается по-разному. Первым идет рассказ о двух Эридах (11–39), одна из которых соответствует завистливому соперничеству и умножает войны и ссоры, а другая — плодотворному соревнованию “и бездеятельного побуждает к работе” (20; ср.: *Theog.* 225–226, где упоминается одна Эрида). Следующим идет рассказ о Прометее и Эпиметее (42–105). Первый приносит людям благо, второй же служит причиной несчастий, приняв дар Зевса. Если плюсы и минусы распределяются в этом случае между двумя братьями, то фигурирующая в этом же мифе Пандора содержит и то, и другое одновременно: прекрасную внешность, но при этом лживый, “собачий” нрав. Также упоминаются два дара: положительный дар Прометея людям — огонь, и отрицательный дар Зевса Эпиметею — сама Пандора. Закончив с этим рассказом, Гесиод приступает к описанию пяти веков (106–201), где оппозицию можно назвать уже не бинарной, а “градуированной”. Далее приводится басня (202–212), где показано противостояние слабого и сильного и указывается на два возможных исхода: ястреб, поймавший соловья, может съесть, а может и отпустить его. Наконец, заканчивая эту наиболее теоретическую часть, автор описывает два города (225–247), в одном из которых царит почитание богов и справедливость, а в другом — надменность и беззаконие.

Самую значительную группу составляют в ТД собственно дидактические оппозиции. Это многочисленные хозяйственные, бытовые, нравственные наставления, касающиеся правил крестьянской жизни, общения с другими людьми и почитания богов. Однако именно эта группа оппозиций представляется наименее

важной. В большинстве случаев наставления мало отличаются друг от друга, но даже и разница между ними продиктована, скорее, правилами синтаксиса и метрики, чем авторской идеей.

Рассматривая лексические оппозиции, интересно обратиться к прооймиону ТД (1–10)¹:

Μοῦσαι Πιερίηθεν ἀοιδῆσι κλείουσαι,
 δεῦτε Δί' ἐννέπετε, σφέτερον πατέρ' ὑμνείουσαι·
 ὄν τε διὰ βροτοὶ ἄνδρες ὁμῶς ἄφατοὶ τε φατοὶ τε,
 ῥητοὶ τ' ἄρρητοὶ τε Διὸς μεγάλοιο ἔκητι.
 ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει,
 ῥεῖα δ' ἀρίζηλον μινύθει καὶ ἄδηλον ἀέξει,
 ῥεῖα δέ τ' ἰθύνει σκολιὸν καὶ ἀγήνορα κάρφει
 Ζεὺς ὑψιβρεμέτης, ὃς ὑπέρτατα δώματα ναίει.
 Κλῦθι ἰδὼν αἰών τε, δίκη δ' ἴθυνε θέμιστας
 τύνη· ἐγὼ δέ κε Πέρση ἐτήτυμα μυθησαίμην.

(“Пиерийские музы, песнями прославляющие, / расскажите о Зевсе, собственного отца воспевая. / Из-за него смертные бесславны (–) и славны (+), / известны (+) и неизвестны (–) по воле великого Зевса. / Легко ведь делает сильным (+), легко и сокрушает сильного (–), / легко известного понизит (–), а неизвестного повысит (+), / легко исправит неправого (+) и сломит отважного (–) / Зевс, гремящий в высоте, который в высочайших жилищах обитает. / Внемли, увидев и услышав, и справедливо ты направляй законы; / я же рассказал бы Персу верные вещи”).

Обозначив плюсом положительное действие или понятие, а минусом отрицательное, можно прийти к схеме двух предложений, которая выстраивается “по цепочке”: плюс к плюсу, минус к минусу:

1) – + + – 2) + – – + + –

Композицию вступления можно представить в виде круга: инвокация к Музам – Зевс называется – Зевс описывается – Зевс называется – инвокация к Персу². Власть Зевса над людьми соотносится с властью поэта. В перечислении возможностей Зевса сначала говорится о том, что он может сделать человека бесславным и славным, неизвестным и известным, а исполнителем этого является именно поэт. Таким образом, пятая строка относится к ним обоим одновременно. Специально прибегая к анафоре, Гесиод использует варианты ῥέα/ῥεῖα (т. е. с долгим и кратким гласным): Зевс делает кого-то сильнее и слабее (больше или меньше), Гесиод делает то же самое со словом. Заканчивается вступление как бы “распределением обязанностей” между Зевсом и Гесиодом, каждый из которых должен исправить то, что в его силах.

¹ Греческий текст цит. по: *Hésiode. Théogonie; Les travaux et les jours; Le bouclier / Texte établi et traduit par Paul Mazon. Paris: Le Belles Lettres, 1951. P. 86–116.*

² Ср.: *Lamberton R. Hesiod. Yale University Press, New Haven and London, 1988. P. 107–108.*

Несколько раз в тексте встречается модель, которую можно назвать “ложная оппозиция”. Сначала это простой дидактический совет: А — хорошо, В — плохо. Неожиданно вместо порицания В автор приходит к выводу, что и В тоже может быть хорошо. Самый яркий пример — место, где автор говорит о предпочтительном количестве детей в семье (374–380): “единородным пусть сын отцовский дом / вскармливает; чтобы богатство увеличивалось в доме. / Старым пусть он умрет, одного сына оставив. / Легко же и многим дал бы Зевс несказанное счастье. / Огромна о многих забота, больше же и приумножение”.

Вполне естественно слышать от Гесиода совет иметь именно одного сына, а не нескольких, так как для него этот вопрос действительно актуален. Однако неожиданно (возможно, даже для себя) он приходит к противоположной мысли. Изначально задуманный как дидактический совет полностью теряет свой смысл, потому что какую пользу из него можно извлечь, если оба варианта предпочтительны? Зато рассуждение автора развивается непосредственно перед нами (ср. также: 316, 489).

Ход собственных мыслей, даже не всегда логичных с точки зрения дидактики, Гесиод демонстрирует нам, отходя в некоторых случаях от строгой модели поучительных советов. Здесь удобно рассмотреть следующий эпизод, где Гесиод описывает тяжелые зимние месяцы и холодный северный ветер, дующий в долинах и лесах (512–528): “...звери дрожат, поджимая хвосты; / хоть их кожа и покрыта шерстью; / но холодный [ветер] продувает, хотя у них косматая грудь; / и через шкуру быка проходит, и она его не задерживает, / и через длинношерстную козу дует; овечьего же стада нисколько, потому что у них густая шерсть, не продувает / сила ветра Борея; бегущим делает старика, / а через тонкую кожу девушки не продувает, / которая внутри дома при своей матери остается, / еще не зная дел золотой Афродиты, / и, омыв нежную кожу и обильно маслом / намазавшись, во внутренней комнате ложится спать / в зимнее время, когда бескостный свою ногу гложет / в холодном и жалком жилище; / ведь солнце не дает корма, / но у народа и города черных людей / находится, поздно же показывается всем грекам...”.

Дальше речь снова заходит о холоде и о замерзших животных. Этот эпизод является очень важным для изучения поэтики Гесиода, и его интересно рассмотреть с точки зрения оппозиций. Сначала мы видим, как, поставив своей задачей устроить слушателя картиной холодной зимы и убедить его в необходимости готовить запасы, автор увлекается описанием ветра. Он представляет себе его маршрут — по морю, по равнине, по лесу — потом переключается на животных, представляет себе их всех по очереди и вдруг доходит мысленно до овец, которых ветер не продувает. Это первая оппозиция. Можно предположить, что дальше он думает: “а кого еще ветер не продувает?”. Ему в голову приходит образ молодой девушки, сидящей в зимнее время в теплом доме. Ее тоже никак не

затрагивает холод. Гесиод тут же строит оппозиции уже от ее образа. Он пишет в соседней строке о старике, который вынужден бегать от ветра, в отличие от девушки, спокойно находящейся в своей комнате. Далее, описав, как она, омыв кожу и натершись маслом, ложится спать, Гесиод находит уже “эстетическую” оппозицию. Если образ этой девушки поражает читателя своей неожиданной яркостью, красотой и поэтичностью, то следующее за ним описание полипа (видимо, здесь имеется в виду осьминог) кажется по контрасту особенно неприятным. Надо обратить внимание на то, что противопоставление этих двух образов построено довольно последовательно. Комната девушки представляется уютной, теплой и, скорее всего, светлой, а жилище полипа названо ἄπυρος (“безогненный”), что можно понять и как “темный”, и как “холодный”. В обоих случаях противопоставление первому описанному жилищу очевидно. Кроме того, противоположно отношение этих двух персонажей к своему телу: девушка омывает его и натирает маслом, а полип “грызет свою ногу”. В результате получается, что, отклонившись от исходной идеи, мысль, пройдя круг, снова возвращается к началу. Если изначально автором была поставлена цель напугать картиной страшного холода и зимы, то результат совсем уже не соответствует этой задаче. Такое вроде бы необоснованное отклонение от темы не несет никакой дидактической нагрузки и, на мой взгляд, противоречит правилам риторики, так как после таких отступлений впечатление о ветре отходит у слушателя на второй план. Зато никак нельзя отрицать поэтической ценности эпизода. Кроме того, на этом примере видно, как на глазах “оживает” образ Гесиода. За его ассоциациями буквально можно проследить. Это уже не просто крестьянин с традиционной мудростью и поучениями, а настоящий поэт, утонченный и яркий. Перед нами опять свободное течение авторской мысли.

На этом примеры “нелогичных” оппозиций не исчерпываются. Например, объясняя причину отъезда отца из эолийской Кимы, Гесиод пишет (636–637):

οὐκ ἄφενος φεύγων οὐδὲ πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακὴν πενίην...

(“не от достатка бежав, или богатства, или счастья, /но от ужасной нужды”).

В этой фразе есть логическая неувязка. Указания на тяжелую нужду было бы вполне достаточно для объяснения причины отъезда. Упоминание здесь богатства и счастья является, таким образом, излишним. Сложно предположить, что кто-то может переехать из своего города от чрезмерного достатка и благополучия. Можно посмотреть на фразу и с другой стороны, предположив, что ее первая часть соответствует русскому выражению “не от хорошей жизни”. Тогда ненужной делается вторая часть, потому что странной становится конструкция “бежал не от хорошей жизни, а от плохой”. В этой ситуации достаточно было бы только первой части, которая уже не требует пояснений.

В приведенных выше примерах оппозиции не совсем понятны: не обосновано их положение в тексте или сами они не очень ясны особенно с точки зрения дидактики. Вместе с тем такое построение становится более объяснимым, если считать его последствием намеренной “ритмизации” текста автором.

Важным для определения структуры текста является понимание авторского мировоззрения. Уже почти в самом начале помещается вызывающее у читателя настроение упадка описание пяти веков. Каждый из них хуже предыдущего. И если первые четыре поколения описаны более или менее мягко, то по мере возрастания ὕβρις в последнем веке зло достигает максимальных размеров. Вместе с этим увеличивается в тексте и расположенность к оппозициям. В результате, современное Гесиоду время являет собой ужасную картину повсеместного “раскола” (180–181): “...и ни отец не сходится с детьми, ни дети, / ни гость с хозяином, ни друг с другом”.

Теперь уже все противопоставляется всему: дети — отцам, родственники и друзья — друг другу, борьба хорошего и плохого особенно обострена. Возможно, именно такое видение Гесиодом своего времени является одним из объяснений устройства текста. Характеризуя окружающий мир постоянным всеобщим противостоянием, автор всеми способами заставляет читателя почувствовать это: насыщенные оппозициями вступления, дидактические советы, специально отобранные мифы. Даже “положительная” Эрида у него приводит к тому, что (25–26): “и горшечник горшечнику завидует, и мастеру — мастер, / и бедный на бедного злится, и певец на певца”.

Подобно всему остальному, раскол касается и семьи автора “Грудов и дней”: брат ссорится с братом и посягает на его долю. Гесиод несколько раз намекает на этот конфликт, вводя в начале противоположных друг другу братьев Прометей и Эпиметей, потом в описании железного века и, наконец, советуя (368–369): “...достойная договорная плата пусть будет другу; / и с братом в шутку при свидетелях договаривайся”.

Вместе с тем отношение автора к жизни противоречиво. Если осуждает он свое поколение совершенно однозначно, то некоторые другие его высказывания вызывают вопрос. Например, это касается отношения Гесиода к будущему. Говоря о “железном” веке, он употребляет будущее время. Рассказывая об ужасных нравах, он дает понять, что все это уже есть и будет дальше. В конце этого эпизода Гесиод печально замечает (198–199): “...останутся же беды злосчастные / смертным людям; от зла не будет защиты”.

Казалось бы, картина однозначно бесперспективна. Тем не менее, Гесиод несколько раз предлагает другой исход событий. Прямо в мрачное описание пятого века он вставляет странную фразу (177–179): “...но однако и к этим бедам примешаются блага. / Зевс уничтожит и этот род говорящих людей, / когда они станут рождаться седыми”.

Дальше он снова возвращается к рассказу о нравственном упадке. Создается впечатление, что автор даже для себя не может прийти к окончательному выводу. Окружающая картина пугает его, но он надеется, вернее, хочет надеяться на то, что все когда-либо изменится. В этом он пытается убедить и брата. После достаточно пессимистичной басни о соловье о ястребе, в которой слабому человеку не остается никаких шансов, он вдруг говорит (215–216): “...справедливость над гордостью / в конце концов торжествует”.

Этот пример выводит на очень важную для Гесиода тему: соотношение $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ ³. Он не раз задумывается об этом в своем произведении. Истоки $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ появляются уже в “серебряном” веке, но только сейчас противостояние их достигает максимального напряжения. Дерзкие люди творят всяческие беззакония и этим доводят свой город до разрушения. Гесиод специально останавливается на описании двух городов: города $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и города $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$. В первом царит счастье, благоденствие, люди живут в достатке и Зевс не посылает им ни печалей, ни войн. Для того же, чтобы на жителей обрушились чума и голод, чтобы весь народ исчез с лица земли, оказывается, достаточно даже одного преступного человека. Зевс может разрушить такой город множеством способов. Вероятно, Гесиод здесь имеет в виду, что таким носителем $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ является в этой ситуации Перс. Сам же автор соответственно становится обладателем $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$. Он обвиняет брата, пытаясь направить его на верный путь. Однако найти этот путь оказывается совсем не просто. Может ли человек исправиться? Зависит ли это от него самого? Рассказывая о веках, Гесиод начинает каждый раз описание со слов типа $\text{Ζεὺς Κρονίδης ποίησε}$ (“Зевс Кронид создал”; напр.: 143–144, 158). Значит, все эти поколения создаются именно богами. В таком случае возникает вопрос: на ком же лежит ответственность за $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$? Самостоятельно ли человек совершает преступление или все это происходит по воле Зевса? По какой причине боги создают каждое новое поколение хуже предыдущего? Возможно, задавая себе эти вопросы, Гесиод и допускает некоторые противоречия в своем тексте. Скорее всего, этим можно объяснить уже упомянутый выше призыв к Зевсу соблюдать справедливость ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta\ \delta'\ \acute{\iota}\thetaυνε\ \theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\alpha\varsigma\ \tau\acute{\upsilon}\nu\eta$ [9–10]).

Значительная часть всех оппозиций строится по одинаковой схеме: если провести границу между положительным и отрицательным, то полюсы оппозиции распределяются соответственно каждая на своем поле. Таким образом, обычно А — желательно, В — нежелательно. Таких примеров можно привести очень много. Но Гесиод иногда прибегает и к другой форме. В этом случае А и В оказываются по одну сторону границы, а противопоставляется им некая третья ситуация. Таких конструкций обнаруживается не так уж мало. Например, в сти-

---

³ Ср. об этом: Ковалева И.И. О композиции “Трудов и Дней” // Индоевропейское языкознание и классическая филология-VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2003. С. 43–45.

хах 214–215 Гесиод пишет: “ведь гордость губительна для маленького человека, и знатный / тоже не легко может выдержать”.

Таким образом, противопоставленные друг другу “маленький” человек и “значительный” оба становятся жертвами свой заносчивости. В другом месте Гесиод говорит о том (458–459), что когда подошло время для пашни, то работать должны “и рабы и ты сам, / сухую или влажную почву пашущий пусть пашет вовремя”.

Здесь сразу две оппозиции: слуги и хозяин, сухая и влажная почва. Как и в предыдущем примере, они на самом деле не противопоставляются друг другу. Наоборот — работают все и независимо от состояния земли.

Иногда в такой конструкции появляется еще и четко обозначенная третья величина: это середина. Она обычно становится тем лучшим вариантом, которому противостоят крайности (714): “...ни чересчур гостеприимным, ни негостеприимным не называйся”.

Автор здесь предпочитает промежуточный вариант, советует находить компромисс. Вообще идея “золотой середины” является невероятно важной для Гесиода. В связи с его представлением о современном мире — расколотом, резко поделенном на плохое и хорошее — он чувствует необходимость найти выход. Решение этой проблемы он видит именно в нахождении середины. Сентенция о вине в бочке точно формулирует эту мысль (368–369):

Ἄρχομένου δὲ πίθου καὶ λήγοντος κορέσασθαι,
μεσσοῦθι φείδεσθαι· δειλὴ δ' ἐν πυθμένι φειδώ.

(“Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка, / будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость” [пер. В.В. Вересаева]).

Этот пример ясно формулирует одну из главных идей Гесиода: “золотая середина”. К этой мысли его приводит борьба с крайностями, которыми так наполнен “железный” век. Жесткость разграничения всего по полюсам заставляет Гесиода стремиться к середине, к мере, к размеренности. Эта идея проходит через все произведение. Иногда автор открыто высказывает ее (693): “соблюдай меру; лучше всего все делать вовремя”.

Распределяя все так точно по дням, он пытается привести жизнь хоть к какому-то порядку.

Обращаясь к Персу, автор чаще называет его просто по имени, но несколько раз встречаются и эпитеты. Их всего два. Это νήπιος (или как вариант: μέγα νήπιος), который встречается несколько раз (286, 633), и δῖον γένος, употребленное только однажды (299). Первое слово Гесиод употребляет, говоря о людях, поступающих неправильно. Например, в стихе 40 (νήπιοι, οὐδὲ ἴσασι ὄσω πλέον ἤμισυ παντός: “глупые, и не знают, насколько больше всего поло-

вина”), или в 456 стихе (νήπιος, οὐδὲ τὸ οἶδι: “глупец, и этого он не знает”). Если можно представить, что в обращениях к брату слово употреблено в более мягком значении: “малолетний, по детски глупый, неопытный”, то в остальных контекстах это маловероятно. В своем переводе Вересаев подчеркивает такую разницу значений, передавая νήπιος то как “безрассудный”, когда это обращено к Персу, то как “дурень” (“дурни не знают...”, “иль не знает он, дурень?”). Относительно второго эпитета существуют различные точки зрения. Например, Грегори Надь пишет об упоминавшемся с пятого века имени отца Гесиода — Δῖος, и представляет Перса как носителя воли Зевса, разрушающего города за их ὑβρις⁴. В.Н. Ярхо же считает это просто “ироническим обращением к обедневшему брату”⁵. В любом случае, на противоположность этих двух эпитетов нельзя не обратить внимание. Характерно и то, что никаких других эпитетов не употребляется, чем подчеркиваются именно эти два. Кроме того, имеет смысл отметить и те слова, которыми Гесиод характеризует людей вообще. Очень часто для их определения он использует слова βροτός/θνητός — “смертный” (напр.: [для βροτός] 3, 15, 24, 93; [для θνητός] 88, 103, 108, 123), и μέροψ — “говорящий членораздельно” (109, 143, 180). Эти эпитеты являются традиционными, и на них, возможно, ориентировался Гесиод, выбирая определения для Перса. В таком случае “божественному роду” (δῖον γένος) соответствует “смертный” (βροτός/θνητός), а “неразумному” (νήπιος) — “говорящие” (μέροψες). Оба последних слова происходят от корня, связанного с идеей говорения (ὄψ, ἔπος) И хотя такой эпитет людей является традиционным, и νήπιος давно отошло от своего исходного значения “не говорящий”, важно отметить выбор именно этого сочетания слов, носящих в каждой паре определенно противоположные значения. С помощью этого Гесиод как бы отделяет Перса от всех остальных людей, хотя подобное поведение свойственно людям “железного века”, что неоднократно подчеркивается на протяжении всего произведения. Значит, не это причина такого отделения Перса. Скорее, дело здесь опять в том же расколе во всем и между всеми, который Гесиод так последовательно демонстрирует.

Говоря о ТД, нельзя не сказать и о стиле всего произведения. В каком-то смысле он тоже оппозиционален. Гомеровский язык, торжественный и возвышенный, характерный прежде всего для эпоса, используется здесь для подробного описания порядка сельскохозяйственных работ. Обыденная жизнь беотийского крестьянина получает, таким образом, более торжественное освещение, становится значительнее. Соединяя прозаические, житейские мудрости с эпическим языком, Гесиод создает особое произведение. И хотя возвышенный стиль эпоса, перенесенный на бытовую почву, в нем несколько снижается, зато возрастают значения дидактических советов. Здесь можно опять вспомнить вступление, где,

⁴ Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Пер. Н.П. Гринцера. М., 2002. С. 107.

⁵ Ярхо В.Н. Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 223.

как уже было сказано, автор проводит некую параллель между собой и Зевсом, указывая на способность поэта понижать и повышать.

Образ самого Гесиода оказывается намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. С одной стороны, он предстает перед читателем как образцовый крестьянин, знающий до последних мелочей тонкости ведения хозяйства и ставящий своей целью приобретение и сохранение богатства. Вместе с тем, у автора есть и другая — не менее важная — сторона. Он — поэт, получивший свой дар от муз (ср.: *Theog.* 1–52). Гесиод даже не рядовой поэт, а гораздо более значительный: знающий мысли самого Зевса. Таким образом, мудрость его сильно выходит за рамки простой крестьянской мудрости. Особенно это становится понятно, если внимательно присмотреться к жанровым особенностям всего произведения. Хотя чисто дидактические наставления и составляют весьма значительную часть, кроме них в тексте есть значительный мифологический пласт, который автор свободно использует для подтверждения своих мыслей. Отдельно существует в тексте совершенно законченная басня (202–212). У нее есть и вступление, обращенное к царям (202), и характерный сюжет (203–209), и типичная для басни сформулированная мораль (210–211). Уже в самом начале произведения Гесиод использует поговорку (25): καὶ κέραμεύς κέραμεϊ κότεῖσι (“зависть питает гончар к гончару”). Многие другие его наставления также напоминают поговорки.

Автором часто употребляются иносказания. Например, ἀνόστειος (“бескостный” — полип [524]), τρίπους (“трехногий” — старик [533]), φερέοικος (“домоносец” — улитка [571]), ἡμερόκοιτος ἀνὴρ (“спящий днем человек” — вор [605]) и др. Подобная табуированность более характерна, скорее, для сакрального текста, например, для оракула. Об этом, в частности, пишет и М. Вест⁶, также обращая внимание на выражение ἀλλ’ ὅπ’ ἄν (“но всякий раз...” [571]), которое часто встречается в оракулах.

Таким образом, перед нами вырисовывается сложное сочетание двух пластов, которые обобщенно можно назвать “бытовым” и “поэтическим”. Гесиод находит для них очень точное сочетание. Пропорция такова, что ни один из них не перевешивает другой, а только дополняет. Соединение таких двух областей приводит к еще одной оппозиции: материальное и нематериальное. Круг тем наставлений охватывает и то, и другое. Часть советов предельно конкретна. Они касаются таких мелочей как нитки на ткани плаща, смешивание вина, устройство плуга и т. п. Другие же носят нравственный характер: отношения с друзьями, соседями, призыв к трудолюбию и честности и др. Некоторые советы вполне понятны и легко объяснимы. Автор исходит из соображений реальной пользы и удобства. Зато иногда наставления объясняются только традицией и определенными религиозными правилами. Гесиод соединяет в своем произведении разные категории

⁶ West M.L. *Hesiod: Works and Days*. Oxford, 1987. P. 302.

советов. Для него все они стоят наравне, и он не делает между ними различий. Каждый совет важен независимо от того, касается он материальной сферы или нематериальной. В связи с этим интересно посмотреть на функцию всего произведения в целом. Конфликт между братьями произошел из-за раздела земли, и Перс, пришедший после этого к Гесиоду, или требует нового раздела имущества, или просто помощи. Промотав свою долю, он впал в бедность и ему не на что жить. В ответ же на свои притязания он получает не то, за чем пришел. Брат, видимо, не дает ему ничего кроме поэмы, цель которой, однако, — привести Перса к благосостоянию. В данной ситуации поэтический текст должен заменить собой физическую помощь, и Гесиоду такая замена кажется адекватной.

В результате можно сказать, что уже с самого начала задав тему оппозиций, автор разрабатывает ее на всех уровнях: от словосочетаний до основы сюжета. Вводя в текст такое значительное количество противопоставлений, Гесиод, таким образом, воздействует на читателя, внушая ему свою концепцию. Оппозиции отражают мировоззрение автора, его жизненную позицию. В создании картины современного поколения с помощью этого приема Гесиод добивается эффекта общей “раздробленности”. Даже сами оппозиции в свою очередь как бы противопоставляются друг другу: относятся к материальной или не материальной сфере, охватывают одну строчку или все произведение и т. п. Образ Гесиода становится более глубоким, даже несколько трагическим и “живым” именно благодаря оппозициям.

Решетникова А.В. (Саратов)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ГОРГИЯ В АФИНЫ 427 Г ДО Н. Э.

Часто деятельность эллинских ораторов не ограничивалась лишь преподавательской практикой или подготовкой речей для каких-либо частных лиц. Нередко ораторы попадали в круговорот политической жизни своего государства или города¹. Так и леонтинский ритор Горгий², большую часть жизни зарабатывавший обучением молодых людей искусству красноречия, оказался в центре событий — трагических для его родного города Леонтины в 427 г. до н. э. От него и его умения красиво говорить зависела дальнейшая судьба Леонтин и союзных им городов³.

Речь идет о том времени, когда леонтинцы, бывшие переселенцами из Халкиды, родственные афинянам, подверглись нападению со стороны сиракузян (Diod. XII.53.1). Жители Леонтин, теснимые неприятелем вследствие его подавляющего превосходства, перед лицом прямой опасности быть завоеванными, отправили послов в Афины, чтобы попросить у афинского народа скорейшей помощи и спасения своего города от нависшей угрозы.

Горгий был направлен в Афины во главе посольства (τῶν ἀπεσταλμένων ἀρχιπερεσβευτῆς [Diod. XII.53.2]) как человек наиболее способный из всех леонтинцев к общественной деятельности (ὡς ἰκανώτατος ὢν Λεοντίων τὰ κοινὰ πρᾶττειν [Plat. Hipp. mai. 282 b]). Прибыв в Афины и явившись в народное собрание, он держал речь перед афинянами, прося их о военной помощи, и поразил их оригинальностью своего способа выражения (Diod. XII.53.3), а именно, произнес речь поэтическую фигуральную (ἡ ποιητικὴ τε καὶ τροπικὴ φράσις [Dion. Hal. De Lys. 3]), т. е. употребляя различные приемы: антитезы, исоколы, парисы и др. Эта речь, благодаря своей новизне, имела успех у слушателей. Наконец, убедив афинян оказать леонтинцам помощь и вызвав в Афинах

¹ Для ораторов было характерно заниматься политической деятельностью. Так, к примеру, старший из аттических риторов, вошедший в “канон” десяти ораторов, Антифонт (480–411 гг. до н. э.) был крупным политическим деятелем олигархической партии. Андокид (440–390 гг. до н. э.) принимал участие в общественных делах, хотя часто попадал в опалу (Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции. М., 1985. С. 5–24). Исократ (436–338 гг. до н. э.) всю свою жизнь пытался влиять на общественное мнение при помощи написанных им речей. Созданная им школа была чем-то вроде политического кружка с идеями и настроениями, враждебными афинской демократии (см.: Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994).

² Об общественно-политической жизни Горгия до 427 г. до н. э. нельзя ничего сказать, т. к. в источниках нет свидетельств об этом. Однако позднее, вернувшись в Грецию, оратор принимал активное участие в ее общественной жизни.

³ В войне между Сиракузами и Леонтинами союзниками сиракузян были все дорийские города (кроме города Камарины), которые присоединились к лакедемонскому союзу сразу же после начала войны, хотя и не принимали в ней участия. На сторону же леонтинцев встали халкидские города и Камарины (Thuc. III.86.2).

восторг своим ораторским искусством, Горгий возвратился в Леонтины (Diod. XII.53.5).

История первой сицилийской экспедиции, которая пустилась в плавание из Афин поздним летом 427 г. до н. э. под предводительством Лахета и Хареада и была усилена зимой 426 г., хорошо освещена в источниках. Фукидид сообщает о предпринятых в ее ходе действиях⁴, причем итог похода афинян был если и не неудачным, то, по крайней мере, неудовлетворительным⁵. Лахет достиг очень малого, поскольку имел в своем распоряжении всего двадцать кораблей. Заведомо понятно, что он и не мог бы достичь большего. К тому же несколько позже леонтинцы, ставшие тяготиться присутствием афинян, заключили мир с сиракузянами, сделав тем самым бесполезным присутствие аттических триер. Но сразу после того, как афинский флот покинул остров, сиракузяне оккупировали Леонтины, переселили их население в Сиракузы, а захваченный город занял военный гарнизон.

Мотивы, побудившие афинян послать эту экспедицию, четко видны в повествовании Фукидида, где говорится:

καὶ ἔπεμψαν οἱ Ἀθηναῖοι τῆς μὲν οἰκειότητος προφάσει, βουλόμενοι δὲ μήτε σῆτον ἐς τὴν Πελοπόννησον ἄγεσθαι αὐτόθεν πρόπειράν τε ποιοῦμενοι εἰ σφίσι δυνατὰ εἶη τὰ ἐν τῇ Σικελίᾳ πράγματα ὑποχείρια γείεσθαι

(“афиняне послали эскадру под предлогом старинной дружбы, а на самом деле — чтобы отрезать подвоз оттуда хлеба в Пелопоннес и чтобы выяснить одновременно, не удастся ли захватить Сицилию” [Thuc. III.86.4, пер. Г.А. Стратановского]).

Прошение должно было быть обсуждено в коллегии стратегов, в буле и в экклесии. Эти дискуссии почти наверняка и были тем источником, из которого Фукидид почерпнул информацию о настоящих целях афинян в Сицилии, одну из которых следует считать оборонительной, другую — наступательной.

Первую причину — прекращение отгрузки зерна в Пелопоннес — поддерживали многие афиняне и, возможно, это оказало определенное влияние на решение вопроса. Таким образом, экспедиция являлась прямым продолжением стратегии Перикла⁶. Вторая же причина — проверить возможность и выполнимость захва-

---

⁴ Thuc. III.86; 88; 90; 103; 115; IV.I; 24; 25; 58. Повествование Фукидида о первой сицилийской экспедиции состоит из отдельных фрагментов, иногда неупорядоченных. Историк в этом случае отказывается от подробного изложения и ограничивается описанием только основных событий этой кампании.

⁵ Ср.: *Garmons Williams B.H. The Political Mission of Gorgias to Athens in 427 B. C. // CQ. 1931. Vol. 25. P. 52.*

⁶ В 430-е гг. афинская внешняя политика осуществляется в русле стратегии Перикла — совершались морские рейды на прибрежные районы Пелопоннеса. Их цель заключалась в демон-

та Сицилии — выдвигалась оппозицией, стремившейся быстрее завоевать популярность и поддержку, выступая за более агрессивную стратегию. Решение послать в Сицилию флот размером всего в двадцать кораблей — некий компромисс, являющийся ярким примером слабости афинской демократии этого времени, когда государству недоставало яркого и сильного лидера. Военная экспедиция в Сицилию была, очевидно, одобрена большинством афинян с той оговоркой, что из-за трудной ситуации, сложившейся дома, это мероприятие должно быть проведено в скромных масштабах. Возможно, в этом решении найден компромисс между теми, кто желал послать большой флот, и теми, кто считал, что его вообще не надо посылать. Раскол мнений между различными слоями населения, чьи представления о дальнейшем ходе войны противоречили друг другу, в этом случае был удачно замаскирован официально объявленной альтруистической целью защиты союзников от неприятеля.

О непосредственной деятельности Горгия в Афинах можно узнать лишь обратившись к художественным произведениям, а именно к комедиям Аристофана. Самой существенной чертой творческого облика афинского комедиографа, как известно, является его общественная активность. Сам Аристофан не раз говорил в своих комедиях о том, как он представляет себе роль поэта в общественной жизни страны (*Achar.* 655–658):

ὡς κωμωδήσει τὰ δίκαια.
 Φησὶν δ' ὑμᾶς πολλὰ διδάξειν ἀγάθ', ὥστ' εὐδαίμονας εἶναι,
 οὐ θωπεύων οὐδ' ὑποτείνων μισθοὺς οὐδ' ἔξαπατῦλλον,
 οὐδὲ πανουργῶν οὐδὲ κατάρδων, ἀλλὰ τὰ βέλτιστα διδάσκων⁷.

Достоверно известно, что его вторая комедия — “Вавилоняне”, — поставленная с огромным успехом на Великих Дионисиях в 426 г. до н. э., была посвящена взаимоотношениям между афинянами и их союзниками. И именно в этой комедии, можно предположить, упоминается непосредственно о посольстве Горгия и его выступлении в народном собрании, поскольку вряд ли Аристофан мог проигнорировать пример такого сильного воздействия на афинян речи, причем речи чужеземца (*ξενικός λόγος*) на народ, одаренный красноречием от природы и любящий слово. Однако здесь можно только строить догадки, так как, к со-

---

страции сил, попытке вызвать панику в лагере противника, а также затруднить поставку продовольствия.

7

“Он расскажет в комедии правду.

Он берется хорошему вас научить, чтобы вечно вы счастливы были.

Он не станет вам льстить, мзды не станет сулить, не захочет ни лжи, ни обмана,

Он не будет хитрить и чрезмерно хвалить, он хорошему граждан научит.”

(Пер. С. Апта).

жалению, сохранившиеся фрагменты “Вавилонян” не могут предоставить тому никаких доказательств.

Однако у Аристофана есть косвенная ссылка на выступление оратора перед народным собранием в парабазисе⁸ комедии “Ахарняне” (633–41):

Φησὶν δ' εἶναι πολλῶν ἀγαθῶν αἴτιος ὑμῖν ὁ ποιητής,
παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι,
μήθ' ἥδεσθαι θωπευομένους, μήτ' εἶναι χαυνοπολίτας.
Πρότερον δ' ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πόλεων οἱ πρέσβεις ἐξαπατῶντες
πρῶτον μὲν ἰσοτεφάνους ἐκάλουν· κάπειδῆ τοῦτό τις εἴποι,
εὐθύς διὰ τοὺς στεφάνους ἐπ' ἄκρων τῶν πυγιδίων ἐκάθησθε.
Εἰ δέ τις ὑμᾶς ὑποθωπεύσας λιπαρὰς καλέσειεν Ἀθήνας,
ἦῤυρετο πᾶν ἂν διὰ τὰς λιπαρὰς, ἀφύων τιμὴν περιάψας.
Ταῦτα ποιήσας πολλῶν ἀγαθῶν αἴτιος ὑμῖν γεγένηται⁹.

В подтверждение того, что в приведенном сюжете подразумеваются именно события, относящиеся к первой сицилийской экспедиции афинян, необходимо принять во внимание, что в тот промежуток времени, когда были написаны комедии “Вавилоняне” и “Ахарняне”, т. е. между месяцем элафеболионом (вторая половина марта — первая половина апреля) 426 г. и месяцем гамелионом (вторая половина января — первая половина февраля) 425 г. нет ни одного свидетельства об обращении в Афины иностранных посольств.

В пользу того, что в приведенном фрагменте подразумевается обращение именно Горгия Леонтинского к народному собранию афинян, также говорит и более тщательное рассмотрение самого текста. Из контекста отрывка понятно, что автор не дружелюбно настроен по отношению к выступившему когда-то и склонившему собрание к какому-то решению оратору. Аристофан известен своим благожелательным отношением к политике Перикла и ярким неприятием каких-либо нововведений, особенно в том, что, касается литературы¹⁰. Горгий же пер-

---

⁸ Парабазис – важнейшая партия хора, обращенная непосредственно к зрителям и чаще всего не связанная с сюжетом комедии, своеобразное лирическое или публицистическое кредо автора, где поэт рассказывал о себе, обсуждал волнующие политические вопросы.

⁹ “Утверждает поэт, что немалые он перед вами имеет заслуги.

Это он научил, чтоб не верили вы чужеземца неверному слову,

Чтоб с восторгом не слушали льстивую речь, не зевали за делом гражданским.

Прежде было нетрудно послам городов обмануть вас, начав с обращения:

“О фиалковенчанские!” Стоило лишь услышать вам приятное слово

О венках и фиалках – и в этот же миг вам уже не сиделось на месте.

Или если какой-нибудь ласковый льстец говорил о “блестящих Афинах”,

Он всего добивался от граждан, хотя и селедка бывает блестящей.

Вот заслуги учителя. Множеством благ вы обязаны слову поэта.”

(Пер. С. Апта).

¹⁰ Ярхо В.Н. Комедии Аристофана // Аристофан. Комедии. Т. 1. С. 9–28. Особенно ярко Аристофан выступает против демагогов и лидеров радикальной демократии, пришедших к власти в первые годы Пелопонесской войны. Что касается творчества, то только в конце своего творческого пути комедиограф сумел порвать со старой традиционной формой и нащупать пути для

вым стал употреблять фигуры, а именно антитезы, исоколы, паризы, одинаковые окончания и некоторые другие приемы в том же роде (πρώτος γὰρ ἐχρήσατο τοῖς τῆς λέξεως σχηματισμοῖς περιττοτέροις καὶ τῇ φιλοτεχνίᾳ διαφέρουσιν, ἀντιθέτοις καὶ ἰσοκώλοις καὶ παρίσοις καὶ ὁμοιοτελεύτοις καὶ τισὶν ἐτέροις τοιούτοις [Diod. XII.53.4]).

В 634 стихе “Ахарнян” Аристофан утверждает, что он действительно оставил граждан перед заблуждением, навеванным силой чужеземного слова (παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατάσθαι) и предупреждает афинян не обманываться впредь, приводя в пример выражение, которое, скорее всего, мог использовать Горгий в обращении к народному собранию: οἱ ἰοστεφάνοι¹¹ — “фиалковенчаные”. Этот эпитет вполне мог использоваться оратором для получения благосклонности со стороны афинского собрания. Предположение основывается на том, что “блестящий” стиль речи, основанный на лести, характерен для леонтинского риторика и применение различных ярких эпитетов встречается в его ораторской практике. Однако Горгий иногда оказывается осужденным за такие вольности. Так, у риторика Афанасия Александрийского говорится: “в “Надгробном слове”, не будучи в состоянии по требованию стиля сказать просто “коршуны”, употребил выражение “живые могилы”” (ἐν τῷ Ἐπιταφίῳ αὐτοῦ οὐκ ἰσχύων γῦπας εἰπεῖν ζῶντας εἴρηκε τάφους. [Athan. Alexandr. XIV.180.9 = Gorgias frag. 5a Diels–Kranz])¹².

Кроме того, Аристофан использует сравнение, целью которого, возможно, является разоблачение специфического приема оратора, такого как паромия¹³. Комедиограф наряду с выражением “блестящие Афины” (λιπαρὰς Ἀθήνας) приводит выражение о блестящих селедках (ἡῦρετο πᾶν ἄν διὰ τὰς λιπαράς, ἀφύων)¹⁴. Естественно, Горгий мог и не использовать такие приемы в своей речи или использовать их очень осторожно, учитывая ответственность своей мис-

овладения новой художественной формой, способной полнее выразить особенности нового этапа развития общества.

¹¹ “Фиалковенчаные” — традиционный эпитет Афин, восходящий, по-видимому, еще к древнегреческому лирическому поэту Пиндару (ὦ ταῖ λιπαραὶ καὶ ἰοστεφάνοι καὶ ἀοίδιμοι [frag. 76 H. Maehler]).

¹² Ср.: “так осмеиваются выражения Горгия Леонтинского, пишущего: “Ксеркс, Зевс персов” и “Коршуны, одушевленные могилы”” (ταύτη καὶ τὰ τοῦ Λεοντίνου Γοργίου γελᾶται γράφοντος Ξέρξης ὁ τῶν Περσῶν Ζεὺς καὶ Γῦπες ἐμψυχοὶ τάφοι [Longin. π. ὕψους. 3.2 = Gorgias frag. B 1 Diels–Kranz]).

¹³ Прием, при котором используются слова схожие по звучанию (от греч. παρόμοιος “довольно похожий, сходный”). Цицерон в “Ораторе” пишет: “забота о том, чтобы словам соответствовали слова одинаковой длины, как бы вровень отмеренные, чтобы нередко сближались несхожие и сопоставлялись противоположные понятия и чтобы окончания фраз, сходным образом закрутясь, давали сходный звук” (*Orator.* 38 [пер. Т.А. Миллер]).

¹⁴ Прилагательное λιπαρός используется Пиндаром по отношению к Афинам в смысле “богатый”, “пышный”, “цветущий”. Аристофан же говорит еще о селедке, поскольку λιπαρός также означает “жирный”, “маслянистый”.

сии¹⁵. Тем не менее, Аристофан обвиняет оратора в том, что последний, обольстив наивных граждан (χαλιπολίτας) Афин приятным словом, которое вполне могло оказаться насмешкой, приобрел некую выгоду.

Итак, основываясь на отрывке из парабазиса комедии “Ахарняне” можно предположить, что Горгий, выступая и применяя различные приемы в своей речи перед афинянами, народом, который был одарен красноречием и любил слово, определенным образом повлиял на исход решения афинян. Хотя была отправлена экспедиция всего из двадцати кораблей, но, учитывая сложность внутривнутриполитической обстановки в Афинах, большего Горгий и не мог добиться. Косвенным подтверждением того, что миссия для леонтинца оказалась удачной, является тот факт, что в скором времени оратор возвращается в Грецию, где и проводит остаток своей долгой жизни, найдя в Элладе благодарных слушателей и учеников.

---

¹⁵ Цицерон в “Ораторе” обвиняет Горгия, что тот пользовался различными ораторскими приемами неумеренно (“sed iis est usus intemperantius” [175]).

С. В. Семенов (Самара)

КРИТСКИЙ СТАРТОΣ: РОД, ФИЛА ИЛИ ВОЕННЫЙ СОЮЗ?

Вопрос о “стартах” является одним из ключевых для понимания политического устройства Гортины — в V в. до н. э. крупнейшего наряду с Кноссом полиса центральной части Крита. Аристотель, рассказывая в “Политике” о критском институте власти, коллегии космов, утверждает, что должность косма является выборной, но избирают этих должностных лиц не из всех граждан, а из определенных родов (ἐκ τινῶν γενῶν [Arist. Pol. 1272a]). Однако в знаменитом Гортинском законодательстве, относящемся к середине V в. до н. э., имеется четкое указание на то, что космов — по крайней мере, в Гортине — избирали не из родов, а из “стартов” (*Inscr. Cret.* IV.72 V.5–6: ὅκ’ ὁ Αἰθ[α]λεῦς [σ]τартὸς ἐκόσμων). Пытаясь примирить сообщение Аристотеля с данными эпиграфики, некоторые исследователи склонны видеть в упоминаемом в Гортинских законах στартὸς Эталеев именно род¹. В ряде надписей более позднего периода (III–II вв. до н. э.), причем не только из Гортины (*Inscr. Cret.* IV.197), но и из Кносса (*Inscr. Cret.* I.XVI.3), а также Дероса (*Inscr. Cret.* I.IX.1A), фигурирует фила Эталеев. Отсюда следует, что στартὸς, возможно, является подразделением филы. Но род ли это? Скорее всего, нет. Во-первых, не представляется возможным объяснить, почему в прескриптах критских надписей (например, в уже упоминавшейся гортинской надписи [*Inscr. Cret.* IV.197]) наряду с названием предполагаемого рода Эталеев встречаются также названия основных дорийских фил². Во-вторых, род как таковой ни разу не упоминается, хотя, судя по контексту некоторых мест, зачастую подразумевается в Гортинских законах. Более того, члены коллегии космов судили только те дела, которые затрагивали именно интересы филы (*Inscr. Cret.* IV.72.VIII.55). Все это говорит, скорее, в пользу теории “старт–фила”, чем “старт–род”.

По-видимому, исходя из подобных соображений, а также основываясь на тексте одной довольно поздней надписи из Литта II–III вв. н. э., Ю.В. Андреев пришел к выводу о тождественности филы и старта³. В надписи говорится о раздаче денег на праздники Теодесий и Велханий (*Inscr. Cret.* I.XVIII.11), причем в первом случае деньги взимаются со старта, а во втором — с фил. На наш взгляд, текст надписи не дает достаточных оснований для отождествления старта с филими. Совершенно очевидно, что налицо две выдачи из разных источников: денег старта и денег фил, а не одна выдача, повторенная дважды, как счи-

¹ Willets R. F. *Aristocratic Society in Ancient Crete*. London, 1955. P. 28–29.

² В частности, в той же надписи фигурируют Δυμάων.

³ Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 144–145.

тал Ю.В. Андреев⁴. Кроме того, вряд ли правомерно распространять сведения, касающиеся столь позднего времени, т. е. II–III вв. н. э., на V в. до н. э. За несколько столетий старт, как и фила, мог претерпеть значительные изменения. Так, С. Спиридакис убедительно доказывает, что ко II в. до н. э. филы некоторых критских полисов уже представляли собой территориальные, а не родовые объединения⁵. В свою очередь, П. Перлман пытается показать, что старт Эталева в Гортинском законодательстве как раз и представлял собой подобное территориальное объединение в отличие от традиционных родовых дорийских фил⁶.

Последнее утверждение не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований. В Гортинском законодательстве присутствует именно родовая фила, о чем недвусмысленно свидетельствуют законы о дочерях-наследницах (*Inscr. Cret.* IV.72.VII.15–VIII.19), где можно видеть, что членами филы являются близкие и дальние родственники⁷. Таким образом, более предпочтительным выглядит вывод Ю.В. Андреева о том, что старт и фила в критских надписях являются синонимами.

Однако в нашем распоряжении имеются еще два источника: гортинская надпись первой половины V в. до н. э. (*Inscr. Cret.* IV.80) и глосса в “Лексиконе” Гесихия (*Hesych.* s. v. στάρτοι). Странно, но ни Л.Н. Казаманова, ни Ю.В. Андреев, ни П. Перлман, разбирая вопрос о критских стартах, не обращались к тексту упомянутой надписи из Гортины. Между тем, в этом документе, содержащем текст договора между Гортиной и Риттенией, фигурирует должность “стартагета” (σταρταγέτας). Более того, из надписи следует, что при посещении гортинскими стартагетом и космом Риттении оба они могли вмешиваться в дела управления этим полисом (*Inscr. Cret.* IV.80.4–6).

В свое время Ф. Халбхер, анализируя данную надпись, отмечал, что стартаγέτας можно сравнить с πολέμαρχος⁸. Действительно, стартаγέτας мог иметь полномочия στρατηγός. Если же учесть, что стартагет явно был наделен полномочиями косма и, скорее всего, входил в состав коллегии космов, являющейся высшей магистратурой в Гортине, то предположение Халбхера не лишено оснований. С другой стороны, этот же исследователь не исключает возможность иного объяснения: гортинский стартагет мог быть просто главой (ἀρχός) старта, подобно тому, как существовали главы агел, андрий и фил⁹.

В дальнейшем получила развитие первая из упомянутых гипотез. Г. Бузольт и Э. Кирстен, опираясь на текст Гесихия (στάρτοι· αἱ τάξεις τοῦ πλήθους),

---

⁴ Андреев Ю.В. Мужские союзы... С. 144–145.

⁵ Spyridakis S. V. *Cretica: Studies on Ancient Crete*. New Rochelle; N. Y., 1992. P. 150.

⁶ Perlman P. One Hundred-Cityed Crete and the “Cretan Politeia” // *CP*. 1992. Vol. 87. P. 196.

⁷ См. подробнее: Казаманова Л. Н. К вопросу о семье и наследственном праве на Крите в VI–V вв. до н. э. // *ВДИ*. 1960. № 4. С. 48–49.

⁸ Halbherr F. *Cretan Expedition III. Epigraphical Researches in Gortyna* // *AJA*. 1897. Vol. I. P. 208 (№ 23).

⁹ *Ibid.*

делают вывод, что *στартός* — это часть филы, включающая в свой состав всех взрослых военнообязанных мужчин¹⁰. В таком случае, при избрании космов из старта Эталеев, фигурирующего в Гортинском законодательстве, стартагет, естественно, вступал в должность косма-полемарха. На наш взгляд, указание на то, что старт является мужским военным союзом, содержится и в договоре Гортины с Риттенией. Р. Уиллетс показал (и мы разделяем его мнение), что данный договор не является соглашением равноправных союзников¹¹. Наоборот, жители Риттении оказываются в подчиненном положении по отношению к гортинцам. Это становится очевидным, если учесть официально закрепленное право гортинских космов вмешиваться в управление соседним полисом. Возможность подобных действий со стороны космов Риттении в договоре не зафиксирована. По нашему мнению, такого рода подчинение могло состояться или под угрозой применения военной силы, или же быть результатом ее реального применения. В любом случае, именно зависимое положение Риттении, на наш взгляд, объясняет вмешательство в дела управления полисом гортинского стартагета в качестве военного предводителя. Отсюда находит объяснение и выплата некой компенсации Риттении в размере одной драхмы, производимой гортинским *στартός*, по-видимому, как раз за участие в управлении (*Inscr. Cret. IV.80.6–7*); т. е. старт в данном случае выступает как военный союз определенной гортинской филы, из членов которого были избраны космы, в том числе и стартагет-полемарх.

Что касается другой гипотезы Халбхера, согласно которой *στартαγέτας* — это лишь глава *στартός* и не более того, то она, по нашему мнению, недостаточно убедительно объясняет присутствие *στартαγέτας* в тексте договора Гортины с Риттенией.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что гортинский *στартός*, вероятнее всего, представлял собой мужской военный союз как часть филы, во главе которого стоял *στартαγέτας*. По-видимому, именно из этих союзов и избирались гортинские космы. Предположение о тождественности старта роду является маловероятным. Стремление же некоторых исследователей показать, что старт равнозначен филе, наталкивается на неразрешимые для нынешнего состояния источников трудности.

¹⁰ *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1926. Bd. II. S. 745; Kirsten E. Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Würzburg, 1936. S. 152.*

¹¹ *Willets R.F. Op. cit. P. 111.*

Руденко М.Н. (Астрахань)

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В 325– 323 ГГ. ДО Н. Э.

Очень важным и интересным представляется вопрос о том, какие дальнейшие завоевательные цели влекли Александра после возвращения из Индии в Вавилон и завершения Восточного похода. Традиция предлагает несколько ответов и нашей задачей является, проанализировав все факты, выявить наиболее правдоподобный из них.

Диодор Сицилийский информирует о масштабных планах завоевания Западного Средиземноморья, включавших вначале покорение Карфагенской державы и всей Северной Африки, а затем и Западной Европы (Diod. XVIII.4.2–5). Эти данные в целом пользовались доверием современных исследователей, особенно немецких¹. Однако сомнение высказал У. Тарн, считавший, что Диодор использовал позднюю, романтическую традицию. Соответственно, и Западный поход английский историк назвал поздней фальсификацией (“late forgery”)². Но Тарн идет еще дальше, пытаясь аргументировать отсутствие у Александра планов мирового господства как таковых, о чем, по его мнению, может свидетельствовать, в частности, неприятие им многозначительного титула Ахеменидов “царь царей”. Приписанное Александру стремление к захвату всей ойкумены не более чем легенда, возникшая как следствие провозглашения его египетским фараоном, которому Амон обещал власть над всей землей, что было, однако, лишь формальностью³.

Строго говоря, у нас действительно нет прямых доказательств глобальных планов Александра, но все, что известно о его личности, заставляет предполагать нежелание македонского царя успокоиться на достигнутом, ведь завоевания были смыслом его жизни. Эту личностную составляющую нельзя сбрасывать со счетов⁴. Совершенно правомерной представляется и критика взглядов У. Тарна Ч. Робинсоном, касающаяся того, что обоснование недостоверности традиции о походе на запад, еще не повод отвергать планы мирового господства в целом⁵.

Тем более, в источниках встречается еще одна версия, утверждающая наличие у Александра смелого замысла Западного похода, где речь шла о плавании вокруг Африки и последующем подчинении земель на западе (Arr. *Anab.* IV.7.5; V.26.2; VII.1.2; Plut. *Alex.* LXVIII). Настойчивость такого достоверного автора

---

¹ Садьков М.И. Международные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. Казань, 2003. С. 32; Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов на Дону, 1996. С. 497–499.

² Tarn W.W. Alexander: Conquest of the Far East // САН¹. 1953 (repr.). Vol. 6. P. 423.

³ *Ibidem.* P. 423.

⁴ Brunt P.A. The Aims of Alexander // GR. 1965. Vol. 12. № 2. P. 212.

⁵ См.: Robinson Ch. Rec. on Tarn W.W. Alexander the Great // AJP. 1949. Vol. LXX. P. 200.

как Арриан, трижды упоминающего в различных местах этот план, требует внимательно отнестись к данному вопросу. В то же время, нет необходимости останавливаться на реальной возможности плавания флота Александра в африканских водах, тем более, что подобная акция, исходя из географических представлений IV в. до н. э., выглядела не настолько уж трудной. Рассмотрим же имеющиеся источники более подробно.

Хорошо известно, каким авторам отдает предпочтение Арриан в своем описании похода Александра. Это его непосредственные участники — Птолемей и Аристул, о чем читатель информируется в самом начале труда Арриана (Арг. I.1.1). Но сведения о планируемом походе на запад не содержались у Птолемея и Аристула. В одном месте из трех Арриан, сообщая о замыслах Александра, употребляет фразу “некоторые писали” (οἱ δὲ καὶ τότε ἀνέγραψαν [VII.1.2]), показатель того, что в данном случае он использовал какой-то другой источник. Плутарх в связи с описанием плавания Неарха обращает внимание на желание царя направить экспедицию на запад, к Геракловым столбам, в обход Ливии, но также без указания на источник информации.

Таким образом, невозможно установить, к кому конкретно восходит версия о Западном походе и соответственно оценить степень ее достоверности. Это, конечно, снижает ценность этого сообщения и заставляет историков относиться к нему с недоверием. Например, П. Брант, который рассматривает свидетельство Арриана об экспедиции вокруг Африки как доказательство наличия у Александра после Индийского похода глобальных завоевательных устремлений, почему-то принимает за истинную и отражающую реальные планы царя традицию, сохраненную Диодором⁶. Интересный пример совмещения несовместимого.

У Арриана содержится и еще одна версия относительно масштабов претензий Александра. В Бактрии к македонскому завоевателю прибыло посольство царя Хорезма Фарасмана, предложившего обеспечить поддержку похода в Причерноморье. Однако Александр сообщил о намерениях осуществить вторжение в область Эвксинского Понта не ранее своего возвращения в Элладу после покорения Азии (Арг. IV.15.6). Казалось бы, эта информация может восходить к Птолемею и Аристулу, так как в данном случае Арриан не упоминает какие-то иные свои источники. Но Фарасман пытается привлечь внимание Александра совместными действиями против амазонок, чье появление сразу сводит на нет ценность всего сообщения в целом и позволяет предположить, что оно восходит к поздней традиции.

Следует обратить внимание на действия, предпринимавшиеся Александром в 325—323 гг. Как нам кажется, они могут служить косвенными доказательствами в пользу утверждения Арриана и Плутарха о Западном походе вокруг Африки. В этот период активность македонского царя сосредотачивается в Персидском

⁶ Brunt P.A. Op. cit. P. 212-213.

заливе. Производится строительство кораблей на Евфрате, гавани в Вавилоне на 1000 судов и верфей в этом же городе, который на время становится центром империи (Агг. VII.19.3–4). Для обеспечения флота необходимыми кадрами на вербовку людей в Сирии и Финикии выделяется 500 талантов (Агг. VII.19.5). Конечно, все эти мероприятия хорошо понятны в рамках предстоящего Аравийского похода.

Но есть один факт, говорящий, видимо, о чем-то более глобальном, чем завоевание Аравии. Это — проект колонизации побережья Персидского залива с помощью тех же финикийцев (Агг. VII.19.5). При этом речь шла не о насильственном переселении в интересах империи, а об их возвращении на историческую родину. В античной традиции было распространено представление о том, что именно с берегов Персидского залива происходило заселение Финикии (Hdt. I.1; VII.89). Ю.Б. Циркин считает возможным говорить об использовании Геродотом сведений храмовых источников Тира⁷. Если это действительно так, то финикийцы и сами считали Персидский залив своей прародиной.

Таким образом, Александр планировал длительное освоение этого региона, учитывая при этом финикийские традиции. Также надо принимать во внимание, что македонскому царю были легко доступны сведения о плавании финикийцев вокруг Африки (Hdt. IV.42). Не собирался ли царь использовать навыки финикийцев в предстоящем походе? Кроме того, аравийскую экспедицию вполне можно рассматривать как начальный, подготовительный этап похода на Запад, о котором информируют Арриан и Плутарх.

Еще одним аргументом в пользу историчности данной версии являются географические представления Александра. Даже в отдельных деталях они весьма напоминают представления Аристотеля. В этом нет ничего удивительного, если принять мнение Дж.Р. Гамильтона о получении Александром нормального “академического” образования⁸.

По мнению Аристотеля, восточные окраины ойкумены соприкасаются с областью Геракловых столбов, о чем свидетельствует, в частности распространение в Индии и Ливии одинаковых животных — слонов (Arist. *De caelo*. III.14.298 a). Иными словами продвижение на восток означало приближение к западу.

Видимо, Александр на основе полученных им данных пытался подтвердить взгляды своего учителя. Находясь в Пенджабе, царь выдвинул предположение о том, что Инд и Нил — это одна и та же река, обтекающая по суше Индийский океан, который рассматривался, соответственно, как внутреннее море (Агг. VI.1.1–3). При этом используется аргументация, схожая с аргументацией Аристотеля: Александр обнаружил в обеих реках крокодилов и, якобы, схожие бобы, растущие на их берегах (Агг. VI.1.2). Таким образом, эта теория является

---

⁷ Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001. С. 36–37.

⁸ Hamilton J.R. Alexander's Early Life // GR. 1965. Vol. 12. P. 119.

не географическим курьезом, а, видимо, результатом знаний, полученных царем в юности.

Можно согласиться с Ф. Шахермайером, что в этот момент Александр считал современный Индийский океан замкнутым водоемом на юге, который на севере симметрично дополняет Каспийское море, также не имеющее связей с океаном⁹. Тем более, по поводу Каспия аналогичным было и мнение Аристотеля. И опять ученик следовал за учителем¹⁰. Все это лишний раз доказывает неаутентичность речи Александра перед военачальниками на реке Гифасис, приводимой Аррианом, в которой царь говорит о соединении Каспия с океаном (Арг. V.26.2), хотя очевидно, что тогда Александр думал совсем иначе.

Конечно, достаточно было спуститься вниз по Инду, чтобы убедиться в несостоятельности гипотезы о его единстве с Нилом. Тем не менее, интерес к географической проблематике, с нашей точки зрения, может свидетельствовать в пользу версии о предполагаемом маршруте западного похода, проходящем вокруг Африки.

Но стремление к исследованию новых земель не эквивалентно стремлению к их захвату. Именно на этом настаивает У. Тарн. Если бы у Александра имелись планы мирового господства, он не повернул бы в Индию на реке Яксарт, от которой, по представлениям четвертого века, было совсем недалеко до океана. И перед Гераклидом, посланным для подготовки экспедиции на Каспий, была бы поставлена цель “завоевывать, а не исследовать”¹¹.

На эти аргументы можно возразить следующим образом. Экспедиция Гераклида действительно имела чисто исследовательский характер. Но она направлялась для решения конкретной проблемы, возникшей перед Александром. После плавания по Индийскому океану и разрушения гипотезы о южном замкнутом водоеме, царь стал сомневаться по поводу внутреннего характера Каспийского моря, и цель Гераклида как раз и состояла в проверке: соединяется ли Каспий с океаном (Арг. VII.16.1–2)? Совершенно правильно указывает Ф. Шахермайер на отсутствие у Александра интереса к Каспийскому морю в момент пребывания армии в Гиркании, ведь тогда не было причин сомневаться во взглядах Аристотеля¹².

В области, расположенные за рекой Яксарт, Александр не стал углубляться тоже по вполне понятным причинам. Согласно Аристотелю, северные районы земли безлюдны из-за холодного климата (Arist. *Meteor.* II.5.362 b). Видимо, царь посчитал слабозаселенные пустыни за Яксартом доказательством правоты своего учителя и повернул на юго-восток, в Индию. Это показывает, что Алек-

⁹ Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

¹⁰ По поводу сложной проблемы употребления Аристотелем терминов “Гирканское” и “Каспийское” море см.: Hamilton J.R. Alexander and Aral // CQ. 1971. N. S. Vol. 21. P. 106–111.

¹¹ Tarn W.W. Op. cit. P. 423.

¹² Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

сандром двигал не только интерес к открытию новых земель. Царя привлекали не просто неведомые земли, а только те, которые представлялось возможным каким-то образом использовать. С этой точки зрения, Западный поход, совмещающий исследовательские и завоевательные цели, выглядит гораздо более соответствующим личностным запросам Александра, чем экспедиция в хорошо известное элинам Западное Средиземноморье, о которой сообщает Диодор.

Теперь необходимо более подробно проанализировать возникновение данной версии. В немецкой историографии (К. Мюллер, Э. Шварц, Ф. Якоби) уже достаточно давно выдвинута теория “вульгаты”, объясняющая сходство описания деятельности Александра у Диодора, Курция Руфа и Юстина использованием ими в качестве общего источника сочинения Клитарха¹³. Хорошо известен факт проживания Клитарха в Египте и его пристрастность по отношению к Птолемею¹⁴. В то же время, не менее хорошо известно стремление Птолемея к экспансии в Северной Африке, к западу от египетской границы¹⁵.

Очень логичным представляется мнение У. Тарна, что Птолемей в своем сочинении об Александре обязательно должен был упомянуть о его планах вторжения в Западное Средиземноморье как дополнительном оправдании собственных претензий, простиравшихся в данном направлении. Отсутствие подобного упоминания и является одним из оснований для признания неисторичной версии Диодора. В этой связи, не мог ли последний заимствовать сведения о западном походе у Клитарха?

Т.С. Браун полагает невозможным называть Клитарха официальным пропагандистом политики Птолемея. Скорее, он писал без надзора со стороны двора в Александрии и одной из целей истории об Александре выступало как раз желание получить признание царского окружения¹⁶.

Если принять это утверждение, то важный вопрос — кто писал раньше, Птолемей или Клитарх, не играет в данном конкретном случае решающего значения, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что агрессивная политика Египта в отношении Киренаики и Карфагена ярко проявилась уже в конце IV в., до принятия Птолемеем царского титула, а ряд исследователей относят ее вообще к 20-м гг. IV в.¹⁷

Клитарх мог включить в свое сочинение описание будущего похода в Западное Средиземноморье, чтобы фактом дополнительного обоснования египетской экспансии в Северной Африке обратить на себя внимание Птолемея или его наследников, если царь к этому времени был уже мертв. Конечно, однозначное

---

¹³ *Brown T.S.* Clitarchus // *AJP*. 1950. Vol. LXXI. P. 134.

¹⁴ *Ibid.* P. 135.

¹⁵ *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 45–58; Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях // *Древний Восток и античный мир*. М., 1972. С. 165–184.

¹⁶ *Brown T.S.* *Op. cit.* P. 140–141.

¹⁷ Обсуждение этого вопроса см.: *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 50–56.

установление источника Диодора вряд ли возможно, но то, что таковым являлся Клитарх, весьма вероятно.

Таким образом, версии Диодора о планируемом Александром походе в Западное Средиземноморье и Арриана — о походе к Черному морю, по-видимому, следует признать недостоверными. В то же время, в пользу традиции, сохраненной Аррианом и Плутархом, об экспедиции вокруг Африки, свидетельствуют действия Александра в 325—323 гг., географические представления царя и неограниченность его личных амбиций.

Соколов И.Ю. (Саратов)

Г. ДЕЛЬБРЮК, КСЕНОФОНТ И ВООРУЖЕНИЕ ГРЕКО-МАКЕДОНСКОЙ КОННИЦЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

IV век до н. э. стал временем перемен для всего греческого мира. В этот период на авансцену мировой политики выходит Македония, а вместе с ней и знаменитая македонская армия, которая произвела переворот в военном деле. Здесь на первое место выходит конница, которая, как показал поход Александра Македонского, наносила основной удар армии противника. Именно этот удар и решал исход сражения¹.

Пожалуй, ни один крупный исследователь восточной политики Александра не обошел стороной вопрос вооружения конницы. Это и не удивительно, поскольку при решающей роли конницы в сражении без определения этого аспекта практически невозможно судить о тактике и стратегии македонского царя в Азии. Но именно этот вопрос в исторической литературе все еще остается дискуссионным.

Одной из первых фундаментальных работ по истории эллинизма было трехтомное издание И.Г. Дройзена. Его первый том, вышедший в 1833 году, посвящен походу Александра. Здесь немецкий исследователь пишет о том, что греческие и македонские всадники "...носят шлемы, нагрудники, панцирь, наплечники и набедренники и вооружены копьем и мечом..."².

В противовес точке зрения И. Г. Дройзена появляется теория Ганса Дельбрюка, которую он подробно изложил в первом томе своего труда. Согласно этой теории, всадник вооружен двумя короткими копьями, одно из которых использовалось для метания³.

В своих лекциях по военному искусству в эпоху эллинизма Уильям Тарн уделяет большое внимание использованию животных на войне. Во второй лекции английский исследователь определяет вооружение всадника согласно позиции Г. Дельбрюка, но при этом он исключает возможность использования копий для метания, мотивируя это тем, что после битвы при Гранике у Александра появились отдельные конные отряды метателей дротиков⁴.

В первом томе своей работы Е.А. Разин также затрагивает вопрос вооружения конницы. Здесь он делит конницу на три вида: тяжелую, среднюю и легкую. Тяжелую конницу, к которой относятся гетайры, он произвольно определяет как

---

¹ Дройзен И. История эллинизма. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 134.

² Там же.

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. СПб., 1999. Т.1. С. 135–137.

⁴ Tarn W.W. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1930. P. 71–74.

катафрактов⁵. А.С. Шофман в своем исследовании по восточной политике македонского царя также не обходит вниманием вопрос вооружения конницы, но в этой работе он следует концепции Е.А. Разина⁶.

Джон Фуллер в монографии, посвященной военному искусству Александра, отмечает, что всадники "...были защищены кирасами и вооружены метательными копьями — ксисами для ближнего боя..."⁷. Питер Коннолли в труде по истории военного искусства античности, отмечает, что всадник не имел щита, его тело защищал панцирь, а вооружен он был обоюдоострым мечом и тяжелым копьем⁸. Авторы коллективной монографии о сражениях древнего мира "вооружают" конницу дротиками, но при этом, утверждая о том, что на вооружении гетайров были копья, а не дротики, они также говорят о возможности использования их для метания⁹.

Как видно из краткого обзора историографии, каждый из исследователей этой проблемы находит в чем-то по-своему оригинальное ее решение. Следовательно, задачей данной работы будет попытка на основе источников восстановить вооружение греко-македонской конницы периода восточных походов Александра. Для этого представляется целесообразным подробно рассмотреть теорию Ганса Дельбрюка, во-первых, потому что она представляет собой не простое изложение фактов, как в большинстве работ, а достаточно подробный анализ древних источников, а во-вторых, потому что взгляды Г. Дельбрюка разделяет достаточно большое число исследователей, в том числе и современных. Данная работа на призвана критиковать теорию Г. Дельбрюка. Для своего времени его исследование, безусловно, было принципиально новым шагом в развитии исторической науки. Обращение к его труду вызвано лишь тем, что немецкий военный историк, в отличие от других исследователей, достаточно подробно рассматривает этот вопрос.

Для решения поставленной задачи используется ряд источников. В первую очередь это те тексты, которые приводит сам немецкий историк: две работы Ксенофонта ("Греческая история" и "О коннице"). Кроме того, используются основные источники, связанные с восточными походами царя: "Поход Александра" Арриана, "Жизнеописание Александра" Плутарха, а также XVII книга "Исторической библиотеки" Диодора Сицилийского. Наконец, использованы работы, относящиеся к более позднему периоду: биография Филопемена, написанная Плутархом и "Всеобщая история" Полибия, в VI книге которой можно найти сведения о вооружении греческой конницы.

⁵ Разин Е.А. История военного искусства. М., 1995. Т. 1. С. 207, 213.

⁶ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 288.

⁷ Фуллер Д. Военное искусство Александра Великого / Пер. с англ. М., 2003. С. 50.

⁸ Коннолли П. Греция и Рим: Эволюция военной истории / Пер. с англ. М., 2001. С. 71–73.

⁹ Энгели С., Джестис Ф.Дж. и др. Войны и сражения Древнего мира: 3000 год до н.э. – 500 год н.э. / Пер. с англ. М., 2004. С. 100–102.

Для обоснования своей теории Ганс Дельбрюк использовал два источника. В своей работе “О коннице”, которая носит рекомендательный характер, Ксенофонт развертывает программу подготовки, которую должен пройти всякий всадник: знание пород коней, их особенности, болезни, питание и т. д.¹⁰ Здесь рекомендуется вооружать всадника двумя короткими копьями (дротиками), при отсутствии щита одевать наруч на левую руку, а также защищать голову и грудь лошади доспехом¹¹. Если посмотреть на реконструкции, подходящие под это описание¹², то можно увидеть, что это реконструкции вооружения персидского всадника. Кроме того, когда Ксенофонт пишет о том, какими копьями необходимо вооружать всадника, он использует термин τὸ πάλτον (δύο πάλτα μάλλον [Xen. *De re equestri*. XII.12]), который используют в источниках для обозначения копей персидских всадников (Аг. I.15.1., I.15.5). К тому же греческий историк советует вооружать всадника мечом, обозначая это вооружение термином ἡ κοπίς. Именно этим мечом в битве при Гранике Александру один из персидских военачальников разрубил шлем (ibid. I.15.7–8). Следовательно, Ксенофонт рекомендует вооружать конницу по персидскому образцу. Являясь непосредственным участником военных операций в Персии (походе Кира и отступлении десяти тысяч), греческий историк имел возможность оценить преимущества такого вооружения всадника, особенно в период отступления греков, когда персидская конница изматывала гоплитов на марше¹³. Но, как уже отмечалось выше, трактат носил лишь рекомендательный характер. Можно предположить, что большинство из данных Ксенофонтом рекомендаций не прижились, так как не подтверждаются ни письменными свидетельствами, ни археологическими данными¹⁴.

В одном из отрывков “Греческой истории” Ксенофонта (Xen. *Hel.* III.4.13–15) Ганс Дельбрюк рассматривает одно конное сражение периода похода спартанского царя Агесилая в Персию. Перед боем греческий и персидский конные отряды, вероятно осуществляя разведку, одновременно поднялись на холм (ὁ λόφος). Увидев друг друга, оба отряда стояли какое-то время, не предпринимая каких-либо действий (Xen. *Hel.* III. 4. 13). Расстояние между ними было чуть менее четырех *плефров* (οὐδὲ τέτταρα πλέθρα [ibid. III.4.13]). Греческие всадники были выстроены длинной линией в четыре ряда (φάλαγξ ἐπὶ τεττάρων παρατάγμενοι). Персидский строй имел большую глубину, причем по фронту стояло 12 всадников.

---

¹⁰ История греческой литературы / Под. ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1955. Т. 2. С. 124–125.

¹¹ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

¹² Верри Д. Воины античности. М., 2004. С. 59.

¹³ Разин Е.А. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

На первый взгляд, сведения, приводимые в данном отрывке, понятны, но на самом деле остается много нерешенных вопросов. Почему греческие всадники так и остались на месте и не атаковали персов? Почему персы до появления греческой фаланги не потеряли ни одного человека? Почему, несмотря на пассивность греческих всадников и последующее их бегство, они потеряли всего 12 всадников? Почему потери так малы, ведь с обеих сторон в сражении участвовали более 500 всадников?

В этом пассаже нет свидетельств того, чтобы греческие всадники использовали свои копья, которые обозначаются термином τὸ δοράτιον, для метания (Хен. *Hel.* III.4.13–14). Этот отрывок Ганс Дельбрюк, вероятно, использовал для того, чтобы показать несостоятельность греческой конницы как реальной силы в сражении. Но дело здесь, скорее всего, в другом. Если копья не использовались для метания, то они, вероятно для этого и не предназначались. Следовательно, если предположить, что греческая конница была тяжеловооруженной, то все становится на свои места. Для конницы такого рода необходимо пространство, на котором можно развить определенную скорость для нанесения удара. Известно, что Александр в битве при Иссе приблизился к персам на расстояние полета стрелы (то есть 200–300 метров, или приблизительно полтора стадия) и только после этого атаковал персов своей конницей (Агг. II.10.3). Если бы греки в данной ситуации тронулись с места, то они не просто не развили бы скорость, необходимую для атаки, но и расстроили бы свой боевой порядок, потеряв при этом способность маневрировать.

Необходимо сказать и о действиях персов. Арриан приводит два варианта; в обоих случаях первоначально персы стремительно наступают, имея глубокое построение. При первом варианте это построение распадается на небольшие отряды, которые, постоянно маневрируя, забрасывают противника дротиками, избегая при этом прямого столкновения. Второй вариант состоит в том, что имитируемая лобовая атака реализуется, как, например, в битве при Гавгамелах (*ibid.* III.15.2).

В сражении, описываемом Ксенофонтом, персы использовали первый вариант, что и доказывает небольшие потери. Кроме того, Арриан ясно дает понять, что лобовая атака крайне нетипична для персов, вооруженных дротиками (*ibidem*).

Сохранив строй, греки смогли минимизировать свои потери, этому способствовало их вооружение, к тому же защищаться от дротиков в строю было, вероятно, легче. Ксенофонт, который очень точен в этом отрывке относительно потерь, ничего не говорит о них до прямого столкновения всадников (Хен. *Hel.* III.4.14). Когда персы растратили свои дротики, у греков появилась возможность маневра, более того, к месту сражения уже приближалась греческая фаланга. В этот момент всадники из первых рядов выехали из строя, напав на персов. Та-

кое движение противника должно было заставить их отойти назад или, по крайней мере, помедлить с преследованием. После этого греческая конница имитировала бегство, рассчитывая на то, что, увлекшись преследованием, персы попадут под атаку фаланги. В целом расчет эллинов оправдался, но потери персов были минимальны — всего один всадник (καί [Περσῶν] εἰς αὐτῶν ἀποθνήσκει [ibid. III.4.14–15]). Греки же потеряли 12 всадников и двух лошадей (δώδεκα μὲν ἵππέας, δύο δ' ἵππους [ibid. III.4.14]). Нужно отдать должное и доспехам персов, так как копья греков ломались, не причиняя вреда противнику ([τῶν Ἑλλήνων] πάντες συνέτριψαν τὰ δόρατα [ibidem]). Позднее с подобной проблемой столкнулись и воины Александра. Вероятно, потому они и стали поражать персов копьями в лицо, т. е. незащищенное доспехами место [Arr. I.15.7., III.14.13; Diod. XVIII.20.6].

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, необходимо обратиться непосредственно к вооружению конницы. Наступательное вооружение всадника состояло из копья и меча. Копье в источниках обозначается термином τὸ δοράτιον. Такое копье упоминается еще в “Илиаде”, а к периоду V–IV вв. до н. э. этим термином обозначается тяжелое копье гоплита¹⁵. Условно копье состояло из наконечника (ἡ ἐπιδορατίς), древка (τὸ ξυστόν) и нижнего наконечника, или шипа (ὁ σαυρωτήρ [Polyb. VI.25.8–11]). Именно потому, что копье имело нижний наконечник, его и не использовали для метания, и в случае, если верхний наконечник ломался, употребляли нижний (Arr. I.15.6). В исторической литературе довольно устойчиво мнение о том, что македонские копья (обозначаемые термином τὸ δοράτιον, а иногда τὸ ξυστόν) отличались особо прочным материалом, из которого делалось древко. Большинство исследователей¹⁶ повторяют за Аррианом, что македоняне превосходили персов, в том числе и копьями, сделанными из кизила¹⁷. Прилагательное κρανείνος, действительно, означает *кизильный*, или *сделанный из кизила (крушины), из кизиловой древесины*¹⁸. Но этот термин также употребляется относительно дротиков персов (τὰ παλτά [Xen. De re equestri. XII.12.; Hel. III.4.14]). Из этого следует, что преимущество македонских и греческих копий происходит не от материала, из которого они были сделаны, а от того, как они были изготовлены. По археологическим данным длина копий конницы “друзей” Александра составляла три метра¹⁹.

¹⁵ Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян / Пер. с чешского. Под ред. Ростовцева Д.И. Прага, 1878. С. 536.

¹⁶ См., напр.: Фуллер Д. Указ. соч. С. 169; Энгли С. и др. Указ. соч. С. 102.

¹⁷ ...καὶ ὅτι ξυστοῖς κρανείνοῖς πρὸς παλτά ἐμάχοιτο (“и так как древками из кизила против дротиков они [воины Александра] сражались” [Arr. I.15.5]).

¹⁸ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. 1. С. 978; Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 728. Это прилагательное образовано от существительного κράνεια (*дерево кизил*), которое Плутарх употребляет также в значении “кизильное копье” (см.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. Т. 1. С. 977).

¹⁹ Энгли С. и др. Указ. соч. С. 102.

Когда копье все же приходило в негодность, всадник брался за меч. Ксенофонт указывает три варианта мечей, которые мог использовать всадник: τὸ ξίφος, ἡ μάχαира и ἡ κοπίς (Xen. *De re equestri*. XII.12). Первые два — греческие, но в источниках встречается только τὸ ξίφος — прямой обоюдоострый меч длиной около 60 см.²⁰

Щит был основным оборонительным оружием. Говоря о греческом щите, Полибий называет термин ὁ θυρεός (Polyb. VI.25.10) — большой прямоугольный (“дверобразный”) щит, латинский эквивалент — scutum²¹. Арриан вооружает “друзей” Александра щитом, обозначенным как ἡ ἀσπίς (Arr. I.6.5) — небольшой круглый щит²². Тем не менее, некоторые исследователи склонны думать, что македонская кавалерия Александра обычно не использовала щиты²³. Также всадники носили панцирь — ὁ θώραξ (Plut. *Alex. XVI, Filip. VI*; Diod. XVII.20.4). Подобные доспехи известны примерно с V века до н. э., они идеально подходят для верховой езды. Две части панциря крепились с правой стороны специальными крючками — γίγγλυμοί. Сам доспех делался из особо толстой кожи и бронзы, но при этом не защищал живот, бедра и мускулы плеч всадника, поэтому открытые части тела покрывались рядами кожаных полос. Такой панцирь (θώραξ στάδιος) изображен на статуе Марка Нона Бальба, обнаруженной в Геркулануме в декабре 1738 года²⁴. Голову всадника защищал шлем τὸ κράνος (Arr. I.15.8), т. н. “беотийского” типа, который не закрывал обзор всаднику²⁵.

Таким образом, защитное вооружение конницы было, безусловно, тяжелым. Так, панцирь достаточно часто фигурирует в источниках, то же самое можно сказать и о щитах. Что же касается наступательного вооружения, то следует заметить, что копье всадника как принадлежность тяжеловооруженного воина не могло использоваться для метания. На это указывает устройство копья, которое

²⁰ Велишский Ф.Ф. Указ. соч. С. 529.

²¹ См.: Вейсман А.Д. Указ. соч. С. 616. Название щита происходит от его формы: по-гречески θύρα (или θύρη) означает дверь; см.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. Т. 1. С. 801, 802.

²² Велишский Ф.Ф. Указ. соч. С. 535, 537.

²³ Sekunda N. *The Army of Alexander the Great*. Oxford, 1986. P. 16; Hammond N.G.L. *The Macedonian State*. Oxford, 1989. P. 125. Not. 92.

²⁴ Richt A. *Illustriertes Wörterbuch der Römischen Altertümer*. Leipzig, 1862. P. 363-364.

²⁵ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

имело наконечник и на нижней части древка. Кроме того, в источниках оно зачастую противопоставляется метательному оружию.

Бесспорно, вопрос о вооружении греко-македонской конницы очень непростой, поскольку в вооружении различных конных контингентов армии Александра были свои особенности, и всецело решить его в одной лишь статье вряд ли возможно. Здесь предложен подход к решению, который может стать основой для дальнейших изысканий в этой области.

Смирнов С.В. (Саратов)

КУЛЬТ ЦАРЯ АНТИОХА IV ЭПИФАНА И ИУДЕЙСКИЕ АПОКАЛИПСИСЫ

Глубокий кризис, потрясший иудейское общество II—I вв. до н. э., выразился в мессианских ожиданиях, захлестнувших Иудею этого времени. С одной стороны, причиной этого кризиса была экспансия эллинистических государств (Египта и державы Селевкидов), с другой же, — сильные внутренние противоречия. Жреческая аристократия Иудеи, которая веками складывалась как особое сословие, начала постепенно отходить от иудаизма и принимать греческую религию. Одних на это подталкивали политические интересы, а других насильно облачали в эллинское язычество. Но для простых крестьян и пастухов греческая религия до самого последнего момента оставалась “чужой”. И даже жестокие методы Антиоха Эпифана не смогли по настоящему изменить религиозного самосознания евреев. Простой люд продолжал верить в “избранность” своего народа. Одним из последствий всех этих противоречий стало появление огромного числа религиозных текстов апокалиптического характера, которые большей своей частью составили апокрифическую (тайную) часть Ветхого завета. В них отразились практически все изменения, которые происходили в это время в иудейском обществе. Отображены в них и упоминания о культе царя Антиоха IV Эпифана.

Причиной такого внезапного появления апокалиптических текстов можно считать социально-политический кризис в Иудее, главным же условием был мощный отток городского населения в деревню. Эта миграция была вызвана, главным образом, жестокими действиями Антиоха Эпифана, пытавшегося заставить жителей крупных городов принять греческий политеизм¹. Именно здесь, в сельской местности, и появляются первые апокалипсисы на территории Иудеи.

Одним из наиболее значительных источников является книга пророка Даниила. Дата ее написания точно не установлена, но принято считать, что она была создана в период между 166 и 161 годами до н. э., хотя эту дату можно значительно сузить. В книге никак не указывается смерть Антиоха Эпифана и конец восстания Иуды Маккавея, поэтому, зная дату смерти царя, а это — зима 164 года до н. э., мы можем предположить, что книга была написана примерно в 165 году. Именно эту дату называют К. Клемен² и К. Каутский³. Но существует и другая точка зрения: В. Дюрانت годом ее написания считает 166 год до н. э.⁴.

¹ Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1982. Т. 2. P. 341.

² Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. М., 2002. С. 86.

³ Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 47.

⁴ Дюрانت В. Жизнь Греции. М., 1997. С. 604.

Спорна и цель создания книги пророка Даниила. И.А. Кривелев говорит, что этот источник лишен всякого историзма⁵, но вряд ли эта точка зрения имеет под собой хоть малейшие основания. К. Каутский подчеркивает пропагандистский характер памятника⁶. Чтобы определить цель его написания, необходимо понять, в каких условиях возникла эта книга. Разгар первого Маккавейского восстания, тяжелейшие условия для евреев, постоянные гонения, запреты на проповедования иудаизма, даже на собственный язык, — и тут вдруг обнаруживается литературный памятник, который носит явно пропагандистский характер, тем более, что политическая ситуация, описываемая в источнике (время Вавилонского плена), сильно напоминала положение иудеев во время написания книги. Сам же образ Даниила как мудреца является мифологичным: он сложился еще до появления Ветхого Завета, примерно в III—II тысячелетии до н. э.⁷ Как чудотворец Даниил (Даниилу) упоминается в молитве Набонида, найденной в IV Кумранской пещере⁸. И.Д. Амусин отмечает близость сюжета в молитве Набонида и в Книге пророка Даниила⁹. А в самой книге неверно дан портрет Навуходоносора, который больше походит на царя Набонида. И.Д. Амусин говорит о том, что это слияние могло произойти в процессе исторической эволюции¹⁰. Но есть и другой путь; предположим, что в условиях восстания и разобщенности отдельных групп населения требуется некий призыв взяться за оружие и выступить против врага единым фронтом, тогда и появляется книга¹¹. В качестве главного героя выступает один из самых популярных в народе мудрецов, легендарная личность — Даниил, который пророчит о будущем конце всех мучений. Схожесть с сюжетом молитвы Набонида можно объяснить тем, что книгу писали в спешке, поэтому взяли сюжет более раннего текста, видимо, какого-то религиозного произведения, и по его подобию создали первую часть книги, вторая же часть, в которой говорится о будущем, стала плодом фантазии автора.

Судить о степени распространенности данной книги позволяют некоторые факты. К примеру, уже в первой книге Маккавеев (30-е гг. II в. до н. э.) упоминается легенда из Книги пророка Даниила: "...Даниил за свою невинность избавлен от челюстей львов..." (I Макк. 2.60). Это упоминание здесь не случайно. Мы знаем, что тринадцатая и четырнадцатая главы, куда входит и этот отрывок, в Книге пророка Даниила были написаны на греческом языке. По-видимому, это произведение было рассчитано на широкий круг читателей, а именно на иудейскую диаспору, хотя, конечно, сами иудеи принимали только ев-

---

⁵ Кривелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1985. С. 164.

⁶ Каутский К. Указ. соч. С. 266.

⁷ Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С. 66–67.

⁸ Там же.

⁹ Амусин И.Д. Тексты Кумрана. М., 1967. № 1. С. 328–330.

¹⁰ Там же.

¹¹ Rothschild A. The History and Literature of the Israelites. London, 1871. P.194.

рейский текст¹². Но и через двести лет после написания текста Даниил продолжал оставаться одним из самых авторитетных пророков. Евангелие от Матфея упоминает пророчество Даниила¹³.

Переполненная символикой основная часть книги представляет обзорную историю евреев от Вавилонского плена до правления Антиоха Эпифана. Упоминается здесь Александр Македонский, распад его державы и образование эллинистических государств. В качестве примера сложной символики произведения можно привести так называемую символику четырех царств, обозначенных в книге различными металлами, из которых был сделан истукан Навуходоносора, коему, по приказу царя, должны были поклоняться все жители царства. Золото — Вавилония (“...ты — это золотая голова...” [Даниил. 2.38]), серебро — Персия, медь — царство Александра, “...которое будет владычествовать над всею землею...” [там же. 2.39], а железо и глина — государство Селевкидов. Камень же, который согласно тексту разбивает эту статую, — еврейский народ. Именно такую схему предложил Э. Ренан¹⁴. Вполне возможно, что этот образ истукана и камня в тексте книги не случаен, так как Диодор Сицилийский свидетельствует о некоем каменном изображении Моисея, которое было обнаружено Антиохом¹⁵. И именно этот символ иудейской веры был осквернен актом жертвоприношения, так что свиная кровь с алтаря храма текла прямо по камню¹⁶. Весь иудейский народ был унижен этим поступком Антиоха.

Интересен и отрывок из двенадцатой главы, где говорится о противостоянии “северного” царя и “южного”. Этими символами обозначены вполне реальные события, а именно походы Антиоха Эпифана в Египет, среди которых отдельно отмечается второй, наименее удачный и омраченный внезапным прибытием римлян, именуемых здесь Κίτιοι¹⁷. Большую часть всего повествования о “северном царстве” занимает описание действий одного царя. По данным книги, этот царь совершил множество дурного в отношении иудеев, всячески притеснял их, “...поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище...” [Даниил. 11.31]. Судя по всему, в книге есть даже намеки на восстание, “...и разумные из народа вразумят многих...” [там же. 11.33]. Из этих фактов можно сделать вывод, что в книге описываются так же события начала Маккавейских войн.

Помимо всего прочего, в этой же главе оговаривается один важный момент: “...и вознесется он выше всякого божества...” [Даниил. 11.36], когда речь идет

¹² Донини А. У истоков христианства. М., 1989. С. 12.

¹³ “...когда вы увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила (τὸ ῥηθὲν διὰ Δανιὴλ τοῦ προφήτου), стоящую на святом месте...” (Евангелие от Матфея. 24.15).

¹⁴ Renan E. Histoire du peuple d'Israel. Paris, 1893. Т. 4. Р. 347.

¹⁵ εἰρῶν δὲ ἐν αὐτῷ λίθινον ἄγαλμα ἀνδρὸς βαθυπώγωνος καθήμενον ἐπ' ὄνου, μετὰ χεῖρας ἔχον βιβλίον, τοῦτο μὲν ὑπέλαβε Μωυσέως (Diod. XXXIV–XXXV.1.3).

¹⁶ Graetz. Histoire des Juifs. Tr. de l'allemand par M. Wogue. Paris, 1884. Т.2. Р. 90.

¹⁷ Daniel. 11. 30; Daniel. Theodotionis versio // Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. 9. Aufl. Stuttgart, 1935. Bd. 2).

об Антиохе Эпифане. Здесь мы видим прямое указание на культ данного правителя. Подобные строки находим и во Второй книге Маккавеев: "...и тот, который только что мнил по гордости, более нежели человеческой, повелевать волнам моря и думал на весах взвесить высоты гор, повержен был на землю и несен был на носилках, показуя всем явную силу Божию..." [II Макк. 9.8]. Из контекста становится понятно, что Эпифан не чтил богов предков "...и о богах отцов своих он не помыслит..." [Даниил. 11.37], но зато он почитал какого-то нового бога. Скорее всего, это был Дионис, культ которого активно распространяется в это время по всему античному миру¹⁸.

Интересно еще одно место в книге: "...но богу крепостей на месте он будет воздавать честь..." [Даниил. 11.38]. Конечно, сразу же кажется сомнительным словосочетание "бог крепостей". Версия текста, представленная в Септуагинте следующая:

ἐπὶ τὸν τόπον αὐτοῦ κινήσει καὶ θεόν, ὃν οὐκ ἔγνωσαν οἱ πατέρες αὐτοῦ, τιμήσει ἐν χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ λίθῳ πολυτελεῖ

("...на место свое принесет и бога, которого не знали отцы его, и будет славить его золотом и серебром, и драгоценными камнями..." [Daniel. 11.38, translatio Graeca]). Но в переводе Феодотиона, который в начале II века н. э. предпринял переработку Септуагинты, стремясь приблизить ее к прото-масоретской версии, это выглядит так:

καὶ θεὸν μαωζιν ἐπὶ τόπου αὐτοῦ δοξάσει καὶ θεόν ὃν οὐκ ἔγνωσαν οἱ πατέρες αὐτοῦ, δοξάσει ἐν χρυσῷ καὶ ἀργύρῳ καὶ λίθῳ τιμίῳ

("...и бога маозим на месте своем прославит, и бога, которого не знали отцы его прославит золотом и серебром, и драгоценными камнями ..." [Daniel. 11.38, Theodotionis versio]).

Больше всего внимания привлекает здесь слово μαωζιν. Оно явно негреческого происхождения, а, скорее всего еврейское. В греческом языке такого слова нет, вероятнее всего, это имя собственное. Древнеславянский же перевод дает следующее: " б о б а ..." ¹⁹ (...и бога ма-зоима на месте своем прославит...).

Нужно заметить, что в Симеоновском переводе употребляется слово в родительном падеже, то есть . Среди имен собственных с похожей основой можно отметить название горы в Сирии — Мазин (Masin) ²⁰.

¹⁸ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 307.

¹⁹ Даниил. 11. 38 (Мефодиевский перевод) // Евсеев И. Книга пророка Даниила в древнеславянском пер. М., 1905.

²⁰ Atlas de la sainte Bible: en latin et en franzais. Paris, 1836. Т. 1. Р.1.

В подтверждение этого факта можно привести один отрывок из Книги Судей: ἐπὶ τῆς κορυφῆς τοῦ ὄρους Μαωζ (“...на вершине горы Маоз ...” [Judices 6.26]). Сложно так же определить, какой из вариантов греческого перевода объективней, но Феодотион в своем переводе пытался приблизить его к так называемой прото-масоретской (более ранней) версии текста²¹.

Из приведенного выше отрывка видно, что речь идет о каком-то боге под именем Маозим. Его и прославляет Антиох. Существует предположение, что μαωζιυ — это Зевс²². В пользу этого говорит тот факт, что Иерусалимский Храм был назван святилищем Зевса Олимпийского (II Макк. 6.2)²³. Хотя в Маккавейских книгах ни разу не встречается случай приношения в жертву быка как жертвенного животного для Зевса. Возможно μαωζιυ — это собирательный образ ипостасей царя, в которых он предстал перед своими поданными. Но факт остается фактом: Антиох Эпифан установил свой культ в Иудее, причем сделал это с применением силы. Причины этого понять сложно, но можно предположить, что у царя действительно была утопическая идея объединения всей державы при помощи единой религии²⁴.

Наиболее приближенной, как по стилю написания, так и по отдельным отрывкам, к книге пророка Даниила является книга Еноха, написанная также в середине II века до н. э. В. Дюрант относит ее написание ко времени между 170 и 166 годами до н. э.²⁵, тогда как В.М. Хачатурян называет дату 162–161 гг. до н. э.²⁶. Тем не менее, можно предположить, что эта книга была создана либо в одно время с книгой пророка Даниила, либо чуть позже, и поэтому дата 162 год является, на мой взгляд, наиболее приемлемой. Примечательно, что, как и книга пророка Даниила, она была написана в довольно короткий срок, что, безусловно, говорит о потребности в произведениях данного жанра в это время.

Сама книга повествует нам о патриархе Енохе, жившим еще до потопа. Несомненно то, что автор этого произведения, подобно создателю книги пророка Даниила, повествует от имени одного из самых почитаемых и авторитетных в народе старцев и мудрецов. В принципе, то же самое можно увидеть в апокалипсисе Ездры и Псалмах Соломона. В книге Еноха мы находим ряд мотивов, которые очень близки книге пророка Даниила. Примечательно место, говорящее об избраннике Бога, который сойдет на землю. К примеру, в книге пророка Да-

²¹ Шифман И.Ш. Указ. соч. С. 20.

²² Die Bible mit Erklrungen / Nach der bersetzung Martin Luters; Mitarbeiter am Alter Testament: D. Baltzer, M.-J. Blieffert u.a.; Mitarbeiter am Neuen Testament: G. Baumbach, K. M. Fischer. Berlin; Altenburg, 1989. S. 627.

²³ Гехт Э. Очерк по истории еврейского народа. СПб., 1866. С. 7; Тарн В. Указ. соч. М., 1949. С. 304.

²⁴ Там же. С. 7; Тарн В. Указ. соч. М., 1949. С. 304; История израильского народа. М., 1902. С. 163.

²⁵ Дюрант В. Указ. соч. С. 611.

²⁶ Хачатурян В.М. Книга святых тайн Еноха // Книга Еноха. М., 2003. С.302.

ниила читаем: "...вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий,.. дана ему власть, слава и царство,.. Его владычество — владычество вечное..." [Даниил. 7. 13—14], подобное место из книги Еноха: "...в тот день избранный сядет на престол славы,.. и в тот день Я пошлю Моего Избранного жить между ними..." [Енох. 8. 45]. Но в псалме (Давида) 71, относящемуся примерно к этому же времени, можно найти подобные строки: "...он сойдет, как дождь,.. поклонятся ему все цари..." [Псалтырь. 71.6—11]. То же самое мы читаем и в псалмах Соломона: "...да направит он мужа в делах правды,.. да поставит всех их перед Господом..." [Псалмы Соломона. 18.9]. Конечно, сложно определить, какое произведение оказалось образцом для других, но с уверенностью можно отметить идею ожидания мессии, которая была активно распространена в это время. Тогда Антиоха представляли как дьявола, а в противовес ему называли Иуду Маккавея, который в 166 до н.э. году поднял восстание против Антиоха.

Также интересен факт о так называемом "взвешивании" людских дел Богом или же его ангелами. В книге пророка Даниила Бог взвесил дела Валтасара [Даниил. 5.25—27]. В книге же Еноха ангелы взяли длинные веревки, дабы измерить людские дела [Енох. 10.61]. В предсказании будущего книга упоминает одно событие, относящееся, по всей видимости, ко времени Маккавейского восстания: "...и одни будут поклоняться камням,.. будут делать изображения из золота и серебра, и из дерева и глины..." [там же. 19.99]. Конечно, здесь говорится о некой эллинизации иудейского общества, которая несмотря на замкнутость евреев и выгодность их географического положения, захлестнула этот народ²⁷. Шла она двумя путями: во-первых, учитывая основное занятие иудеев диаспоры (торговля), можно вывести естественный путь проникновения эллинских идей в круги Иерусалима²⁸. Во-вторых, был насильственный путь, по которому пошел Антиох Эпифан. В Иудее царь проводил религиозную политику не так гибко, как в других областях державы, например, в Сузиане. Скорее всего, в этой маленькой области он хотел преподнести урок всей державе и показать свою готовность беспощадно расправляться с непокорными. Кроме того царь боялся измены иудеев в пользу Птолемея, поэтому расправа над населением давала ему возможность решить сразу две проблемы.

Интересен для нас и другой источник — псалмы Соломона. Эти тексты исследователь А.В. Смирнов не относит к апокалипсическим, помещая их в группу лирических произведений²⁹. С таким мнением нельзя согласиться, поскольку в тексте отчетливо прослеживается апокалипсический характер, который скрыт в лирических мотивах. Целесообразнее всего было бы отнести это произведение к

---

²⁷ Will E. Histoire politique ... P.330.

²⁸ Помимо этого Э. Виль отмечает, что евреи более других народов находившиеся под властью Селевкидов, восприняли эллинские нравы. См: Will E. Histoire... P.331.

²⁹ Смирнов А.В. Иудейские апокрифически-апокалиптические книги // Книга Еноха. М., 2003. С. 326.

отдельной группе, которую составляют притчи и псалмы. Но именно псалмам Соломона присущ апокалипсический дух.

Дата написания этого произведения спорна: А.В. Смирнов указывает 48 год до н. э.³⁰, хотя некоторые ученые относят создание книги к периоду правления Антиоха Эпифана. Скорее всего, А.В. Смирнов прав, поскольку в первом псалме говорится о Помпее как об осквернителе Храма и о его смерти, но далее, а именно: в псалмах №8 (“На победу”), №11 (“На ожидание”), №16 (“В заступления святым”), — говорится о времени Маккавейских войн. В самом тексте упоминается Антиох IV Эпифан как “...царь в беззаконии...” (*Псалмы Соломона*. 16.22). Без всяких сомнений, на протяжении всего текста мы видим картины ритуальных жертвоприношений какого-то языческого культа, в частности культа Селевкидского царя, имя которому Антиох Эпифан. В другом месте читаем: “...открыл Бог грехи их перед солнцем...” (там же. 8.8). На основании этого отрывка можно предположить, что все языческие культы и насильственное преклонение иудеев перед чужой религией появились в Иерусалиме впервые. Но ко времени Помпея это стало уже привычным. В таком случае можно отнести эти строки к периоду более раннему, а именно к правлению Антиоха Эпифана.

Источник дает некоторые свидетельства и об организации культа Антиоха Эпифана. В восьмой главе тринадцатый стих гласит, что жертвенник храма был осквернен ежемесячным истечением крови (там же. 8.13). Подобные же строки можно найти и во второй книге Маккавеев: “...с тяжким принуждением водили их каждый месяц в день рождения царя на идольские жертвы, а на празднике Диониса принуждали Иудеев в плющевых венках идти в торжественном ходе в честь Диониса...” (*II Макк.* 6.7). Напрашивается вывод, что каждый месяц в Иерусалиме в честь царя проводилось жертвоприношение, сопровождающееся торжественным ходом. Сложно сказать, в какой из своих ипостасей в этот момент находился Антиох. Заметим лишь то, что в тексте упоминается шествие в честь Диониса.

Другим не менее важным, но самым поздним по дате написания источником является так называемое “Вознесение Моисея”. Датировка текста спорна, но большинство исследователей относят ее к началу I века н. э., а если говорить точнее, примерно ко времени между смертью Ирода Великого и распятием Иисуса Христа. Такие рамки можно установить вследствие апокалиптического характера источника, ведь после смерти Христа массовая необходимость в подобного рода произведениях внезапно исчезает: мессия — Иисус Христос — уже пришел. Оригинал текста, написанный на еврейском языке, не дошел до нас, но отдельные слова, на греческом и еврейском, прослеживаются в латинском переводе, который содержится в единственной найденной рукописи.

³⁰ Смирнов А.В. Псалмы Соломона (с приложением од Соломона). Казань, 1896. С. 28.

По существу, этот апокриф подтверждает все намеченные выше положения относительно ситуации в Иудее в целом и культа царя в частности. Но в тексте есть место, косвенно доказывающее, что культ Антиоха Эпифана действительно был распространен в Иудее. В первом стихе десятой главы, говоря о конце царствования Антиоха, автор упоминает слово “дьявол” (*Вознесение Моисея*. 10.1). В принципе, это можно проследить и во всех других апокалипсисах. Но почему здесь речь должна идти об Антиохе? Ведь и Навуходоносор, и Помпей, подобно Антиоху, сжигали храм, заставляли поклоняться своим идолам, но одного только Антиоха называют дьяволом. Скорее всего, для иудеев сожжение храма и принуждение поклоняться чужим богам — это хотя и грех, но грех лишь человеческий, а вот вознесение себя выше Бога, принуждение к поклонению самому себе — это поступок, который может совершить только дьявол. Исходя из данного положения, и возможно понять основную причину обострения мессианских ожиданий в этот период. По представлениям иудеев, приход дьявола, каким воспринимали Антиоха IV, означал скорый конец света и воцарение миссии, именно поэтому со второй половины II века до н. э. и появляется огромное число сект различной апокалиптической направленности.

Подводя общий итог, можно обозначить основные черты, характерные для апокалипсисов этого периода. Во-первых, все они написаны от лица какого-нибудь популярного в народе легендарного старца, именно эта черта позволяет отнести их в разряд “псевдоэпиграфов” (*ψευδεπίγραφοι*)³¹. Во-вторых, в каждом из текстов помещены краткие сведения об истории иудеев (чаще всего со времени Вавилонского пленения до правления Антиоха Эпифана). В-третьих, они носят явно пропагандистский характер и предназначены самым широким слоям иудейского общества; бесспорно, большая часть апокалипсисов в той или иной степени сообщает информацию о культе Антиоха Эпифана.

Этот культ, как видно из текстов, был введен насильственно. Но как бы ни изображали его источники, он не был основным средством для объединения всего государства, ведь, по сути дела, этот культ не имел ни социальной опоры, ни хорошей организации. Он был, скорее, неудачной попыткой реформ, с помощью которых Антиох IV Эпифан хотел поставить себя в один ряд со своим великими предшественниками. Но царь допустил роковую ошибку, поскольку не учел тот факт, что все города и народы, которые когда-либо вводили культ царя в державе Селевкидов, делали это добровольно, из благодарности к великодушному правителю.

Из свидетельств апокалипсисов становится ясно, что культ, введенный Антиохом Эпифаном в Иудеи, был связан с религией, которая должна была объе-

---

³¹ Смирнов А.В. Иудейские апокрифически-апокалиптические книги. С. 318.

динить всю державу Селевкидов. В пользу этого говорит указ Антиоха о чеканке одного и того же портретного изображения царя на всех монетах государства³². Вполне возможно, что Антиох ввел этот культ с целью противостоять Риму после своего позорного изгнания из Египта (знаменитый “день Элевсина”). Для этого нужна была единая страна, и ее объединением с помощью религии, собственно говоря, царь и занялся.

---

³² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 214–215.

ИСТОРИЯ РИМА

ИСТОРИЯ РИМА

Чернова Д.С. (Саратов)

ПОКРОВИТЕЛИ ВОЕННОГО МОГУЩЕСТВА РИМА: ЮПИТЕР, МАРС, ЯНУС, КВИРИН

[Наше государство] никогда бы не достигло такого могущества, если бы высшим благочестием своим не заслужило милости бессмертных богов.

Cic. *Nat. deor.* III.5.

В исторической литературе принято рассматривать войны, которые вели римляне, с позиций современности, оперируя современными категориями. Но правомерно ли это? Дело не только в отличии технического оснащения воюющих армий или различии стратегических подходов у полководцев древности и современной эпохи. Дело еще и в разном отношении к самой войне. В древнем Риме существовала тесная связь между войной и религией: любая война, которую вели римляне, была в их сознании священной, так как начиналась по воле богов и под их покровительством.

История римского государства — это история постоянных войн, в результате которых римляне захватили Аппенинский полуостров, разрушили Карфаген, создали могущественную империю в Средиземноморье. Но, по мнению римлян, своими победами и величием государства они обязаны не только мощи своего оружия, но и своим богам (Cic. *Nat. deor.* II.8; III.5; Liv. XXI.63.6–14). Боги воевали вместе с гражданами (Liv. I.12.5–6; V.21.2; Verg. *Aen* VIII.695–700), величие Рима свидетельствовало о величии римских богов.

Среди исконных богов римской общины, ее главнейших покровителей, особенно выделяются Юпитер, Марс, Янус, Квири́н. Они принадлежали к числу самых чтимых богов государства, не случайно их именовали “*patres*” — “отцы”.

Имея непосредственное отношение к войне, они обеспечивали верховенство Города над остальными народами ойкумены и потому особенно почитались. Обряды, совершаемые в честь Юпитера, Марса, Януса, имели своей целью обеспечить покровительство могущественных богов в трудном военном деле, а также являлись религиозным освящением войны.

Образ Юпитера, верховного бога римского пантеона, чрезвычайно многогранен. Юпитер почитался не только как бог неба, грозы и молнии, но и как гарант верности клятве, податель победы, хранитель границ, покровитель виноградников¹.

Оформление культа Юпитера Всеблагого Величайшего (*Jupiter Optimus Maximus*) как верховного божества римской общины происходит при этрусской династии Тарквиниев. Вместе с Юноной и Минервой Юпитер составил Капитолийскую триаду, оттеснившую на задний план триаду Юпитер, Марс, Квирин. Окончательно культ Юпитера Всеблагого Величайшего утвердился в Риме с постройкой Тарквинием Гордым посвященного ему храма на Тарпейской скале Капитолия в 509 г. до н. э. (*Liv. I.55.1; II.8.6*). Храм Юпитера Капитолийского стал центром окончательно оформившегося города Рима².

У Юпитера было множество ипостасей, он почитался как *Feretrius* (*Liv. I.10.5–6; 33.9; Plut. Rom. XVI*), *Stator* (*Liv. I.12.5–6; X.36.11; 37.15–16; Plut. Rom. XVIII*), *Victor* (*Ovid. Fast. IV.621–622*), *Invictus* (*Ovid. Fast. VI.650*), *Triumphator*, *Imperator*, *Opitulator*, *Praedator*³. Многие из этих эпитетов связаны с войной и победой.

Ж. Дюмезиль отмечает: “Ромул основал два культа неистовых, воинственных ипостасей верховного бога”⁴. При этом царю был построен один из древнейших храмов в Риме — храм Юпитера Феретрия (*Liv. I.10.5–6; Plut. Rom. XVI*), Ромул посвятил Юпитеру доспехи, снятые им с ценнинского вождя Акрона. “Трофеей назвали “приношением Юпитеру Феретрию” (ибо “сразить” по-латыни “*ferire*”, а Ромул молил, чтобы ему было дано одолеть и сразить противника)”, — пишет Плутарх (*Plut. Rom. XVI*, здесь и далее фрагменты сочинения Плутарха в пер. С.П. Маркиша; ср.: *Liv. I.10.5–6*)⁵. Приношение “тучных доспехов” (“*spolia opima*”) было особенным отличием для полководцев, так как требовало проявления личной храбрости: их мог посвятить полководец, собственно-

---

¹ Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 118.

² Там же. С. 134. См. также: Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 146; Зелинский Ф.Ф. Рим и его религия // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. М., 1995. Т. 3. С. 24, 27.

³ Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб., 1885. С. 1482.

⁴ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 123.

⁵ О приношении доспехов убитого врага Юпитеру см.: *Plut. Rom. XVI; Liv. IV.20.5–6. Fowler W. The Religious Experience of the Roman People from the Earliest Time to the Age of Augustus. London, 1911. P. 130.*

ручно убивший неприятельского вождя. Юпитер Феретрий выступает покровителем римских полководцев, в связи с чем ему и посвящались “тучные доспехи” — символ этого покровительства.

Юпитеру Статору, “Останавливающему отступление”, в Риме были посвящены два храма, он почитался спасителем и помощником римских воинов в самые критические моменты сражения. Культ его также был установлен Ромулом. Во время войны с сабинянами, когда войско Ромула бросилось в бегство, их вождь дал обет построить храм Юпитеру Статору, если бог прекратит бегство солдат и спасет римское государство (Liv. I.12.5–6; Plut. *Rom.* XVIII). Войско остановилось, и Рим был спасен от позора, однако обет был выполнен лишь столетия спустя, в 294 г. до н. э., когда Юпитер Статор вновь остановил бегство римских воинов во время битвы с самнитами и консул Марк Атилиус Регул повторил обет Ромула. В 146 г. до н. э. Квинт Цецилий Метелл выстроил второй храм Юпитеру Статору.

Специальные храмы и праздники существовали и у Юпитера Победителя и Юпитера Непобедимого:

В иды апрельские чтим Юпитер у нас Победитель,
В этот же день ему храм некогда был посвящен
(Ovid. *Fast.* IV.621–622, пер. Ф.А. Петровского),
В иды Юпитеру свят Непобедимому храм
(*ibid.* VI.650).

Юпитеру Всеблагому Величайшему, верховному богу и главному покровителю римской общины, консулы при вступлении в должность и перед отправлением на войну приносили в жертву животных, совершали молебствия, давали обеты (Liv. XXII.9.10, 10.3,7; XLV.39.10–12). Луций Тарквиний Древний во время войны с сабинянами первым дал обет Юпитеру Всеблагому Величайшему построить ему храм на Капитолии (которой выполнил его сын) и устроил в честь могущественного бога Великие игры, названные Римскими (Cic. *De re rub.* II.36). Великие игры справлялись ежегодно в сентябре, а также посвящались богу в случае успешного исхода войны (Liv. XXXVI.2.2–5).

Для римлян Юпитер Всеблагий Величайший — защитник общины, гарант ее процветания, могущества и военных побед. С культом Юпитера тесно связан триумф — демонстрация военного торжества победителя и величия Рима. Полководец-триумфатор проезжал через город в облачении Юпитера Всеблагого Величайшего, лицо и тело окрашивал суриком, как у статуи Юпитера на Капитолии: он изображал самого Юпитера⁶. Согласно обычаю, за колесницей

⁶ Немировский А.И. Указ. соч. С. 100.

полководца шли его солдаты и распевали шутливые, насмешливые песни, вероятно, чтобы напомнить ему о его земной сущности (Liv. III.29.4–5; Suet. Caes. 49.4). Суть триумфа очень точно выражена в кратком изречении Ливия: “...справляя триумф, мы отдаем долг не только людям, но и богам” (XLV.39.10).

Особой ипостасью Юпитера, связанной с принесением клятв и соблюдением договоров, был *Dius Fidius*⁷. Ему посвящались июньские ноны, а храм Дия Фидия, выстроенный сабинянами в 466 г. до н. э., находился на Квиринальском холме (Ovid. *Fast.* VI.213, 217–218). Юпитер в этой своей ипостаси выступал охранителем договоров, заключенных между общинами, гарантом их исполнения. Политическую силу и религиозное освящение договор получал после клятвы фециалов⁸ именем Юпитера (Liv. I. 24.78; Suet. *Claud.* 25.5).

Таким образом, Юпитер как бог, дарующий победу, имел непосредственное отношение к войне, ему посвящался триумф, в его честь устраивались Великие игры, клятва Юпитером гарантировала соблюдение политических договоров, заключенных с другими общинами. Юпитер охранял благополучие Рима.

Среди самых могущественных богов римской общины особенно выделялся Марс, бог войны (см.: Ovid. *Fast.* III.79–80). Культ Марса первоначально имел двойственный характер: как племенной бог римлян у него были и аграрные и военные функции. Г.С. Кнабе характеризует его культ таким образом: “в пределах земельного участка он обеспечивал его плодоносящее цветение, в пределах города — его изобилие, многолюдность и мощь, на границе их окружавшей он становится защитником им же созданного изобилия и за этими границами — грозным, жестоким мстителем, карающим и уничтожающим всякого, кто на них покусился”⁹. Древнейшие храмы Марса находились вне померия — освященной территории города, но у его границы — на Марсовом поле и у Капенских ворот. Это было связано с тем, что римлянин, пересекая границу Рима, из гражданина превращался в воина.

Постепенно доминирующей становится военная функция Марса. В республиканское время Марс воспринимается как божество, обеспечивающее военное могущество Рима (Ovid. *Fast.* III.79–80, 174). Военная атрибутика Марса и спе-

---

⁷ Подробнее о культе Дия Фидия см.: *Дюмезиль Ж.* Указ. соч. С. 114–115.

⁸ О коллегии фециалов см.: *Майорова Н.Г.* Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001; *её же.* Фециалы: религия и политика в древнейшем Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994.

⁹ *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 255; см. также: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 66; *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1984. С. 448; *Немировский А.И.* Указ. соч. С. 90.

циальная жреческая коллегия салиев¹⁰, тесно связанная с его культом, существовали уже на самом раннем этапе истории римского государства. Вероятно, еще в догосударственный период Марс почитался в виде символического копья, сотрясение которого означало войну. В жизнеописании Ромула Плутарх указывает: “водруженное в Регии копье называется Марсом” (*Rom.* XXIX). Нума Помпилий учредил для служению Марсу жреческую коллегия салиев. Атрибутика салиев носила чисто военный характер: медные щиты (“анцилии” [“ancilia”]), бронзовые нагрудники, медные шлемы, короткие мечи. В марте по городу проходило шествие салиев, сопровождавшееся военными танцами и песнопениями. В.Н. Токмаков полагает, что мартовские празднества в честь Марса могли символизировать военную подготовку к ежегодной кампании пешего войска и имели непосредственное отношение к военной организации общины¹¹.

Марсу, военному покровителю общины, приносились жертвы, давались обеты перед каждым сражением и после него. Перед выступлением в поход полководец направлялся в Регию, касался копья и щита Марса со словами “Mars, vigila!” (“Марс, пробудись!” [Serv. *Ad Aen.* VII.603; VIII.3]), чтобы воинственный бог принял участие в войне вместе с воинами Рима. Не случайно римское войско перед битвой с этрусками вслед за центурионом Марком Флаволеем призывает на себя гнев Юпитера и Марса-Градива, если отступит и не вернется из боя победителем (Liv. II.45.14).

Культ Марса — бога военного могущества римлян — оставался одним из важнейших и к концу республиканского периода, когда многие культы и священнодействия пришли в упадок и оказались забытыми. Август воздвиг храм Марсу Мстителю по обету, данному во время филиппийской войны, и за “помощь” бога в войне с парфянами (Ovid. *Fast.* V.575—595; Suet. *Aug.* 29.1), в его честь были установлены Марсовы игры, справляемые ежегодно (Ovid. *Fast.* V.596—597).

Таким образом, Марс защищал город и его жителей, давал победу воинам, охранял территорию общины и в мирное, и в военное время.

В ряду древнейших римских богов стоит и Квири́н. Сведения о нем, к сожалению, скудны и чрезвычайно противоречивы, по-видимому, его культ претерпел сильные изменения с царского периода и в течение республиканской эпохи.

Ф.Ф. Зелинский, Е.М. Штаерман, А.И. Немировский, С.А. Токарев сходятся во мнении, что первоначально Квири́н — бог-двойник Марса, имевший те

¹⁰ О коллегии салиев см.: Токмаков В.Н. Коллегия салиев // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001; *его же*. Жреческая коллегия салиев и ритуалы подготовки к войне в архаичном Риме в российской историографии XIX–XX вв. // Древнее право. 1999. № 2.

¹¹ Токмаков В.Н. Коллегия салиев. С. 190.

же самые функции, но только являвшийся покровителем сабинской общины¹². Плутарх и Овидий производят его имя от сабинского “*curis*” — копье, пика; еще по одной версии, которую приводит Плутарх, это имя значит “гражданин”, так как римских граждан называют “квиритами” (τοὺς πολίτας *Κυρίτας ὠνόμαζον* [Plut. *Rom.* XXIX; Ovid. *Fast.* II.475–480]). Е.М. Штаерман называет Квирина “мирной” ипостасью Марса, храм которого, в отличие от храма Марса Градива, находился в стенах города. Квирина, по ее мнению, выступает как бог-покровитель народного собрания римских граждан-квиритов¹³. Действительно, в 293 г. до н. э. консул Луций Папирий Курсор посвятил храм Квирину и, как сообщает Ливий, украсил его военными доспехами (X.46.7). Но если Квирина был мирной ипостасью Марса и этим объясняется то обстоятельство, что его храм находился внутри померия, то почему же Папирий украсил его самнитскими доспехами?

Тулл Гостилий учредил вторую коллегию из 12 салиев для служения Марсу Квирину (Liv. I.27.7), причем по обету, данному во время войны с фиденянами и веяннами, когда царю требовалось военное покровительство бога. Марс Квирина может выступать здесь как одна из ипостасей Марса, но никак не мирная, так как у обеих коллегий были одни и те же ритуалы и атрибутика, связанные с войной. В реальном словаре Любкера объясняется, что слово “*Quirinus*” является сабинским прозвищем Марса — бога войны, потрясающего копьем¹⁴.

Что касается атрибутики Квирина, то в речи, произнесенной во время осады Рима галлами в 390 г. до н. э., Марк Фурий Камилл среди прочих святынь упоминает щиты Марса Градива и Квирина-отца (Liv. V.52.7). Марс и Квирина выступают здесь в качестве отдельных божеств, а священные щиты Квирина подчеркивают военный характер культа.

Имя Квирина упоминалось в формуле *devotio*¹⁵, причем стояло оно в одном ряду с именами Януса, Юпитера, Марса, Беллоны — то есть, с божествами, связанными с войной (Liv. VIII.9.5–8). Исполнение этого обряда должно было обеспечить римлянам помощь богов и победу над врагом.

В классическую эпоху Квирина был отождествлен с Ромулом (Liv. I.16.4–8, Cic. *De re pub.* II.20). Овидий и Плутарх называют Ромула-Квирина воинственным богом. “Принятое Ромулом имя “Квирина” иные считают соответствующим

---

¹² Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 24, Штаерман Е.М. Социальные основы религии... С. 67; *её же*. От религии общины к мировой религии... С. 131; Немировский А.И. Указ. соч. С. 98; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 428.

¹³ Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии... С. 131; *её же*. Квирина // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 631.

¹⁴ Реальный словарь... С. 1144.

¹⁵ О девотии см.: Liv. VIII.9.3–8, 10.11–14. См.: Штаерман Е.М. Социальные основы религии... С. 66.

щим Эниалию (οἱ μὲν Ἐνυάλιον προσαγορεύουσιν). <...> Стало быть, Ромул получил имя Квирина как бог-воитель или же бог-копьеносец” — пишет Плутарх (ὡς οὖν ἀρήϊόν τινα τὸν Ῥωμύλον ἢ αἰχμητὴν θεὸν ὀνομασθῆναι [*Rom.* XXIX; ср.: *Ovid. Fast.* II. 505–508]).

Вероятно, первоначально Квирин был таким же племенным богом сабинян, как Марс у римлян, в культе которого сочетались и аграрные и военные функции. Позднее, в ходе эволюции римского пантеона культ Квирина был отождествлен с культом Ромула и он почитался в качестве покровителя римской общины, гаранта ее процветания и военной мощи, в этом его культ примыкает к культам Юпитера, Марса, Януса.

Среди культов, связанных с войной и военной деятельностью римлян, особенно интересен культ Януса. Функции Януса чрезвычайно широки, они охватывали самые разные стороны жизнедеятельности римлян. Культ Януса выражал космогонические представления римлян (*Ovid. Fast.* I.). Упоминание Януса в архаичных гимнах салиев говорит о древности самого культа. Основные сведения о культе этого бога содержатся в знаменитых овидиевских “Фастах”, почти всю первую книгу своего поэтического произведения автор посвятил подробному описанию культа этого бога.

Янус — покровитель входа и выхода, само его имя происходит от “janua” (“ворота”, “дверь”, “вход”)¹⁶. Он также являлся богом всякого начала, ему посвящался первый месяц года, его призывали в начале каждой молитвы, перед обращением к любому божеству¹⁷. Таковы мирные функции Януса, но характер его культа двойственный.

Согласно традиции, храм Януса построил Нума. Как пишет Плиний, Двудверный Янус почитался как символ войны и мира (*Nat. hist.* XXXIV.16.33). В храме Януса были “двойные двери войны”, которые открывали во время войны и запирали во время мира, “чтобы мир не умчался” (“pace fores obdo, ne qua discedere possit” [*Ovid. Fast.* I.281]; см.: *ibid.* I.253; *Liv.* I.19.2; *Plut. Numa.* XX; *Verg. Aen.* VII.607–610). В образе Януса сочетаются и мирная, и воинственная ипостаси: в мирное время Янус — хранитель общины, во время войны могущество бога было направлено на поражение врага (*Ovid. Fast.* I.123–124)¹⁸.

Ворота Януса имели и очищающее значение (*Ovid. Fast.* I.277). Г.С. Кнабе считает, что воины, возвратившись из битвы, должны были очиститься, чтобы

¹⁶ Реальный словарь... С. 653.

¹⁷ О культе Януса см.: *Fowler W.* Op. cit. P. 125–126.

¹⁸ См.: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии... С. 56; *Фрэзер Дж.* Указ. соч. С. 164.

вновь стать полноправными гражданами общины, и потому они проходили через ворота Януса¹⁹.

Обращение к Янусу содержалось и в форме *devotio*, а к Янусу с эпитетом Квирин — и в формуле объявления войны. (Liv. I.32.10; VIII.9.5–8).

Ливий и Плутарх указывают на то, что храм Януса после царствования Нумы, когда мир сохранялся 43 года, запирался дважды: после первой Пунической войны в консульство Марка Атилия и Тита Манлия и после победы Августа над Антонием (Liv. I.19.3; Plut. *Numa*. XX, Suet. *Aug*. 22). Исполнение древнего обряда и в конце первого века до н. э. говорит о том, что культ Януса не заглох и к концу республиканского периода. Характерно и то, что, раз ворота Януса были практически всегда открыты, он все это время выступал не только в своей мирной ипостаси, связанной с пространством и временем, но и как воинственный бог, чья мощь направлена на помощь римскому войску.

Янус — бог-хранитель не только каждого римского дома, но и всей общины, о его могуществе и важности его культа в конце республиканской эпохи красноречиво говорит овидиевская строка (Ovid. *Fast*. I.90):

nam tibi par nullum Graecia numen habet

(“в Греции нет божества, равного силой тебе”, пер. Ф.А. Петровского).

Культы Юпитера, Марса, Квирина, Януса имели для римлян огромное значение, так как связывались с войной, активизацией военных сил общины. Именно победоносные войны обеспечили Риму его могущество, а своими победами римляне были “обязаны” главным покровителям Города, среди которых на первом месте стояли его “отцы” — Юпитер, Марс, Янус, Квирин — исконные боги римлян, почитаемые и в древности, на стадии формирования римской государственности, и на протяжении всего республиканского периода, в конце которого Рим стал империей.

---

¹⁹ Кнабе Г.С. Указ. соч. С. 255.

Черняева Ю.В. (Саратов)

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПЕРВОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ

История взаимоотношений между Римом и Карфагеном началась задолго до первой Пунической войны — т. е. до 264 г. до н. э. Античные авторы сообщают о существовании нескольких договоров между этими государствами. Таких авторов было только три: Полибий, Диодор Сицилийский и Тит Ливий. Но проблема состоит в том, что они по-разному датируют первое соглашение. Полибий, наиболее авторитетный источник, утверждает, что первый договор (συνηθήκαι) был заключен “при Луции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти,.. т. е. за 28 лет до вторжения Ксеркса в Элладу” (III.22). Таким образом, первый договор, по Полибию, относится к 508/507 г. Диодор Сицилийский и Тит Ливий относят соглашение между Римом и Карфагеном к другому времени. Диодор приводит два договора, первый из которых (XVI.69) приходится на 348 г., т. е. в год консульства Марка Валерия и Марка Попилия, а второй — на 279/78 г. Тит Ливий, ничего не сообщая о первом договоре, говорит, что в 306 году римляне и карфагеняне возобновили договор в третий раз (“foedus tertio renovatum” [IX.43.26]). Однако несколько ранее он пишет, что в 348 году “с послами карфагенян, пришедшими искать дружбы и союза, в Риме торжественно заключили договор” (“et cum Carthaginensibus legatis Romae foedus ictum, cum amicitiam ac societatem petentes venissent” [VII.27.2]). Большинство исследователей склонны полагать, что первый договор Тит Ливий относит именно к 348 г., хотя сам он напрямую этого не утверждает; второй — к 343 г., когда в Рим с поздравлениями прибыло карфагенское посольство и первый договор мог быть возобновлен (“Carthaginenses quoque legatos gratulatum Romam misere cum coronae aureae dono” [VII.38.2])¹.

Таким образом, встает вопрос, был ли прав Полибий, датируя первый договор 508/507 г., или же этот договор следует отнести к более позднему времени? Прежде, чем попытаться разрешить эту проблему, необходимо коротко остановиться на содержании того соглашения, которое Полибий приводит полностью. Итак, во введении, которое приписывают самому Полибию, говорится следующее: “Быть дружбе (φιλίαν εἶναι) между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях”:

¹ Все договоры, упоминаемые Полибием, Диодором и Ливием, сведены в таблицу; см. Приложение II.

I. у римлян ограничения были следующие

(а) морские:

“римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы²” (III.22.5–7 [здесь и далее пер. Ф.Г. Мищенко]);

(б) торговые ограничения:

1) в Ливии и Сардинии:

“явившиеся в Ливию или Сардинию по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца, и поручителем в этой операции выступает государство” (III.22.7–9);

2) в Сицилии и Карфагене:

“в той части Сицилии, которая была подвластна карфагенянам, римляне могут пользоваться одинаковыми правами с ними” (III.22.10–11). (Так как в своих комментариях Полибий добавляет, что римлянам было дозволено свободно торговать и в самом Карфагене [III.23.4–5], и это же условие присутствует во втором договоре Полибия, то, возможно, оно подразумевается и здесь).

II. Для карфагенской же стороны были следующие ограничения:

(а) на территории, находящейся под римским контролем

1) карфагенянам возбранялось обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, цирцеитов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам (ὅσοι ἂν ὑπήκοοι [III.22.11]);

(б) на территории, которая не находилась под римским контролем (ἐὰν δέ τις ἐς μὴ ὄσιν ὑπήκοοι [III.22.12]);

1) карфагенянам возбранялось тревожить города, в случае нарушения этого запрета они должны были в целости вернуть город римлянам (III.22.12);

2) карфагеняне не должны строить укрепления в Лаэции (III.22.13);

в случае вторжения в страну с оружием, им возбранялось проводить там ночь.

По мнению Скаларда, договор написан, скорее всего, в карфагенской форме, т. е. без указания конкретных дат и имен; вероятно, он представлял собой одно из тех типичных соглашений, которые Карфаген заключал с дружественными ему городами³. Заслуживает внимания тот факт, что договор отражает интересы Карфагена только в торговой сфере, а Рима — в политической.

До сих пор нет однозначной точки зрения относительно местонахождения так называемого Прекрасного мыса (Καλὸν ἄκρωτήριον). Полибий указывает, что

² Возможно, что он обязан удалиться в пятидневный срок, как об этом говорится во втором договоре.

³ Scullard H.H. Carthage and Rome // САН². 1989. Vol. VII.2. P. 522.

“Прекрасный мыс тот, что тянется перед самым Карфагеном по направлению к северу” (τὸ μὲν οὖν Καλὸν ἀκρωτήριον ἐστὶ τὸ προκείμενον αὐτῆς τῆς Καρχηδόνας ὡς πρὸς τὰς ἄρκτους [III.23.1]). Но неопределенность заключается в том, что к северу от Карфагена находятся два мыса — мыс Фарина (совр. Рас Сиди Али эль Мекки) и мыс Бон (совр. Рас Аддер). Возникает вопрос, с каким из них нужно отождествить Прекрасный мыс⁴?

Судя по всему, Полибий подразумевает под Прекрасным мысом тот, который называется нынче мыс Бон, так как в своем комментарии историк указывает на то, что римлянам запрещалось “плавание на длинных кораблях дальше этого мыса с целью ... воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сиртиса, которые называются Эмпориями и отличаются высокими достоинствами (διὰ τὴν ἀρετὴν τῆς χώρας)” (III.23.2–3). Это вполне очевидно, так как отождествление Прекрасного мыса с мысом Фарина противоречит утверждению самого же Полибия о том, что “по торговым делам римлянам дозволяется приходить в Карфаген”.

Многие современные исследователи полагают, что Полибий неправильно понял договор⁵. Скорее всего, карфагеняне не желали допускать римлян не к территориям Биссатиды и Малого Сиртиса, так как мореплавание вдоль их берегов считалось в древние времена опасным, и само это обстоятельство исключало необходимость специально защищать эти территории. В подтверждение этого тезиса Скаллард приводит случай, который произошел в 253 г. до н. э., когда римский флот разбился именно в этих местах⁶. По-видимому, карфагеняне были заинтересованы в защите областей, лежащих к западу от самого Карфагена, которые представляли для них большой интерес и именно туда они стремились распространить свое влияние. В этом случае Прекрасный мыс следует отождествить с мысом Фарина, так как если бы это был восточный мыс, т. е. Бон, то римляне не могли бы попасть в сам Карфаген.

Однако надо сказать, что по этому поводу есть и другое мнение. Английский исследователь Р. Бомон представляет детально разработанную картину римско-карфагенских отношений в VI в. до н. э.⁷ Тщательно исследуя проблему датировки первого договора, особое внимание он обращает на то, что при изложении его содержания Полибий не говорит, что карфагеняне запрещали плавать римлянам в Испанию — а это совершенно неприемлемо для середины IV в. до н. э., когда Карфаген усилил свои позиции в этом регионе. Поэтому Бомон сразу от-

⁴ См. Приложение I.

⁵ См., напр.: Scullard H.H. Op. cit. P. 522–526; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1999. Vol. I. P. 337–338.

⁶ Scullard H.H. Op. cit. P. 523.

⁷ Beaumont R.L. The Date of the First Treaty between Rome and Carthage // JRS. 1939. Vol. 29. P. 74–86.

вергает ту точку зрения, что первый договор нужно отнести к 348 г. до н. э.⁸ Скрупулезно рассматривая варианты торговых интересов Карфагена в конце VI в. до н. э., Бомон приходит к заключению, что трактовка Полибием фразы ἐπέκεινα τοῦ Καλοῦ ἀκρωτηρίου (“далее Прекрасного мыса”) верная, и, следовательно, карфагеняне действительно защищали территории Биссатиды и Малого Сиртиса⁹. Бомон также большое внимание уделяет вопросу о местонахождении Прекрасного мыса¹⁰. Однако однозначных выводов он не делает и оставляет за читателем право принять решение относительно того, насколько сильны аргументы автора. Сам он все же склоняется к мысли, что, скорее всего, Прекрасный мыс нужно отождествить с современным Рас Аддер. В целом же Бомон делает вывод, что первый договор между Римом и Карфагеном был одним из тех, которые карфагеняне заключали с этрусскими городами и греками для охраны своих территорий, которые они приобрели в результате войн второй половины VI в. до н. э.¹¹

По этому вопросу следует высказать еще одно предположение, которое может объяснить столь неопределенное выражение договора ἐπέκεινα τοῦ Καλοῦ ἀκρωτηρίου. Судя по всему, пункты договора, выражающие карфагенские интересы, были неизменными и переходили из договора в договор. В основе же такого договора могли лежать соглашения с восточными государствами или, скорее всего, с греческими полисами, у которых в то время были различные интересы в западном Средиземноморье. А для греков понятие ἐπέκεινα в данном случае, естественно, подразумевает движение на запад. И в самом договоре это слово выглядит вполне осмысленным. В подтверждение этого тезиса следует сказать, что у римлян в то время не было ни в Сицилии, ни в Сардинии, ни в Ливии торговых интересов, какие были у греков. Более того, может быть, у них и флота как такового не было, о чем свидетельствует Полибий в первой книге, утверждая, что римляне впервые только в начале первой Пунической войны построили флот, “впервые вступили на море” (πρώτον ἐνέβησαν εἰς θάλατταν), до этого не имея ни одного парусного корабля, ни одного длинного судна и даже лодки (I.20). Хотя надо отметить, что далеко не все исследователи соглашались с этой точкой зрения Полибия. Так, например, Г. Дельбрюк считает, что Полибий “стал жертвой чудовищного риторического преувеличения”¹². Исследователь дает следующее объяснение, почему у римлян так долго не было собственного сильного флота: “Рим и сам издревле был торговым городом, портом Лация, и на его гербе красовалась галера; союз же, возглавляемый им, включал города исконных мореходов — города Великой Греции, от Кум и Неаполя до Тарента.

⁸ Beaumont R.L. The Date of the First... P. 75–76.

⁹ Ibid. P. 79.

¹⁰ Ibid. P. 76–79.

¹¹ Ibid. P. 86.

¹² Дельбрюк Г. История военного искусства. М., 1936. Т. 1. С. 251–252.

Если до сих пор Рим обращал все свои силы на сухопутную войну, то происходило это от того, что его противники были сильны на суше; в противных же случаях, как при покорении в древнейший период других латинских городов или, наконец, Тарента, римляне вели свои войны как раз в союзе с Карфагеном, что избавляло их от необходимости укреплять свою морскую мощь. Только борьба с самим Карфагеном принудила Рим подтянуться также и в этом отношении¹³. Таким образом, не отрицая того, что у Рима не было сильного флота до начала Пунических войн, Дельбрюк выдвигает предположение, что свидетельство Полибия не дает нам никакой поруки в том, что его версия верна¹⁴. Кроме Дельбрюка, с Полибием не согласен также Тарн, который считает, что флот у Рима был по крайней мере с середины четвертого века до н. э., если не раньше¹⁵.

Теперь следует остановиться на термине ὑπήκοοι (т. е. “подчиненные” или “подданные”) и тех народах, которые под ним подразумеваются. На этот счет существует несколько точек зрения. Например, Т. Корнелл полагает, что “подчиненные” города — это, возможно, зависимые союзники Рима, которые были членами Латинской Лиги и признавали военное превосходство Рима¹⁶. Договор точно называет только пять “подчиненных” городов (все они находились на побережье), а остальные объединяет общей фразой: “те, которые подчинены римлянам”. Т. Корнелл утверждает, что такая формулировка вполне объяснима. По его мнению, резонно предположить, что любая карфагенская атака началась бы с моря и, следовательно, первым делом нужно было обезопасить именно прибрежные территории¹⁷. Скаллард же считает, что “подчиненные” города — также зависимые союзники Рима (*socii*), признававшие его военное лидерство, но имевшие в целом независимые отношения с Латинской Лигой¹⁸. У этих союзников были отдельные договоры о союзе с Римом (известно, что такой договор был заключен с Габиями).

Если говорить о Латинской Лиге, то традиционно считается, что этот политический союз латинских городов был создан, чтобы противостоять росту римского могущества в Лации. Местом встреч членов этой организации считается Ферентийская роцца, которая, возможно, находилась на территории Ариции.

Итак, рассмотрев все основные положения самого договора, остановимся теперь собственно на главном вопросе: мог ли в 508/507 г. до н. э. быть заключен договор между Римом и Карфагеном? В западном антиковедении на этот счет ведутся давние споры. Так, А. Альфельди¹⁹ выдвинул предположение, что

¹³ Дельбрюк Г. История военного искусства... Р. 251.

¹⁴ Там же. Р. 252.

¹⁵ Tarn W.W. The Fleets of the First Punic War // JHS. 1907. Vol. 27. P. 48–60.

¹⁶ Cornell T.J. Rome and Latium to 390 B. C. // CAH². 1989. Vol. VII. 2. P. 272.

¹⁷ Ibid. P. 272.

¹⁸ Scullard H.H. Op. cit. P. 524.

¹⁹ Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor: the University of Michigan Press, 1965. P. 123 ff.

вся традиционная картина римской истории царского периода — фикция, созданная первым римским историком Фабием Пиктором. Альфельди убежден, что Рим был завоеван этрусками, которые и правили в нем, но этот неприятный для Рима факт был скрыт римскими историками. Поэтому, по его мнению, вообще нет оснований говорить о каких-либо претензиях Рима на верховенство в Лации в шестом веке до н. э. и, соответственно, о том, что с Римом как влиятельным городом-государством Карфаген мог заключить в конце шестого века до н. э. какое-либо соглашение.

Французский историк А. Аймар, основательно анализируя второй договор Полибия, склоняется к тому выводу, что этот текст был ничем иным, как “собранием поправок” к первому. Он делает вывод, что “значительный промежуток времени”, то есть примерно 150 лет, не мог пройти между этими договорами, и склоняется к тому, чтобы датировать оба эти соглашения серединой четвертого века до н. э.²⁰

Ряд историков (Ф. Уолбанк, Х. Скалард, Т. Корнелл, Р. Бомон) считают, что датировка Полибием первого договора верна²¹. Свое утверждение они основывают на том, что по данным источников и подсчетам современных исследователей, к 509 г. до н. э. Рим был властелином миниатюрной “империи” в Лации, простирающейся вдоль побережья в Центральной Италии. Ему принадлежала номинальная политическая гегемония над частью латинских народов, он на равных вел дела с городами Этрурии и Кампании, сфера его интересов доходила до Сицилии и Великой Греции и, возможно, он наладил дипломатические связи с Массалией. По данным Белоха, площадь Римского государства к моменту установления республики в 2–3, а в некоторых случаях и в семь раз, превышала площади соседних государств (Тибура, Пренесте, Ардей, Лавиния)²². Такое положение было обусловлено ведением успешных завоевательных войн Рима в царский период. К тому же традиционная картина развития Рима в царский период в целом согласуется с археологическими данными.

У Карфагена же к концу шестого века до н. э. были достаточны тесные связи с городами Этрурии. Аристотель в своей “Политике” упоминает о договорах между карфагенянами и этрусками (*Pol.* 1280b). Причем говорит о них как о классическом примере особого типа торгового соглашения (τὸ σύμβολον), которое заключалось для взаимного обмена правами и привилегиями. На связи между этими государствами указывает также то, что около 540 г. до н. э. объединенные флоты Цере и Карфагена участвовали в морской битве против фокейских греков в Сардинском море (*Hdt.* I. 166–167), а в этрусских городах присутст-

²⁰ См. *Heurgon J.* Rome et la méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. Paris, 1969. P. 389.

²¹ *Scullard H.H.* Op. cit. P. 522–526; *Walbank F.W.* Op. cit. P. 337–338; *Cornell T.J.* Op. cit. 255–257; *Beaumont R.L.* Op. cit. P. 75–76.

²² См.: *Cornell T.J.* Op. cit. P. 246–248.

воваля общины финикийских купцов. Доказательством последнего служит то обстоятельство, что в районе города Пирги были обнаружены билингвистические (на этрусском и финикийском) надписи, посвященные финикийской богине Астарте. А на территории Цере существовало поселение Пуник (Punicum), название которого говорит само за себя. Таким образом, кажется весьма правдоподобным, что карфагеняне захотели установить хорошие отношения с Римом, который контролировал значительную часть побережья Центральной Италии.

Новые республиканские вожди Рима надеялись договором с Карфагеном получить официальное признание для самих себя, но в то же время хотели утвердить свои претензии на верховное положение в Лации. Таким образом, по мнению Корнелла и Скаларда, первый год Республики является вполне подходящим моментом для заключения договора между Римом и Карфагеном²³.

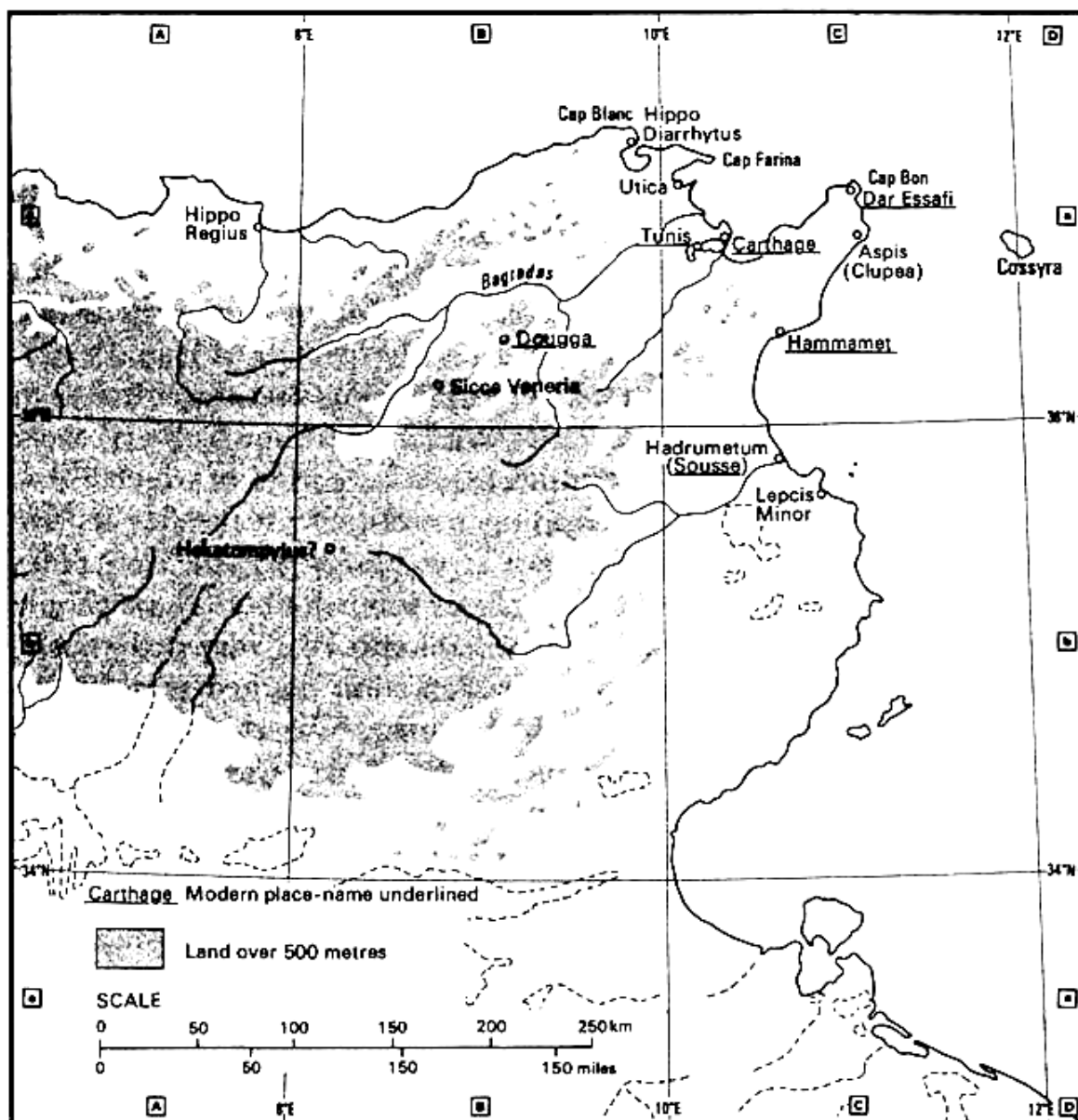
Помимо этого сильным аргументом в поддержку датировки Полибия, по мнению Уолбанка и Скаларда, выступает указание историка на древность языка, на котором был написан договор²⁴. Дело в том, что Полибий специально оговаривает, что перевод им сделан с возможной точностью, ибо у римлян современный Полибию язык настолько отличался от древнего, что некоторые выражения договора могли быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Исследователи склонны думать, что этот древний латинский должен был быть похож на язык надписи на пренестинской фибуле или надписи с Форума (Lapis Niger), которые датируются VII–VI вв. до н. э. Но надо сказать, в современном антиковедении нет однозначной точки зрения по вопросу о датировке фибулы. Некоторые исследователи (Г. Каро, Г. Гвардуччи) вообще полагают, что фибула поддельная²⁵. Что же касается надписи на Lapis Niger, то она в принципе невосстановима, что ставит под сомнение значимость ее датировки.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, вполне правомерно, на мой взгляд, утверждать, что в конце шестого века до н. э. Рим и Карфаген заключили между собой договор, текст которого приводит Полибий.

²³ Cornell T.J. Op. cit. 257; Scullard H.H. Op. cit. P. 522–526.

²⁴ Scullard H.H. Op. cit. P. 522–526; Walbank F.W. Op. cit. 1999. P. 337–338.

²⁵ См.: Momigliano A. The Origins of Rome // САН². 1989. VII. 2. P. 73–74. О подлинности же самой надписи см.: Hamp E.P. Is the Fibula a Fake? // АJP. 1981. Vol. 102. P. 151–153. А также: Цымбурский В.Л. Дело о пренестинской фибуле: к оценке аргументов // Индоевропейское языкознание и классическая филология-VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2003. С. 122–128.

Карта территории древнего Карфагена (из Scullard H.H. Carthage and Rome // САН². 1989. Vol. VII.2. P. 523)

Договоры, упоминаемые Полибием, Диодором и Ливием

	Полибий	Диодор	Тит Ливий
508/7 г.	I		
348 г.		I	какой-то договор
306 г.			III
279 г.	III	II	IV

Татарников Д.Г. (Саратов)

ФАБИЙ ПИКТОР О ПРИЧИНАХ
ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
(к интерпретации фрагмента Polyb. III.8.1–8)

Задавшись целью разыскать философские основы наук о духе — к этим наукам, без всякого сомнения, следует отнести историю — немецкий философ В. Дильтей заметил, что материал этих наук “составляет исторически-социальная действительность, насколько она сохранилась в сознании человечества в виде исторических сведений и стала доступна в форме общественных знаний, выходящих за пределы сиюминутной ситуации”¹.

Впрочем, следует ясно понимать, и это, в первую очередь, касается древней истории, что исторически-социальная действительность может быть представлена нам не сама по себе, а лишь *во внутреннем опыте*. Во внутреннем опыте, главным образом, тех авторов, сочинения которых сегодня стали для нас историческими источниками. Однако для того, чтобы вплотную приблизиться к той исторической действительности, которая представлена во внутреннем опыте древних писателей, нам просто необходимо рассматривать их сочинения как факты духовного порядка, составляющие определенную реальность, подлежащую не овладению, но, прежде всего, нашему осмыслению.

Между тем, будучи фактами духовного порядка, сочинения античных авторов содержат в себе не только рассказы о событиях, теории, оценочные суждения и правила. Главным является то, что они заключают в себе сохранившиеся в письменном виде следы человеческого существования, выражают духовную жизнь авторов. Увидеть за сочинением человека, почувствовать его душевные переживания — значит верно осмыслить его труд и ближе всего подойти к той исторической действительности, которая представлена в его внутреннем опыте.

Таким образом, наиболее полная интерпретация любого письменного источника возможна лишь в том случае, если она будет учитывать духовную жизнь автора, целостность его сочинения, а также исторический контекст, неотъемлемой частью которого являлся автор и его сочинение. Разумеется, подобная интерпретация может быть осуществлена лишь на основе единства, заключающего в себе историческое, грамматическое, логическое и эстетическое знание.

Целью настоящей работы будет интерпретация фрагмента сочинения Кв. Фабия Пиктора (Polyb. III. 8 = frag. 25 Peter). Думается истолкование этого отрывка на основе вышеуказанного единства позволит пристальнее взглянуть в ту картину прошлого, которую он в себе заключает.

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 127.

Впрочем, весьма интересна бывает не только историческая действительность, представленная во внутреннем опыте автора. Пожалуй, не менее интересным оказывается также *авторское восприятие* этой действительности, которое выражается, как правило, в объяснении и оценке тех или иных исторических событий. Объяснение же и оценка во многом зависят от причин события.

В упомянутом выше фрагменте речь идет именно о причинах исторического события, то есть о причинах, которые, по мнению Пиктора, привели к возникновению второй Пунической войны. Поэтому в настоящей работе мы также попытаемся определить то, как современник второй Пунической войны Фабий Пиктор воспринимал это историческое событие.

Впрочем, прежде чем приступить к непосредственной интерпретации фрагмента, необходимо несколько слов сказать о жизни первого римского историка² и дать критику его сочинения.

Фабий Пиктор был сенатором и родственником знаменитого Квинта Фабия Максима (Plut. *Fab.* XVIII). В 225 г. Пиктор принимал участие в войне против галлов, а в 223 г. — в войне против лигуров (Oros. IV.13.5)³. Кроме того, известно, что в 216 г. после битвы при Каннах он по поручению сената совершил путешествие в Дельфы (Liv. XXII.57.5; XXIII.11.1–6; Plut. *Fab.* XVIII). Это, пожалуй, все, что можно сказать о жизни историка.

Свое сочинение, озаглавленное “*Annales*” (Cic. *De div.* I.21.43; Plin. *Hist. nat.* X.34.71), Фабий написал на греческом языке и охватил в нем период от основания Города до современных ему событий⁴. Впрочем, о труде Пиктора известно столь же мало, сколько и о его жизни. Более того, все, что сейчас известно об этом сочинении, можно отнести лишь к области предположений, выдвигаемых различными исследователями.

В этом отношении весьма показателен вопрос о том, почему Фабий написал свое сочинение на греческом языке. Очень интересную версию, объясняющую причину, по которой Пиктор избрал его для написания своего труда, выдвинул М. Гельцер. По мнению немецкого исследователя, в выборе языка первый римский историк исходил именно из контекста эпохи, поскольку обращался своим сочинением прежде всего к эллинам, желая изложить им римскую “программу действий” (πρόδρομος). Более того, М. Гельцер утверждал, что Фабий Пиктор как историк желал занять место рядом с греческими авторами⁵. Схожее мнение о причине, по которой Пиктор написал свой труд на греческом языке, высказал Н.А. Машкин. Он пишет, что сочинения старших анналистов “рассчитаны были

---

² Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom.* I.6.2; VII.71.1) и Тит Ливий (I.44.2) прямо указывают на то, что Фабий Пиктор был первым римским историком.

³ *Соболевский С.И.* Ранняя латинская проза // История римской литературы / Под ред. С.И. Соболевского. М., 1959. Т. 1. С. 118.

⁴ *Walter U., Beck H.* Die Frühen Römischen Historiker. Darmstadt, 2001. S. 17.

⁵ *Gelzer M.* Römische Politik bei Fabius Pictor // *Hermes.* 1933. Bd. 68. S. 129–130.

на узкий круг эллинов, интересовавшихся римским прошлым”⁶. Впрочем, существует также предположение о том, что Фабий Пиктор писал по-гречески лишь потому, что латинский язык того времени был недостаточно выработан для создания исторического сочинения в прозе⁷. Собственного мнения на этот счет придерживался С.И. Соболевский. Он считал, что “первые анналисты пользовались греческим языком потому, что в то время он был модным языком тогдашнего образованного общества”⁸. Наконец, британский исследователь Х. Маттингли вопреки всему утверждал, что Фабий Пиктор написал свой труд по латыни⁹.

В исследовательской литературе дискуссия разворачивается не только о причинах, по которым первый римский историк написал свое сочинение на греческом языке, много споров вызывает и вопрос о структуре произведения¹⁰, а также о целях, которые ставил перед собой Фабий Пиктор, взявшись за написание исторического сочинения. Выше уже упоминалось мнение М. Гельцера, согласно которому Фабий своим сочинением обращался к грекам. Однако немецкий исследователь считал, что римский историк, находясь внутри политических течений своего времени, стремился в своем сочинении особо подчеркнуть заслуги сената¹¹. Кроме того, по мнению М. Гельцера, Фабий выдвигал на первый план оборонительный характер римской внешней политики¹², а также подчеркивал позицию своего рода в борьбе за влияние, происходившей среди знатных семейств Рима¹³.

Ситуация, когда об “Анналах” можно говорить только с известной долей вероятности, сложилась, прежде всего, потому, что труд сохранился лишь в немногочисленных фрагментах¹⁴. Однако нет никаких сомнений в том, что Фабий Пиктор в своем сочинении подробно останавливался на событиях второй Пунической войны, поэтому в историографии нового времени, начиная с работы

⁶ Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1950. С. 13.

⁷ Sisto L. *Influenza di Q. Fabio Pittore sull' opera di Polibio di Megalopoli // Atene e Roma*. 1931. N. S. 12. P. 176–178; Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. 1. С. 871–872; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948. С. 16.

⁸ Соболевский С.И. Указ. соч. С. 121.

⁹ Mattingly H.V. LCM. Vol. 7.2. 1982. P. 20.

¹⁰ Дискуссия относительно структуры сочинения Фабия Пиктора отражена в работе Д. Тимпе (*Timpe D. Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik // ANRW*. 1972. I/2. Berlin. S. 928–969). Сам немецкий исследователь, вопреки словам Дионисия Галикарнасского (I.6.2–3), из которых можно сделать вывод о двучленной структуре “Анналов”, считает, что в сочинении Фабия Пиктора можно выделить три части. В первой части римский историк внимательно рассматривает время основания Рима, затем очень сжато повествует о событиях V–IV вв. до н. э. и, наконец, подробно излагает современные ему события.

¹¹ Gelzer M. Op. cit. S. 136–137.

¹² Ibid. S. 136–137.

¹³ Ibid. S. 139.

¹⁴ Фрагменты труда Фабия Пиктора были собраны Г. Петером в книге “Фрагменты римских историков (*Veterum historicorum Romanorum reliquiae. Disposuit, recensuit, praefatus est Hermannus Peter. Vol. I. Lipsiae in aedibus B.G. Teubneri. 1870. P. 5–38*). Кроме того, они представлены в книге “Ранние римские историки” (*Walter U., Beck H. Op. cit. S. 55–137*).

К.Ю. Белоха¹⁵, исследователи так настойчиво ищут следы работы анналиста в первых книгах труда Полибия¹⁶.

Одним из таких явных следов стал именно интересующий нас фрагмент. В нем Полибий своими словами пересказывает мнение Фабия о причинах Ганнибаловой войны. Отметим, что в данном фрагменте мы имеем дело с пересказом, а значит, со стилем Полибия. Впрочем, если греческий историк стилистически изменил рассказ Фабия Пиктора, то он сделал это несколько не исказив его содержания, поскольку для Полибия самым важным в истории была истина. Более того, можно даже говорить о том, что некоторые особенности языка греческого историка позволяют лучше понять мнение Фабия.

Думается, стоит также уделить внимание вопросу, какое место в сочинении анналиста занимал рассказ, дошедший до нас в изложении Полибия. Очевидно, Фабий касался испанских событий сразу после завершения повествования о войне с галлами. Впрочем, обратимся непосредственно к содержанию самого фрагмента.

Согласно Полибию, Фабий утверждал, что “причиной войны с Ганнибалом было корыстолюбие и властолюбие Гасдрубала вместе с обидой, нанесенной заканфьянам”¹⁷ (Polyb. III. 8. 1. [пер. Ф. Г. Мищенко с изменениями]). По мнению римского историка, Гасдрубал, после того как достиг власти в Иберии, вернулся на родину и решил устроить государственный переворот для того, чтобы установить единовластное правление. Но, поскольку первые люди Карфагена разгадали его планы и составили заговор для противодействия им, Гасдрубал был вынужден удалиться в Иберию, где он действовал самостоятельно, не подчиняясь карфагенскому сенату (Polyb. III.8.2-6). Далее Фабий писал, что Ганнибал, став преемником Гасдрубала, продолжил управление Иберией в духе своего предшественника и начал войну с римлянами по собственному желанию, поскольку никто из знатных карфагенян не одобрил действия Ганнибала относительно Сагунта (Polyb. III.8.6–8).

Если анализировать сообщение Фабия, исходя из исторического контекста, то следует обратить внимание на то, что историк, являясь представителем знатнейшего рода, был сенатором. Не следует забывать также и то, что Фабий Пиктор, приступая к написанию своего сочинения, вероятно, ставил перед собой ряд задач политического порядка. Как уже отмечалось, согласно весьма разумному предположению М. Гельцера, он желал в своем сочинении, обращенном к эллинам, а также к определенной части римского общества, владевшей грече-

---

¹⁵ *Beloch K.J. Polybios' Quellen im dritten Buche // Hermes. 1915. Bd. 50. S. 357–372.*

¹⁶ См.: *Dessau H. Ueber die Quellen unseres Wissens vom zweiten punischen Kriege // Hermes. 1916. Bd. 51. S. 355–385; Sisto L. Op. cit. P. 176–178.*

¹⁷ *Φάβιος δὲ φησιν, ὃ Ῥωμαϊκὸς συγγραφεὺς, ἅμα τῷ κατὰ Ζακανθαίους ἀδικήματι καὶ τὴν Ἀσδρούβου πλεονεξίαν καὶ φιλαρχίαν αἰτίαν γίνεσθαι τοῦ κατ' Ἀνίβαν πολέμου.*

ским языком, оправдать внешнюю политику Рима и продемонстрировать правоту того политического течения, к которому он сам принадлежал.

Думается, что все это просто необходимо учитывать при интерпретации высказывания Фабия Пиктора о том, что одной из причин второй Пунической войны следует считать корыстолюбие и властолюбие Гасдрубала (τὴν Ἀσδρούβου πλεονεξίαν καὶ φιλαρχίαν). Рисуя политический портрет Гасдрубала, который, по мнению Пиктора, несет ответственность за войну, римский историк пишет следующее:

ἐκεῖνον γὰρ μεγάλην ἀνειληφότα τὴν δυναστείαν ἐν τοῖς κατ' Ἰβηρίαν τόποις, μετὰ ταῦτα παραγενόμενον ἐπὶ Λιβύην ἐπιβαλέσθαι καταλύσαντα τοὺς νόμους εἰς μοναρχίαν περιστήσαι τὸ πολίτευμα τῶν Καρχηδονίων.

Ф. Г. Мищенко переводит эти слова так: “[Гасдрубал], достигнув сильной власти в Иберии, по возвращении в Ливию задумал ниспровергнуть учреждения Карфагенян и изменить форму правления их в единодержавие”.

Однако, кажется, что этот перевод нуждается в небольшом дополнении, связанном со значением существительного δυναστεία, которое использует Полибий, передовая слова Фабия Пиктора. Словарь “Polybios Lexikon”, составленный А. Маурсбергером, дает несколько значений этого существительного, которые используются греческим историком. К ним, прежде всего, относятся такие значения как “сила” “власть” (die Macht), а кроме того “господство” (die Herrschaft)¹⁸. Впрочем, в словаре указываются также определенные оттенки значения, которые имеет существительное δυναστεία в каждом случае его употребления. Так в интересующем нас фрагменте это существительное имеет значение “положение, дающее власть”¹⁹. Однако возникает вопрос, что это за сильное положение или сильная позиция, дающая власть, которую Гасдрубал занял в Иберии (μεγάλην ἀνειληφότα τὴν δυναστείαν)?

В данном случае, вероятно, следует обратить внимание на то, что существительное δυναστεία в III.11.8–9; V.34.1; VII.11.4 очень близко по своему значению к существительным ἀρχή и βασιλεία²⁰. Кроме того, существительное δυναστεία в I.2.1–2; IV.2.10; V.43.2; V.43.8; V.45.5 означало область, подвластную определенному правителю (чаще всего речь при этом шла о сатрапиях). Причем в V.43.2 Полибий подчеркивал, что владычество над землями правителем было получено по наследству²¹. Более того, в XII.15.7 существительные δυναστεία и βασιλεία являются синонимами²².

¹⁸ Polybios–Lexikon. Hrsgb. A. Maursberger. Berlin. 1961. Bd. I. L. 2. Sp. 580–582.

¹⁹ Ibid. Sp. 581.

²⁰ Ibidem.

²¹ Polybios–Lexikon. Hrsgb. A. Maursberger... Sp. 582.

²² Ibid. Sp. 581.

Следует также отметить, что в своем сочинении Полибий не раз использует существительное *δυναστῆς*, которым обозначает различных правителей. Так, например, он использует это существительное для обозначение туземных владык в Иберии, в цизальпийской Галлии, во Фракии, в Малой Азии, на Ближнем Востоке и Египте²³. Однако в XVIII.15.9 существительные *δυναστῆς* и *βασιλεύς* синонимы²⁴.

Вероятно, исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что в своем сочинении Полибий называл династами прежде всего сатрапов, которые подчинялись царской власти, и тех туземных правителей, которые властвовали над небольшими территориями. Существительное же *δυναστεία* означало у Полибия не просто могущество и абстрактную власть, но именно политическую власть, которая была по своей форме близка царской.

Следовательно, существительное *δυναστεία*, которое использует Полибий при изложении рассказа Фабия, может подчеркивать монархические, по мнению римского историка, устремления Гасдрубала. В качестве еще одного довода может выступать исторический контекст. Напомним, Фабий пишет, что после того как Гасдрубал добился в Иберии сильной власти, он, по возвращению в Ливию, задумал ниспровергнуть учреждения карфагенян и изменить их форму правления в единодержавие.

Отметим, что этими словами римский историк характеризует Гасдрубала как крайне беспринципного человека, который не только уже достиг в Иберии по сути монархической власти, но стремится также к единовластию и на родине, готовый для своих целей пренебречь всякими законами. Думается, римский сенатор, к тому же представитель рода Фабиев, вряд ли мог представить себе более страшный недостаток у государственного деятеля, чем стремление последнего к единовластию.

Впрочем, как пишет Фабий, на пути Гасдрубала встали первые государственные мужи (*οἱ πρότοι ἄνδρες ἐπὶ τοῦ πολιτεύματος προιδόμενοι*), которые разгадали его планы и для противодействия им составили заговор. Таким образом, согласно логике римского анналиста, эти люди спасли государство от единовластия. Вероятно, в глазах Фабия-сенатора, первые государственные люди Карфагена были людьми более мудрыми и гораздо более добродетельными, чем стремящийся к единовластию Гасдрубал, а, значит, по праву управляли государством. Однако возникает вопрос, кого имел в виду римский сенатор и историк, говоря о первых государственных людях, помешавших планам Гасдрубала? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, кажется необходимым хотя бы кратко рассмотреть политическое устройство Карфагена.

---

²³ Ibid. Sp. 582.

²⁴ Ibid.

Не претендуя на подробный анализ государственного устройства карфагян, отметим только то, что нам известно о нем из сообщений античных авторов²⁵. Аристотель, говоря о государственном устройстве Карфагена, указывает на его сходство с лакедемонским государственным устройством (*Pol.* 1272 b). Это же сходство отмечает и Полибий, но вместе с тем греческий историк видит также подобие карфагенского государства римскому (III.51.2). Он пишет, что “у карфагян были цари, совет старейшин имел аристократическую власть и народ пользовался своими правами в должной мере” (VI.51.1). Вообще, то, что в государственном устройстве карфагян сочетается царская власть, аристократическое правление и демократия отмечали многие античные авторы²⁶.

Из сообщений древних авторов явствует, что царская власть в Карфагене (*regia potestas* [Cato frag. 80 Peter]), находилась в руках двух суфетов, которых Аристотель сравнивал со спартанскими царями (*Pol.* 1272 b). Однако античные авторы, говоря о суфетах, наряду с термином βασιλεύς или *rex*, употребляют и другие названия: чаще всего *consul* (Нер. *Hann.* 7.4; Liv. XXX.7.5; Sen. *Dial.* IX.4.5) или *praetor* (Liv. XXXIII.46.3). Суфеты были высшими должностными лицами (*summus magistratus* [Liv. XXVIII.37.2]) и избирались сроком на один год (Нер. *Hann.* 7.4). Они обладали, вероятно, законодательной инициативой (Liv. XXXIII.46.6), имели право созывать сенат (XXX.7.5) и, может быть, даже народное собрание. Кроме того, суфеты вели судопроизводство (XXXIV.61.15), а также возглавляли определенные полицейские силы, которыми они пользовались для защиты государственных интересов. К тому же суфеты, по крайней мере, с начала второго века до н. э., стали контролировать государственные финансы (Нер. *Hann.* 7.4; Liv. XXXIII.46.3–47.2).

Аристократическое правление в Карфагене осуществлялось членами совета, которых Аристотель сравнивал со спартанскими геронтами (γέροντες). Сами карфагяне, по мнению В. Хусса, называли этих людей “могущественными”²⁷. По всей вероятности, всего их было 300 человек (Polyb. XXXVI.4.6; Diod. XXXII.6.1; App. *Lib.* 76.354). В наших источниках для обозначения совета трехсот употребляются различные термины. Писавшие на греческом языке авторы называли этот совет: βουλή²⁸, γερότιον (Polyb. VI.51.2)²⁹; γερουσία³⁰,

²⁵ Подробнейший перечень источников по политическому устройству Карфагена, литература этого вопроса, а также его исчерпывающее рассмотрение представлены ведущим немецким специалистом по карфагенской тематике В. Хуссом (*HuЯ W. Geschichte der Karthager. München, 1985. S. 458–466*).

²⁶ Об этом кроме Полибия см.: Arist. *Pol.* 1272 b; Cato frag. 80 Peter.

²⁷ В. Хусс переводит финикийский термин h'drm как die Mächtigen (*HuЯ W. Op. cit. S. 462*).

²⁸ Diod. XXIII.10.1; App. *Iber.* 8.29; 10.37; *Lib.* 34.143; 37.157; 80.376; 91.431; 93.439; 111.526; 118.561. См.: *HuЯ W. Op. cit. S. 461–462*.

²⁹ Ф.Г. Мищенко переводит термин γερότιον как “совет старейшин”.

³⁰ Arist. *Pol.* 1272 b; 1273 a; Polyb. I.21.6; I.68.5; XV.19.2; Diod. V.11.13; XIII.43.4; XIV.47.1–3; XX.9.4; 10.1; 59.1; XXIII.10.1 b; 12.1; XXV.16; XXVII.11; XXXII.6.2; 6.4; App. *Lib.* 35.149; 91.429–431; *Syr.* 8.33. См.: *HuЯ W. Op. cit. S. 462*.

σύγκλητος³¹ и συνέδριον³². Римские историки называли его сенатом (senatus)³³. Мнение членов карфагенского совета имело решающее значение в вопросах войны и мира. Кроме того, совет во время войны обладал контролируемыми полномочиями³⁴. Сказать что-либо определенное о внутривосточных функциях совета, которые были, несомненно, значимы, нельзя, поскольку как греческие, так и римские авторы почти ничего об этом ни сообщают.

Однако нам известно о том, что в совете трехсот существовал особый орган, “высший совет”³⁵ (sanctius consilium), который, как пишет Ливий, был главной силой в сенате и состоял из тридцати сенаторов (Liv. XXX.16.3). Во времена Аристотеля, вероятно, совета тридцати еще не было, поскольку греческий философ ничего о нем не сообщает. Но, исходя из сообщения Полибия (I.87.3), можно предположить, что ко времени восстания карфагенских наемников, т. е. примерно к 238 г. до н. э., совет тридцати уже существовал³⁶.

Важное значение в политической жизни принадлежало коллегии ста или ста четырех, которая была высшим судебным органом в Карфагене. По мнению В. Хусса, эта коллегия, основанная в 396 г. до н. э., обладала правом суда над карфагенскими военачальниками³⁷ и была по своей сути следствием аристократической реакции на растущую популярность отдельных полководцев и их семейств³⁸. Показательно, что Аристотель сравнивает положение членов этой коллегии с положением спартанских эфоров (ἔφοροι [Pol. 1272 b]). Философ сообщает также о том, что членов совета ста избирают пентархи, “обладающие многими важными полномочиями” (Pol. 1273 a. [пер. С.А. Жебелева]). Членами

³¹ Polyb. X. 18. 1; XV. 1. 5; XXXVI. 4. 6; Diod. XIV. 47. 2; XXXII. 6. 1. См.: НуЯ W. Op. cit. S. 462.

³² Polyb. I.31.8; III.8.4; 20.9; 33.1; 33.4; XIV.6.9; XV.19.9; XXXVI.3.7; Diod. XXV.16. См.: НуЯ W. Op. cit. S. 462.

³³ Nep. Hann. 7.6; Liv. XXI.3.2; 10.2; 11.1; 18.3; XXIII.11.8; 13.7; 28.1; 28.4; XXV.40.12; XXVII.20.6; XXVIII.31.4; 36.1; XXX.7.5; 16.3; 19.4; 20.3; 22.2 sq.; 24.10; XXXIII.47.6; 49.1; XXXIV.61.6; 61.15; 62.1; XXXVIII.48.13; XLI.22.2; Val. Max. II.7. ext. 1; VII.3. ext. 7; IX.5. ext. 4; Iust. XX.5.13; XXI.4.1–3.

³⁴ НуЯ W. Op. cit. S. 462.

³⁵ Существование этого политического органа вытекает также из сообщений Полибия (X.18.1; XXXVI.4.6) и Аппиана (Lib. 80.376). Аппиан и Полибий называют совет тридцати γερουσία. Причем в X.18.1 и XXXVI.4.6 Полибий противопоставляет совет тридцати совету трехсот, обозначая их различными терминами: γερουσία и σύγκλητος соответственно. Однако, какое значение Полибий вкладывал в существительное γερουσία в I.21.6; I.68.5; XV.19.2, не вполне ясно. Кроме того, Аппиан использует существительное γερουσία не только для обозначения совета тридцати. Герусией (γερουσίαν) он называет также и совет трехсот, таким образом, вкладывая одно и то же содержание в термины γερουσία и σύγκλητος (Lib. 91.429–431).

³⁶ Думается, что тридцать сенаторов (τριάκοντα τῆς γερουσίας), которые, как пишет Полибий, отправились мирить Ганнона и Гамилькара Барку, были именно членами этого совета (I.87.3 sq.).

³⁷ Отметим, что немецкий исследователь называет коллегия ста четырех государственным трибуналом (der Staatsgerichtshof) (НуЯ W. Op. cit. S. 464).

³⁸ В. Хусс пишет, что коллегия ста четырех была основана, вероятно, после поражения Гамилькара в Сицилии, с той целью, чтобы ослабить политическое влияние дома Магонидов (Op. cit. S. 464).

совета, вероятно, могли стать только сенаторы (Just. XIX.2.5). Ливий утверждает (XXXIII.46.1), что члены совета ста четырех избирались пожизненно. Более того, основываясь на сообщении Ливия, можно заключить, что функции этого органа с течением времени расширялись, а его политическое значение росло. Римский историк пишет, что ко времени избрания Ганнибала суфетом в 196 г. до н. э. в Карфагене господствовало сословие судей. Однако Ганнибал смог провести через народное собрание законопроект, по которому судьи избирались сроком на год и никто не мог оставаться судьей два года подряд (Liv. XXXIII.46.6–7).

Участием в народном собрании определялось влияние большинства граждан Карфагена на государственные дела. В качестве основной особенности народного собрания, которую нельзя найти при другом государственном устройстве, Аристотель называет право не только выслушивать постановления властей, но и обсуждать их; причем, как пишет философ, каждый желающий может говорить против вносимых предложений (Pol. 1273 a). Впрочем, обсуждать вносимые на рассмотрение предложения народное собрание могло лишь в том случае, если между суфетами и сенатом обнаруживались разногласия; в этой ситуации решающий голос безоговорочно принадлежал народному собранию. Если же суфеты не встречали со стороны сената никаких возражений, то они могли по своему усмотрению вносить или не вносить дела на рассмотрение народного собрания (Arist. Pol. 1273 a). Вместе с тем, народное собрание, вероятно, уже во времена Аристотеля, обладало важнейшим правом: оно могло избирать суфетов и полководцев³⁹. Необходимо отметить, что к началу второй Пунической войны значение народного собрания в политической жизни Карфагена сильно возрастает. По словам Полибия, когда карфагеняне начали Ганнибалову войну, их государство было хуже римского, поскольку у карфагенян наибольшую силу во всех начинаниях имел тогда народ, а у римлян высшая мера значения принадлежала сенату (III.51). Более того, к началу второй Пунической войны народное собрание в Карфагене, вероятно, находилось под сильным влиянием “партии Баркидов”⁴⁰.

Говоря о государственном устройстве карфагенян, необходимо еще упомянуть некоторые важные институты власти. Прежде всего, следует отметить, что в Карфагене существовало финансовое ведомство, глава которого являлся весьма значимым государственным чиновником⁴¹.

³⁹ Polyb. I. 82.12; III.13.4; Diod. XIII.43.4 sq.; XX.10.1; XXV.8; Nep. Hann. 3.1; Liv. XXI.3.1; XXV.40.12; App. Ann. 3.8; Zonara. VIII.13. См.: *ИИЯ W. Op. cit. S. 463.*

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Polyb. I. 82.12; III.13.4... S. 465.

В Карфагене также существовала должность судьи. Этот судья, вероятно, рассматривал дела более низкой юрисдикции, не относящиеся к компетенции суда суфетов и коллегии ста четырех⁴².

Наконец, в государстве карфагян существовала должность, которую Корнелий Непот называет *praefectus morum* (*Hann.* 3.2). Из сообщения Непота можно заключить, что “блюститель нравов” мог вмешиваться в частную жизнь граждан, если они, как ему казалось, нарушают общепринятые моральные нормы.

Итак, коснувшись государственного устройства карфагян, постараемся ответить на вопрос, кого именно имел в виду Фабий Пиктор, говоря о первых государственных мужах (οἱ πρότοι ἄνδρες ἐπὶ τοῦ πολιτεύματος προιδόμενοι), составивших заговор против Гасдрубала? Напомним, что, по мнению автора “Анналов”, эти люди спасли государство от единовластия. Однако прежде всего следует отметить то обстоятельство, что первые государственные мужи Карфагена не только спасли государство от единовластия, но и противостояли властолюбию и своекорыстию Гасдрубала, то есть тому, что явилось, по словам Пиктора, одной из причин второй Пунической войны.

Упомянув о заговоре против Гасдрубала, Фабий Пиктор сообщает, что карфагенский полководец удалился из Ливии и с этого времени управлял делами Иберии по собственному усмотрению, не соображаясь с волею сената карфагян (οὐ προσέχοντα τῷ συνεδρίῳ τῶν Καρχηδονίων [*Pol.* III.8.4]). Исходя из исторического контекста, можно предположить, что, по мнению римского историка, Гасдрубал наталкивался на противодействие своим замыслам главным образом со стороны карфагенского сената, и, следовательно, говоря о первых государственных людях, Пиктор имел в виду карфагенских сенаторов. Более того, можно предположить, что в оппозиции Гасдрубалу находилось большинство сенаторов, то есть членов совета трехсот, которые, согласно пересказу Полибия, были единодушны в своем стремлении противодействовать Гасдрубалу.

Между тем, утверждение Ливия (*XXI*.3.2), где он сообщает о дискуссии, развернувшейся в совете трехсот после того как Гасдрубал своим письмом пригласил к себе в Испанию юного Ганнибала, противоречит словам Фабия, который утверждал, что Гасдрубал действовал в Испании самостоятельно, не соображаясь с волей сената. Ливий сообщает, что Баркиды требовали разрешить Ганнибалу отправиться в Испанию, но против этого решения был Ганнон, которого римский историк называет “*alterius factionis princeps*”. Отметим, что Ливий использует здесь существительное *factio*, которое очень широко использовалось в эпоху гражданских войн и имело значение “политическая группировка”. Таким образом, Ливий называет Ганнона главой политической группировки, которая в

---

⁴² Косвенным подтверждение этому может стать замечание Аристотеля о том, что в Карфагене по всем судебным делам выносят решения определенные должностные лица (*Pol.* 1275 b).

совете трехсот противостояла Баркидам. Основываясь на сообщении Ливия, в котором продолжается рассказ о ходе дискуссии в карфагенском сенате (XXI.4.1), думается, можно даже говорить о том, кто именно входил в политическую группировку, возглавляемую Ганноном. Историк пишет, что меньшинство, то есть почти вся знать, согласилась с этим карфагенским политиком; но, как это обыкновенно бывает, большая часть восторжествовала над лучшей (“*rauci ac ferme optimus quisque Hannoni adsentiebantur; sed, ut plerumque fit, maior pars meliorem uicit*” [XXI.4.1]). Следовательно, по словам Ливия, в оппозиции Баркидам находилась прежде всего знать (*optimi*), остальная же часть сената, если и не принадлежала к партии Баркидов, то, во всяком случае, не была к ней враждебно настроена. Вместе с тем трудно отрицать то, что Гасдрубал, а затем и Ганнибал испытывали постоянное противодействие со стороны политической группировки Ганнона, которая старалась убедить сенат в своей правоте. Более того, можно также предположить, что те знатнейшие (*optimi*) и лучшие (*maiores*), о которых говорит Ливий, являлись членами совета тридцати, но это предположение нуждается в дополнительной аргументации.

Итак, кажется, что Фабий, несколько преувеличил число противников Баркидов в карфагенском сенате. Объяснение этому, думается, следует искать прежде всего в том, что Фабий Пиктор, как утверждает М. Гельцер, желал продемонстрировать в своем сочинении правоту того политического течения, к которому он сам принадлежал. Излагая предысторию второй Пунической войны, римский сенатор всячески подчеркивает вероломство Гасдрубала, на фоне которого рисует мудрый сенат, пусть даже сенат карфагенян. Сенаторы, по мнению Фабия, были опорой государства карфагенян. Они помешали Гасдрубалу ниспровергнуть законы и установить единовластие, а, кроме того, старались всячески ограничить его властолюбие, которое стало причиной второй Пунической войны. Следовательно, по логике Фабия, карфагеняне никогда бы ни начали вторую войну с Римом, а, значит, уберегли бы свое государство от поражения, если бы следовали воле сената.

Вероятно, римский анналист, обращаясь к своим читателям, на примере истории карфагенян желал лишней раз подчеркнуть значение сената не только в Карфагене, но, прежде всего, в римской Республике; он хотел показать, что противодействие воле сенаторов в любом государстве рано или поздно приведет это государство к гибели.

Напомним, что перед тем, как нарисовать крайне неблагоприятный политический портрет Гасдрубала, Фабий Пиктор обращает внимание своих читателей на то, что еще одной причиной второй Пунической войны, наряду со своекорыстием и властолюбием Гасдрубала, была обида, нанесенная законфянам (τὸ κατὰ Ζακανθαίους ἀδικήμα [Рол. III. 8. 1]). Объясняя свое понимание причин второй Пунической войны, Фабий пишет, что Ганнибал с детства подражал Гасдрубалу

и, будучи его наследником в Иберии, управлял делами в его духе (Polyb. III.8.5), то есть, не подчиняясь сенату. Таким образом, Ганнибал начал войну с Римом не только по собственному почину (κατὰ τὴν αὐτοῦ προαίρεσιν), но и наперекор карфагенянам (παρὰ τὴν Καρχηδονίων γνώμην [Polyb. III.8.6]); поскольку никто из знатных карфагенян не одобрил действия Ганнибала относительно города законфян (οὐδένα γὰρ εὐδοκεῖν τῶν ἀξιολόγων ἀνδρῶν ἐν Καρχηδόνι τοῖς ὑπ’ Ἀννίβου περὶ τὴν Ζακανθαίων πόλιν πραχθεῖσιν [Polyb. III.8.7]).

Представляется неоспоримым то, что римский историк в своем сочинении снимает всякую ответственность за развязывание войны с карфагенского сената и полностью возлагает ее на Ганнибала, который действовал в духе Гасдрубала. По словам Пиктора, Ганнибал не только по собственной воле, но даже наперекор сенату напал на Сагунт.

Отметим, что действия Ганнибала относительно Сагунта Полибий определяет следующим образом: τὸ κατὰ Ζακανθαίου ἀδικήμα (в тексте τῶ κατὰ Ζακανθαίου ἀδικήματι). Думается, что это выражение как нельзя лучше характеризует восприятие римским анналистом действий Ганнибала. Напомним, что Ф. Г. Мищенко переводит эту фразу как “обида, нанесенная законфянам”. Однако греческое существительное τὸ ἀδικήμα имеет также значения “несправедливое дело” и “несправедливость”; привативная альфа в этом слове вполне определенно указывает на его значение, которое будет противоположно значению, выраженному существительным ἡ δίκη. Следовательно, Фабий, говоря о действиях Ганнибала, подчеркивал то, что нападение карфагенского полководца на Сагунт — это несправедливость. Вероятно, Пиктор считал, что, напав на Сагунт, Ганнибал нарушил какой-то договор, поскольку после взятия Сагунта в Ливию явились римские послы и объявили, что карфагеняне должны или выдать им Ганнибала, или принять войну (Polyb. III.8.8). Однако в изложении Полибия остается неясно, какой договор, по мнению Фабия, нарушил Ганнибал, напав на Сагунт?

Итак, можно сделать следующий вывод. Фабий Пиктор полагал, что причиной второй Пунической войны было стремление Баркидов к царской власти. Напав на Сагунт, Ганнибал совершил несправедливость, которая привела к началу войны. Для Рима эта война была справедливой войной, поскольку римляне старались восстановить справедливость, нарушенную Ганнибалом, а кроме того, что не менее важно, римляне противостояли человеку, который стремился у себя на родине к царской власти и этим стремлением привел свое государство к поражению.

М.П. Трофимов (Пермь)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ В ПОНИМАНИИ ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО

“Справедливо, чтобы все люди воздавали большие почести создателям всеобщих историй за то, что они своими трудами старались помочь человеческому обществу в целом”, — так начинает свой труд Диодор (I.1.1). Уже из этой фразы отчетливо видно, что сам историк относил свое произведение к всеобщей истории. Однако существенная трудность заключается в том, что в греческой историографии не было четко выраженного представления, что же считать всеобщей историей. Каждый автор вкладывал в это понятие свой определенный смысл. С одной стороны, всеобщая история может пониматься как философско-историческая категория, то есть как явление или процесс, в том числе как существование человечества. С другой стороны, всеобщую историю можно определять и как способ работы историка, форму изложения материала. Поэтому в данной работе рассматривается вопрос, какое философско-историческое и методологическое значение имело понятие “всеобщая история” (κοινὴ ἱστορία) в труде Диодора Сицилийского “Историческая библиотека”.

Наиболее полно философско-исторические взгляды Диодора представлены во Введении к “Исторической библиотеке”. Представление о всеобщей истории основывается на стоической идее κοινὸς βίος. Учение стоиков делилось на три части: физика, логика и этика. Все части учения взаимосвязаны между собой. Физика — комплекс представлений о Космосе, тесно переплетается с этикой — представлениями о месте человека в мире¹. Этика стоиков отразилась в их социально-философских взглядах. Космос воспринимался стоиками как живой организм, обладающий разумом (Sext. Emp. Adv. phys. I.104; Cic. Ac. II.37.119). Следовательно, человек как часть Космоса обладает и частицей мирового разума. Отсюда вытекает важнейший этический постулат стоической философии. Цель человеческой жизни — это жизнь согласно природе (κατὰ φύσιν). Стоики — детерминисты и, согласно их взглядам, жизнь человека и богов предопределена. Поэтому, жизнь согласно природе соответствует необходимости, а это значит — жить добродетельно (Diog. Laert. VII.87; Cic. Ac. I.10.36; II.42.31). Так как все люди являются частью единого Космоса, то единство человечества обеспечивается родством всех людей. Вполне разделяя эти представления, Диодор в своем

¹ Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб., 1995. С. 10.

Введении к “Исторической библиотеке” говорит о том, что все люди находятся в родстве друг с другом, разделенном лишь временем и пространством (I.1.3). Он отмечает, что высшим порядком является реализация каждым человеком предначертаний божественного провидения (θεῖα πρόνοια). Прослеживаются в этой части работы и детерминистские идеи стоиков: “...божественное провидение, порядок видимых звезд и судьбы людей составив в общую аналогию, непрерывно вращает по кругу весь век, уделяя каждому в соответствии с его судьбой его долю...” (ibid). К тому же свой труд он как автор универсальной истории посвящает всему человечеству (I.1.1).

Достаточно полно общественно-политические взгляды стоиков были выражены в одном из ранних произведений Зенона “Государство”, которое дошло до нас только в изложении более поздних авторов. Зенон говорит о мире как едином полисе, который гармонизирован и управляем единой божественной силой (Diog. Laert. VII.32–33). Все люди в таком суперполисе (Космополисе, по словам Зенона) являются братьями (SVF. I.262). Главным принципом остается следование цели человеческой жизни. “Государство” Зенона представляется крайне противоречивым произведением, во-первых, из-за вторичности сведений о нем, а во-вторых, его ярко выраженного полемического характера. Это сочинение было написано как ответ на произведение Платона с тем же названием². Скорее всего, следует согласиться с точкой зрения Х.К. Болдри, что “Государство” Зенона представляет собой изложение определенной системы общих принципов организации общества, в котором наиболее успешно раскрывается соответствующий природе образ жизни³. В любом случае, идеи, заложенные в работе Зенона, оказали значительное влияние на дальнейшее развитие стоицизма. Так, Хрисипп говорил, что Космос — это полис, а звезды — его граждане (SVF. II.643). Применение подобной идеи в историописании включило в мировой исторический процесс не только греков и римлян, но и весь огромный варварский мир. Диодор в своей “Исторической библиотеке” представляет историю всего известного ему мира. Поэтому П. Бурде называет труд Диодора историей Космополиса⁴.

Стоики, признавая всех людей гражданами единого всемирного Космополиса, задумывались и о природе человеческого неравенства. Так, Хрисипп отвергал благородное происхождение как критерий достоинства и называл рабов постоянными наемными работниками, ограниченными только бессрочной службой

---

² *Erskine A.* Zeno and the Beginning of Stoicism // www.ucd.ie/~classics/2000/erskine_art.html

³ *Baldry H.C.* The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambridge, 1965. P. 157–158; *Гуморов В.А.* Античная социальная утопия. Л., 1989. С. 210.

⁴ *Burde P.* Untersuchungen zur antiken Universalgeschichsschreibung. München, 1974. S. 43.

(SVF. III.350–351). Как отмечает Х.К. Болдри, “это не отрицание рабства, но, по крайней мере, отказ от естественного рабства Аристотеля”⁵. В этом смысле становятся понятными красочные и полные сочувствия описания положения рабов на Сицилии и в Испании, сделанные Диодором (V.35–38; XXXIV–XXXVI). Вполне объясним в этом ключе и интерес Диодора к различным утопиям. “Историческая библиотека” — уникальный источник по истории социальной утопии эллинистического времени. В частности, именно Диодору мы обязаны достаточно полным сообщением о трудах Ямбула, Гекатея, Феопомпа, Эвгемера и других авторов. Исследователи не пришли к единому мнению относительно непосредственных источников, из которых Диодор позаимствовал свои космополитические взгляды⁶. Как указывает В.М. Строецкий, “сознательный выбор Диодором источников, отразивших эти идеи, и их целенаправленное использование дают основание предполагать, что они составляли основу представлений Диодора о Космополисе”⁷.

Поэтому Диодор выдвигает цель: составить всемирную историю (κοινὴ ἱστορία), систематизировав и расположив в хронологической последовательности все исторические события (κοινὰ πράξεις), начиная с истоков человеческого общества и вплоть до его собственного времени. Таким образом, произведение Диодора основано на серьезной философской основе. Используя популярные в его время идеи стоиков, он приходит к осознанию истории не только в прикладном значении как литературного жанра, но и как процесса. При этом человеческая история также часть существования всего Космоса.

Историческое произведение, основанное на таком философско-историческом фундаменте, должно иметь и своеобразный способ изложения материала.

Диодор Сицилийский не был изобретателем жанра всеобщей истории, он с уважением упоминает своих предшественников⁸. Некоторые из них были важнейшими источниками “Исторической библиотеки” и повлияли на композицию труда Диодора и его способа изложения материала.

Первым историком, которого по праву можно считать одним из создателей жанра всеобщей истории был Эфор (IV в. до н. э.). Его произведение (сохранившееся, к сожалению, только во фрагментах) представляло собой историю всего греческого мира. Хронологически оно охватывала период с возвращения Ге-

⁵ Baldry H.C. Op. cit. P. 165.

⁶ См. дискуссию: Burde P. Op. cit. P. 35; Baldry H.C. Op. cit. P. 71; Breebaart A.B. Weltgeschichte als Thema der antiken Geschichtsschreibung // Acta Hist. Neerlandica. 1966. Bd. I. S. 14.

⁷ Строецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения исторической библиотеки Диодора Сицилийского). Горький, 1985. С. 38.

⁸ См., например: I.3.1–5; V.1.4; II.37.6.

раклидов до правления Филиппа Македонского. История Эфора включала в себя и описания варварских народов, вступавших в контакт с греками. Идея *κοινὰ πράξεις* является одним из элементов истории Эфора, которая, однако, была простой суммой историй народов. Точнее было бы назвать Эфора создателем национальной истории⁹. Эфор очень высоко оценивался в древности как добросовестный историк. Ряд идей этого автора (как, впрочем, и многое из содержания его труда) был заимствован Диодором¹⁰.

Диодор рассматривал всемирную историю как целостную историю греческого и римского мира и варварских народов Азии, Африки и Западной Европы. Историк включает в мировую историю мифологический период (I.4.6). Он рассматривает богов в эвгемеровской традиции как героев-цивилизаторов человечества, позднее превратившихся в богов¹¹. Все известные ему боги — это исторические персонажи, следовательно, исключать их из истории ни в коем случае нельзя. Нет ничего удивительного, что Диодор с легкостью принимает эту точку зрения. Практика обожествления правителей эллинистических государств, безусловно, была ему знакома. Более того, обожествлен за свои деяния был и современник Диодора — Цезарь, о чем упоминает сам историк (I.4.7). Значение деятельности героев-завоевателей он видит в том, что они создавали мировые державы, следовательно, способствовали объединению человечества¹². Диодор критикует Эфора за его невнимание к мифологии (IV.1.3). Однако он сам испытывает трудности при изложении мифов, преданий и истории варварских стран (I.9.5; IV.1.1—5). Главными проблемами являются невозможность датировки легендарных эпох и слабое представление греческого автора о прошлом стран Востока. Поэтому он использует способ изложения, принятый в истории Эфора. Речь идет о расположении материала *κατὰ γένος*¹³. Эфор применял географический принцип структурирования своего труда. Данный подход позволил Диодору избежать сложных интерполяций различных мифов и ранних историй (I.9.5)¹⁴.

Безусловно, одним из крупнейших историков эллинистического времени, который также работал в жанре всеобщей истории, был Полибий. Именно этот

---

⁹ Breebaart A.B. Op. cit. S. 5.

¹⁰ Проблема “Диодор и Эфор” посвящена обширная дискуссия в историографии. Обзор этой дискуссии см.: Sacks K. *Diodorus Siculus and First Century*. Princeton, 1990. P. 25 ff.; Stylianou P.J. *A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15*. Oxford, 1998. P. 15 ff.

¹¹ Об Эвгемере см., например: Гуторов В.А. Указ. соч. С. 221; Трофимова М.К. Утопия Эвгемера // История социалистических учений. М., 1986. С. 274.

¹² Burde P. Op. cit. S. 17; Baldry H.C. Op. cit. P. 70; Строгоцкий В.М. Указ. соч. С. 33.

¹³ Drews R. *Ephorus and History Written κατὰ γένος* // *AJP*. 1963. Vol. 84. P. 244–55.

¹⁴ Sacks K. *The Lesser Prooemia of Diodorus Siculus* // *Hermes*. 1982. Bd. 110. Ht. 4. P. 441; Drews R. Op. cit. P. 252.

жанр позволяет ему показать всю полноту событий, раскрыть цель его труда: установление римской гегемонии в Средиземноморье как величайшее свершение судьбы (Polyb. I.4.1–10)¹⁵. Диодор уже живет в том мире, становление которого описывал Полибий. Поэтому его не интересует проблематика предшественника. Однако тот синхронистический и анналистический способ расположения материала, который используется во “Всеобщей истории”, вполне отвечает и его задачам.

Посидоний в начале I в. до н. э. написал свое историческое произведение. Этот труд являлся продолжением “Всеобщей истории” Полибия. Возможно, именно он первым предложил использование универсальной концепции Космополиса в историографии¹⁶. Для древнего грека доэллинистического периода характерно противопоставление себя всему остальному миру. По остроумному замечанию Й. Фогта, все люди, живущие вне греческой культурной зоны, считались варварами — детьми, приложением цивилизованного мира, остатком в картине народов¹⁷. Посидоний усиливает этнографическую составляющую исторического сочинения. При этом он не делает разницы между эллинами и варварами: и те, и другие становятся равноправными участниками исторического процесса. Эти идеи в полной мере представлены и в “Исторической библиотеке” Диодора.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Для Диодора всеобщая история — единственно верный способ для познания прошлого и его изложения. Его работа создана на серьезной философской основе. Диодор использовал для создания исторического труда популярные в его время идеи. Более того, можно утверждать, что эти идеи (в том числе и Посидония) в наиболее полном виде выражены в “Исторической библиотеке”. Элементы предшествующей историографии и теория единства человечества легко соединяются в эпоху, когда все Средиземноморье оказывается под властью Рима.

Свою задачу Диодор видел в написании истории всех народов всей ойкумены: от возникновения человечества до времени его жизни. Идеи κοινὰ πράξεις и единого исторического пространства, которые являются важнейшими в понимании всеобщей истории у предшественников сицилийского историка, он дополняет категорией времени. Всеобщая история — это история всего периода существова-

¹⁵ Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 46; Кащеев В.И. Полибий и его “прагматическая история” // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 30.

¹⁶ Хазина А.В. Эллинизм и варвары: открытие Посидония // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 38–39.

¹⁷ Vogt J. Wege zur historischen Universum. Stuttgart, 1966. S. 7.

ния человечества. Ближе всех к такому пониманию стоял Эфор, но он пренебрегает мифологией, которая для Диодора является историческим прошлым.

Безусловно, Диодор Сицилийский заимствовал основные идеи своего труда (впрочем, как и значительную часть его содержания) у своих предшественников, но синтез этих идей — достаточно успешный — показывает, что просто компилятором его назвать нельзя. Грандиозен был замысел, воплощению которого он отдал тридцать лет жизни. Труд Диодора продолжил развитие жанра всеобщей истории в античной историографии. “Историческая библиотека” — это произведение, в котором “теория историописания и практика сошлись”¹⁸.

---

¹⁸ Sacks K. The Lesser Prooemia... P. 440–441.

Абидулин А.М. (Саратов)

ДЕЛО ПУБЛИЯ РУТИЛИЯ РУФА

Судебное разбирательство по делу Публия Рутилия Руфа в дошедшей до нас римской традиции считается одним из возмутительнейших случаев в практике Вечного Города¹. Сообщения источников об этом сюжете римской истории крайне скудны, и, как считается, их основой являются мемуары самого Рутилия Руфа, написанные им в изгнании². Что же сообщают нам источники?

Цицерон, бывший ребенком во время этого процесса, писал, что это судебное разбирательство всколыхнуло все государство (*Cic. Brut.* 115). Сам Рутилий характеризуется как образец безупречности, достойный муж, которого никто из сограждан не мог превзойти в добросовестности и честности (*Cic. De or.* I.229).

Эпитоматор Тита Ливия отмечает, что “П. Рутилий, муж ни в чем не виновный, в бытность свою легатом при проконсуле Квинте Муции, защищавший азиатские города от несправедливости налоговых откупщиков был обвинен в вымогательствах и выслан в изгнание” (*Liv. Ep.* 70).

Веллей Патеркул сообщает, что всадники, получившие судебную власть благодаря закону Г. Гракха, “осудили по закону о вымогательстве, несмотря на вопли граждан, П. Рутилия, человека, наиболее достойного не только в своем веке, но и во все времена” (*Vell. II.*13.2).

Флор считал, что судебный закон Гракха расколол римский народ, а всадники получили власть распоряжаться судьбой и имуществом первых людей; сенат был искалечен изгнанием Метелла и осуждением Рутилия, потеряв даже видимость былого могущества (*Flor. II.*5.3).

Павел Орозий пишет, что “Рутилий, муж весьма добропорядочный, был настолько честен и настолько уверен в своей правоте, что, будучи вызван обвинителями в суд, не стал до дня публичного разбирательства отрачивать волосы и бороду и не стал привлекать сторонников видом грязной одежды и жалким обликом”. По словам Орозия, “Рутилий не стал умерять недругов и смягчать судей, а речь сказанная им в суде, была по кротости сравнима с душой, которой он обладал”³.

¹ Источники об этом инциденте: *Cic. Font.* 38, *Pis.* 95, *Brut.* 115; *Vell. II.*13.2; *Liv. Ep.* 70; *Val. Max.* II.10.5; *Oros.* V.17.12–13; *Dio Cass. Frag.* XXVIII; *Tac. Ann.* III.66. *Flor. II.*5.3–4. Это судебное разбирательство не было единственным в своем роде, обвиненным в вымогательствах оказался и престарелый М. Эмилий Скавр. Подробнее об этом см.: Michael C.A. *The Legatio Asiatica of Scaurus: Did it Take Place?* // *TAPA.* 1981. Vol. 111. P. 1–9.

² *Kallet-Marx R.M.* *The Trial of Rutilius Rufus* // *Phoenix.* 1990. Vol. 44. № 2. P. 122.

³ *Oros.* V.17.12. О таком поведении Рутилия на суде свидетельствует и Цицерон, противопоставляя его обычному поведению в суде своих сограждан и уподобляя его поведению на суде Сократа (*Cic. De or.* I.228–233).

Что касается греческой традиции, то наиболее значительный источник, повествующий о том времени, Аппиан, вообще не замечает этого судебного разбирательства. Он пишет лишь о разногласиях между сенатом и всадниками из-за судов (*App. Bel. Civ. I.35*).

Дион Кассий, видимо, обратил на этот эпизод большее внимание. В сохранившихся фрагментах XXVIII книги он пишет о том, что “Рутилий, добропорядочный человек, был несправедливо обвинен всадническим сословием, за то, что брал взятки, когда был легатом при Квинте Муции” (*Dio Cass. Frag. XXVIII*). У Афиня мы встречаем и упомянутое вскользь имя человека, который был ответственным за осуждение Рутилия — Апиций. Мы не знаем подробностей его жизни и его политических пристрастий, но, во всяком случае, морально он был далек от совершенства — Афиней говорит о том, что мотовством он превосходил весь свет (*Athen. IV.168 d–e*).

Такова информация о самом процессе и о поведении на нем Рутилия, которую мы имеем. О его дальнейшей судьбе известно, что после судебного разбирательства он покинул Рим и переселился в Смирну, как сообщают об этом Орозий, Дион Кассий и Тацит⁴.

Долгое время историография воспринимала этот эпизод некритично, так, как его поведали нам римские авторы. Еще Т. Моммзен заложил здесь основы авторитетной традиции, отметив, что Рутилий Руф был выдающимся военным, юристом и историком, который подал пример суровой и энергичной кары в отношении лихоимцев. По мнению исследователя, он не делал различий между италиками и простолюдинами и от всех принимал жалобы, заставляя римских купцов и откупщиков выплачивать полную компенсацию за причиненные убытки. Как виделось Т. Моммзену, этим Руф не ограничился: недоступный для подкупа, он казнил распятием на кресте видных купеческих агентов, которые были уличены в преступлениях достойных смертной казни, а сенат одобрил такой образ действий, сделав его образцом управления⁵. Таким образом, Т. Моммзен смотрит на это дело через призму противостояния всаднического сословия и сената. Такой подход твердо укрепился в литературе⁶ Его приняли и отечественные историки. Так, несправедливо обвиненным считал Руфа С.И. Ковалев. По его мнению, он был честным аристократом. Обвинение было вздорным, несправедливым было также лишение имущества и изгнание. В целом, судебный процесс Рутилия Руфа переполнил чашу терпения оптиматов и разрушил недолго-

---

⁴ Oros. V.17.13; Tac. *Ann.* III.66; Dio Cass. *Frag.* XXVIII. Заметим, что, согласно Диону Кассию, Рутилий Руф первоначально поселился в Митилене, а затем, в начале первой Митридатовой войны, переселился в Смирну.

⁵ Моммзен Т. История Рима. М., 2001. Т. 2. С. 233.

⁶ См., напр.: Нусе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 248 сл.; Нич К.В. История Римской республики. М., 1908. С. 352; Meier Chr. *Res publica amissa*. Wiesbaden, 1966. S. 77.

вечный гражданский мир, который установился в Риме в начале 90-х гг. I в. до н. э.⁷

Итак, нам рисуют жертву судебной системы, незаконно обвиненного и лишённого имущества человека. Однако в современном западном антиковедении все большее распространение получает подход, согласно которому политическая борьба в Риме выглядела гораздо сложнее, чем это рисовалось “двухпартийной” схемой Друмана-Моммзена. Первая попытка пересмотреть этот эпизод принадлежит Э. Бэдиану, который считал, что Рутилий был одним из лидеров группировки Метеллов, которая противостояла в 90-е гг. марианцам. Таким образом, противостояние оптиматы—популяры заменено здесь борьбой кланов внутри правящей элиты. Кв. Муций Сцевола вместе с Рутилием Руфом в течение 9 месяцев проводил реорганизацию провинции Азия, а затем возвратился в Рим. Рутилий Руф остался вместо него, продолжая проводить преобразования в административном управлении. По возвращении он был обвинен в вымогательствах и осужден. Сцевола избежал обвинения, очевидно, из-за того, что имел родственные связи с Марием. Осуждение Рутилия, по мнению Э. Бэдиана, было тяжелым ударом по группировке Метеллов⁸.

Недавно новое рассмотрение этого сюжета предпринял Р.М. Кэллет-Маркс. По его мнению, Муций Сцевола находился в должности проконсула Азии приблизительно в 98/97 г до н. э.⁹. Следовательно, как он считает, Рутилий возвратился из провинции в Рим приблизительно в 96 г. (но не позднее 95 г.). Дата судебного разбирательства, по его мнению, относится к интервалу от 94 до 92 гг. Это был всего лишь один случай из ряда судебных эпизодов указанного периода. Пересмотр политических обстоятельств суда над Рутилием Руфом показывает, что существовала более сложная ситуация, чем считалось долгое время. Прежде всего, для этого времени нельзя говорить о наличии сильной группировки Метеллов — в источниках в эти годы не упоминается ни один выдающийся представитель этого клана. Таким образом, Рутилий был лишен мощной поддержки, которую он ощущал на протяжении всей своей карьеры.

Фактически, Муций Сцевола и Рутилий Руф в Азии действовали на свой страх и риск, не имея за собой прочной поддержки. Их попытка строго преследовать действия публиканов была фактически приостановлена сильной всаднической реакцией. Рутилию на судебном разбирательстве почти никто не оказал поддержки, что опровергает старые представления о том, что Сцевола и Руф осуществляли политику сената и, более того, показывает отсутствие поддержки сенатом их линии¹⁰.

⁷ См.: Ковалев С.И. История Рима. М., 2003. С. 444.

⁸ Badian E. Q. Mucius Scaevola and the Province of Asia // *Athenaeum*. 1956. Vol. 34. P. 104–123.

⁹ Эту дату как возможную указывает и Э. Бэдиан. См.: Badian E. Op. cit. P. 110.

¹⁰ См.: Kallet-Marx R.M. *Hegemony to Empire: the Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berceley etc., 1995. P. 146.

Нет ни одного последовательного свидетельства (кроме хвалебной традиции в источниках, которая затрагивает больше этические вопросы судебного разбирательства), чтобы считать, что этот случай был шагом к гражданскому разногласию или борьбе между сенатом и всадничеством¹¹. Таким образом, дело Рутилия Руфа является не столько типичным эпизодом борьбы сената и всадничества, сколько довольно заурядным событием римской политической жизни в годы, предшествовавшие началу вооруженной борьбы внутри гражданской общины.

Фортуна дала красивую компенсацию Рутилию, отбывшему в изгнание в Митилену, а затем в обожавшую его Смирну. По иронии судьбы это изгнание спасло его от резни Мария в 87 г до н. э, а также представило возможность для мести и гарантировало бессмертие его личности. Остаток жизни он провел в написании мемуаров, резко критикуя свое осуждение. В Рим он больше никогда не вернулся, отклонив даже личное приглашение Суллы (Quint. *Inst. or.* XI.1.12).

---

¹¹ Kallet-Marx R.M. The Trial of Rutilius Rufus... P. 139.

Бугаева Н.В. (Москва)

УЧАСТИЕ ПОСТРАДАВШИХ ОТ СУЛЛАНСКИХ КОНФИСКАЦИЙ В ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения событий 63 г. до н. э., традиционно именуемых “заговором Катилины”, дискуссионными остаются многие связанные с ними вопросы и, прежде всего, о составе сторонников Луция Сергия Катилины. Хотя события, связанные с заговором, превосходно освещены писателями древности, их сведения в значительной степени противоречивы, что и обусловило взаимоисключающие трактовки случившегося¹.

Цицерон во Второй Катилинарии уделяет значительное место характеристике своих противников, и именно эта речь находится в центре внимания современных исследователей. Ведь никакой другой исторический источник не содержит столь детальную и одновременно “сконцентрированную” информацию о сторонниках Катилины; да и кто же мог быть более осведомленным о происходящем, чем руководивший подавлением заговора консул? Первостепенная важность Второй Катилинарии, казалось, должна была привлечь особое внимание к ее источниковедческому аспекту. Действительно, в отечественной науке неоднократно высказывалась мысль, что и официальное положение Цицерона и обстоятельства произнесения речей против Катилины не способствовали достоверному освещению в них сложившейся ситуации². Однако, к сожалению, непосредственно в самих исследованиях этот важнейший постулат не нашел подобающего воплощения; и закономерным, на наш взгляд, итогом стало, то, что существующие сейчас различные интерпретации сообщаемых Цицероном сведений порождают множество вопросов и не свободны от внутренних противоречий.

Напомним, что Вторая Катилинария произнесена великим оратором сразу же после отъезда Катилины в Этрурию. Главной целью консула было успокоить собравшихся на форуме горожан, справедливо опасавшихся, что мятежники обретут недостающего им до сих пор умелого руководителя. Задача Цицерона была прямо противоположна задаче профессионального историка: если последнему

---

¹ Если Т. Моммзен видел в Катилине главаря анархистов (Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 3. С. 180), то ряд исследователей считали его вождем италийского пролетариата (Блох Л. Сословная и социальная история Римской Республики. СПб., 1904. С. 99–103; ср.: Кирбятъев С.С. Заговор или движение Катилины? // УЗ Чкаловского госпединститута. 1948. Вып. 1. С. 115 и далее) или претендентом на установление режима личной диктатуры (Машкин Н.А. История Рима. М., 1947. С. 286; Бенклиев С.Н. Второй заговор Катилины и его характер // Труды Воронежского университета. 1957. Т. 47. С. 81).

² Кирбятъев С.С. Указ. соч. С. 135–140; Стрельникова И.П. Некоторые особенности ораторской манеры и стиля Цицерона (по Катилинариям) // Цицерон. М., 1958. С. 115 и далее; Бенклиев С.Н. Указ. соч. С. 86.

следовало дать точную и исчерпывающую характеристику сторонников Катилины, то Цицерон хотел любой ценой убедить слушателей, что в своем нынешнем составе враги республики неспособны одержать победу. Для этого Марк Туллий целенаправленно создает карикатуру на своих противников, изображает их в жалком и смешном виде, чем преуменьшает представляемую ими опасность. Данная тактика, по нашему мнению, предопределила содержащуюся во Второй речи классификацию катилитарцев. Согласно Цицерону, в первую их категорию входят богатые и уважаемые люди, стоимость имущества которых превышает размеры долга (*Cic. Cat. II.18*); во вторую — также обремененные долгами рвущиеся к власти честолюбцы (*ibid. 19*), насколько можно понять, люди далеко не бедные и активно участвующие в политической жизни *civitas*. К пятой категории относятся различного рода преступники (*ibid. 22*), к шестой — ближайшие друзья Катилины из ведущей скандальной образ жизни “золотой молодежи” (*ibid. 22–23*). Третий разряд состоит из растративших добытое во время гражданской войны сулланских ветеранов, которые “подали надежду на возобновление прежних грабежей некоторым (*non nullos*), живущим в нужде и скудости сельским людям (*agrestis homines tenuis atque egentis*)” (*ibid. 20*). При этом Цицерон особо оговаривает, что он помещает и тех и других в одну категорию сторонников Катилины (*ibid. 20*). И, наконец, четвертый разряд, “в высшей степени разнообразный, смешанный, и взбудораженный (*sane varium et mixtum et turbulentum*); они уже давно находятся под гнетом долгов и никогда не всплывут; они частично из-за бездействия, частично из-за плохого ведения дел, частично из-за своих трат бьются в старых долгах; говорят, что утомленные явками в суд, судебными заседаниями и объявлениями о продаже имущества эти люди в преогромном количестве из города и с полей (*permulti et ex urbe et ex agris*) направляются в тот лагерь” (*ibid. 21*).

Какой принцип положен Цицероном в основу этой классификации? По нашему мнению, прежде всего, это степень одиозности. Не случайно великий оратор определяет шестую категорию катилитарцев как последнюю “не только по счету, но также и по самому характеру и образу жизни (*non solum numero verum etiam genere ipso atque vita*)” (*ibid. 22*). Цицерон начинает с богатых и уважаемых граждан; далее следуют занимающие достаточно высокое положение в обществе честолюбцы; затем — разорившиеся ветераны Суллы (при оговорке, что это “честнейшие граждане и храбрейшие мужи”)³; после них — погрязшие из-за собственной бесхозяйственности в долгах жители Италии (с точки зрения Цицерона, никчемные граждане); наконец, преступники и охарактеризованная убийственным образом “золотая молодежь”. Прочие предположения, на наш взгляд, не могут удовлетворительным образом объяснить это построение Второй Катилина-

---

³ Такими их изображает Цицерон; грешит ли он здесь против истины — это другой вопрос, выходящий за рамки нашего исследования.

рии. Цицерон неоднократно подчеркивает, что общей целью участия в заговоре является стремление избавиться от долгов (ibid. 8; 10; 18–21). Дополнительный мотив — жажда власти — отмечен великим оратором только для второй категории, но на ее расположение в общем перечне это не повлияло. Если же главным критерием для классификации мятежников служит их общественное положение, то неясно, почему “золотая молодежь” оказывается на последнем месте — ведь ей следовало бы находиться перед сулланскими ветеранами или же быть соединенной с честолюбцами.

Поскольку в основе цицероновской классификации сторонников Катилины лежит степень одиозности, нас не должно удивлять, что она далеко не полностью соответствует социальному делению римского общества. Так, например, достаточно зыбкой оказывается грань между первой и второй категориями, третьей и четвертой. Чем отличаются “живущие в нужде и скудности”, примкнувшие к сулланским ветеранам, от составляющих “разнообразный и смешанный” четвертый разряд? И тут и там наличествует бедность; весьма вероятно, что представители третьей группы тоже погрязли в долгах; участие в заговоре с целью поправить свое материальное положение свойственно им в равной степени. И все же есть ли какая-нибудь причина, по которой Цицерон различает этих людей?

Обратим внимание на то, что римский оратор подчеркивает наличие связи между ветеранами Суллы и некими сельскими жителями, весьма немногочисленными по сравнению с составляющими основу войска Катилины представителями четвертой категории. Создается впечатление, что отличительной чертой “живущих в нужде и скудности” из третьего разряда является именно тесная связь этого узкого социального слоя с бывшими солдатами диктатора. Основания для подобного предположения дает также ряд других источников. В речи “За Муре́ну”, произнесенной в ноябре 63 г. до н. э., когда Катилина уже был официально объявлен врагом, Цицерон говорит, что его соперник был окружен “войском аретинских и фезуланских колонов, от каковой толпы в высшей степени сильно отличались люди из несходнейшего с ней рода, опрокинутые несчастьем сулланского времени (*quam turbam dissimillimo ex genere distinguebant homines percussi Sullani temporis calamitate*)” (*Pro Murena*. 49). Великий оратор ни в коем случае не акцентирует внимание слушателей на последних, и тем более подобное упоминание полностью исключалось для Катилинарий. Выступающий на форуме консул должен был умолчать о любых благоприятных для своего противника обстоятельствах⁴, поэтому Цицерон вполне мог изобразить пострадавших от сулланских конфискаций обыкновенными грабителями; точно так же, как он свел

⁴ Именно этим объясняется факт, что знаменитый лозунг *tabulae novae* упомянут в Катилинариях лишь однажды, когда Цицерон говорит о самых богатых сторонниках Луция Сергия (*Cat.* II.18).

острейшую для своего времени долговую проблему к личной бесхозяйственности городских и сельских жителей (*Cat. II.20–21*).

В таком случае, возможно, нуждается в пересмотре роль, которую сыграли в событиях 63 г. до н. э. Фезулы. Как правило, дислокацию лагеря Катилины объясняют проживанием в этой местности сулланских ветеранов, составляющих основу армии восставших. Подобная точка зрения восходит к античным авторам, на которых большое влияние оказало освещение заговора Цицероном (напр.: *Plut. Cic. 14*; *App. Vel. civ. II.2*). Однако она не учитывает тот важный факт, что пятнадцатью годами раньше Фезулы уже были центром гражданской войны, чья искра, по образному выражению Флора, “вылетела из погребального костра Суллы” (*III.23*). После известия о смерти диктатора лишённые им земли фезуланцы перебили ветеранов и вновь заняли свои участки. Отправленный сенатом на подавление восстания консул М. Лепид объявил себя сторонником мятежников; в его армию стали стекаться бывшие марианцы и пострадавшие от сулланских проскрипций. Источники свидетельствуют о несомненно антисулланском характере движения Лепида (*Sall. Hist. I.77.6–7*; *14*; *Flor. III.23*; *App. Vel. civ. I.107*).

Поражение восставших едва ли полностью решило проблему реституции. Показательно, что, по мнению современника событий 63 г. до н. э. Саллюстия, эмиссар Катилины Манлий “возбуждал в Этрурии народ, который из-за нищеты и боли от несправедливости жаждал переворота, так как он при господстве Суллы утратил земли и все свое состояние (*in Etruria plebem sollicitare, egestate simul ac dolore iniuriaev novarum rerum cupidam, quod Sullae dominatione agros bonaque omnia amiserat*), а кроме того, всяческого рода разбойников, которых в этой области было великое множество (*latrones quoivusque generis, quorum in ea regione magna copia erat*), и некоторых [жителей] из сулланских колоний (*nonnullos ex Sullanis coloniis*)” (*De coniur. 28.4*). Саллюстий делает здесь акцент на пострадавших в результате сулланских наделений земель, а вовсе не на ветеранах, тогда как Цицерон поступает в точности наоборот. Обвинение в разбое являлось традиционным для поднявших мятеж против *civitas*; тем не менее, нельзя исключить, что разбойниками стали разорившиеся по причине задолженности или земельных конфискаций местные жители⁵.

Речь Цицерона “За Суллу” свидетельствует о наличии схожей ситуации в Помпеях, куда диктатором была выведена *Colonia Venerea Cornelia* (*Pro Sulla. 60–62*). Обвиняемому, родственнику Луция Суллы, инкриминировалось, что он вовлек в заговор Катилины именно помпеянцев (*ibid. 60*). Наконец, серебряный орел Мария, которого Катилина сделал символом своего движения (*Cic. Cat. I.24*; *II.13*; *Sall. De coniur. 59.3*), также подчеркивает его антисуллан-

---

⁵ Так, в частности, полагал Л. Блох (см.: *Блох Л. Указ. соч. С. 99*).

скую направленность⁶. И если, согласно Саллюстию, правым флангом в битве при Пистории командовал Манлий (*De coniur.* 59.3), за левый отвечал некий фезуланец (*ibid*), возможно, по мысли писателя, принадлежащий к тем, кто был затронут сулланскими конфискациями.

Таким образом, источники показывают, что в значительной степени восстание 63 г. до н. э. возникло на той же почве, что и движение Лепида, а роль жителей Италии, пострадавших при наделении ветеранов землей, была гораздо большей, чем это обычно считается⁷.

---

⁶ Ср. с восстановлением Цезарем трофеев Мария (*Suet. Div. Jul.* 11). См. также: *Моммзен Т.* Указ. соч. Т. 3. С. 179; *Кирбятъев С.С.* Указ. соч. С. 128.

⁷ За исключением вышеупомянутой работы С.С. Кирбятъева, к сожалению, сильно грешащей “революционным радикализмом”, отечественные исследователи ограничивались краткими замечаниями о важной роли в заговоре Катилины жертв сулланских проскрипций (*Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 448–449; *Метушевская О.В.* Аграрный вопрос в Риме 70-х гг. I в. до н.э. // *ВДИ.* 1983. № 4. С. 149; *Эриванский М.* Аграрный закон Сервилия Рулла // *Ученые Записки Азербайджанского государственного университета.* 1958. № 6. С. 206; *Горенштейн В.О.* Примечания // *Цицерон Марк Туллий.* Речи в двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 336. Прим. 73).

Артюшина В.В. (Москва)

САЛЛЮСТИЙ КРИСП, ПЕРВЫЙ НАМЕСТИК ПРОВИНЦИИ AFRICA NOVA

О Саллюстии, конечно, написано не так много, как о Цицероне или Цезаре, но он, пожалуй, единственный из историков, который жил в позднереспубликанский период, чьи произведения дошли до нашего времени. Кроме того, и важность сообщаемых им сведений, и то, что он положил начало жанру монографии в римском историописании, способствует вниманию исследователей к этому автору. Тем не менее, Саллюстий Крисп не только автор ряда исторических произведений, но и политический деятель своего времени, вершиной карьеры которого стало управление в статусе пропретора только что образованной провинцией, чем сам он немало гордился¹. Этот аспект его личности в научной литературе затрагивается значительно реже — прежде всего, из-за скудости источниковой базы для такого исследования. Однако он не менее интересен: все-таки в истории Рима не так много случаев, когда мы можем познакомиться с литературным наследием высокопоставленного должностного лица (кроме него здесь можно вспомнить только Катона Старшего, Цезаря и Цицерона). Такой материал позволяет осветить и ситуацию в провинциях, и цели и методы римского управления ими. Для решения этой задачи можно, с одной стороны, использовать немногочисленные упоминания о Саллюстии и событиях, в которых он участвовал, у других античных авторов, а с другой — попытаться найти соответствующую информацию в его собственных произведениях. Остается только пожалеть об утрате его “Истории”, как и о многих других не дошедших до нас сочинениях. Тем не менее, этой цели вполне может служить другая его работа, “Югуртинская война”, написанная около 40 г. до н. э., когда он уже удалился от политической жизни. Об интересующих нас событиях и роли Саллюстия в них сообщают также неизвестный автор “*Bellum Africum*” (97), Аппиан (*Bel. civ.* II.100), Дион Кассий (XLIII.9). Среди научных работ, посвященных Саллюстии, необходимо выделить работы С.Л. Утченко, Р. Сайма², Х. Ласта³.

---

¹ “Если они задумаются над тем, в какие времена достиг магистратур я, какие мужи добиться этого же не смогли и какие люди вошли в сенат впоследствии...” (Sall. *Bel. Jug.* 4.4, здесь и далее пер. В.О. Горенштейна).

² *Syme R.* Roman Revolution. Oxford, 1939; *Idem.* Sallust. Cambridge, 1964.

³ *Last H.* The Bellum Jugurthinum of Sallust // *CAH.* 1932. Vol. IX. P. 113–115. Также полезен источниковедческий анализ “Югуртинской войны” у Ст. Гзелля (*Gsell St.* Histoire ancienne de l’Afrique du Nord. Osnabrucke, 1979. Vol. 7. Общая библиография работ, посвященных Саллюстии, довольно обширна. См.: *Горенштейн В.О.* Гай Саллюстий Крисп // Саллюстий. Сочинения. М., 1981. С. 151; *Nicolet C.* Rome et la conquête du monde méditerranéen. Paris, 1993. Т. II. P. 486–489, XII–XIII.

В общих чертах рассматриваемые здесь события выглядят так. Гай Саллюстий Крисп, человек незнатного происхождения, сделал политическую карьеру, встав на сторону Цезаря, участвовал в его африканском походе, и когда после разгрома помпеянцев в Нумидии в 46 г. до н. э. была образована новая римская провинция, Цезарь назначил его наместником этой области. Тем не менее, пробыл он там недолго, не более полутора лет: против него был начат процесс *de heretundis*, и Цезарь своим вмешательством незадолго до гибели избавил его от преследования⁴.

Таким образом, занимая в только что образованной провинции главную должность, он, как должностное лицо, как первый римский управитель и организатор провинции, должен был хорошо понимать особенности этого региона. Можно попытаться проверить, насколько это действительно было так, опираясь на текст "*Bellum Jugurthinum*".

Представляется правомерным предположить, что "степень" знакомства наместника с географией вверенной ему провинции найдет адекватное отражение в тексте "Югуртинской войны". А, следовательно, выводы, сделанные на основе такого анализа, будут объективным свидетельством того, много ли он перемещался по провинции (а в обязанности наместника входили, в частности, регулярные объезды для участия в судопроизводстве), как хорошо он был информирован, понимал ли положение дел здесь.

В тексте упоминается ряд африканских городов и населенных пунктов, и о многих при этом сообщаются необходимые по ходу рассказа или просто интересные с культурно-исторической точки зрения подробности. В сочинении Саллюстия присутствуют следующие пункты (в скобках указаны номера глав):

Цирта (21–26, 35, 81–82, 88, 101–104), столица старшего сына Масиниссы, очевидно, административный центр времен Югурты и крупнейший город западной Нумидии;

Вага (29, 47, 48.1, 66, 68–9) – "*oppidum Iugurthae*" ("город Югурты"), "его важнейший город", возле границ старой провинции, "*forum rerum venalium totius regni maxime celebratum, ubi et incolere et mercari consueverant Italici generis multi mortales*" ("наиболее посещаемое в царстве торговое место, где обычно селились и вели дела многие люди из Италии");

Большой Лептис (19, 77–78), порт возле области Сиртов, истории и особенностям которого посвящена целая глава;

Сикка (56) – возможно, совр. Эль Кеф, торговый город на пересечении путей;

Тала (75, 76) – крупный и богатый город, где находились "*plerique thesauri*" ("большая часть его сокровищ") и "богатый двор (*cultus*) его юных сыновей", не локализован;

⁴ Cic. *In Sall. invect.* 6.17; 7.19.

Капса (89) — “oppidum magnum atque valens nomine Capsa, quod conditor Hercules Libys memorabatur” “большой и могущественный город, будто бы основанный Геркулесом Ливийским”, достаточно удаленный;

Фирмида (12) — какой-то пункт, где убит Гиемпсал;

Гиппон и Гадрумет (19), порты старой провинции;

Кирена (19, 79) — “colonia Theraeon” (“колония фереев”);

Сутул (37, 38) — место, “ubi regis thesauri erant” (“где хранились сокровища царя”), посреди глинистой равнины, не локализован точно;

Зама (56–60) — “urbem magnam <...> arcem regni” (“большой город, оплот этой части царства”), Зама Регия, неподалеку от Сикки;

Тисидий (62.8) — в провинции, но, видимо, возле ее границ;

Лары (90) — место, “ubi stipendium et conneatum locaverat” (“где он оставил деньги для уплаты жалованья и продовольствие”), в 18 км от Сикки;

а также ряд городов в той же части царства, что и Капса (92.3–4), и неназванная крепость с казной у реки, названной автором Мулуккой, на скале.

Дополнительную неясность вносит то, что многие из перечисленных пунктов не локализованы; таким образом, мы не можем с уверенностью сказать, что в каких-то из этих случаев автор не представлял, о чем он пишет, и допустил какие-то ошибки. С другой стороны, сама эта неясность уже является показательной: очевидно, историк плохо представляет себе, о чем пишет. В целом, вслед за Х. Ластом, можно констатировать, что районы, прилегающие к границе старой провинции, Саллюстий знает хорошо, а окраинные части Нумидии — значительно хуже. Более того, здесь появляется несколько странных неточностей: он неправильно размещает Филеновы алтари, границу провинций Африка и Киренаика (19.3), он не знает, что Цирта (21.2) находится примерно в 70 милях от побережья, и говорит, что осаждавший город Югурта “окружил стены валом и рвом, построил башни” (23.1), в то время как город располагается на большой скале; вопрос о локализации упоминаемой им реки Мулукки не имеет однозначного ответа. Естественно, подобные ошибки заставляют считать, что наместник провинции там ни разу не был, а описания этих районов он позаимствовал из своих письменных источников. Но, с другой стороны, обязанности наместника могли и не потребовать его присутствия там, особенно если учесть недолгий период его управления.

Вместе с тем, Саллюстий знает, что западная Нумидия, граничащая с Мавретанией, богаче и перспективнее восточной (16.5), что область города Ваги (долина Баграда, совр. Меджерды) отличается плодородием (47), что в окрестностях Лептиса бывают песчаные бури (79.6), “южнее Нумидии, как я узнал (ассеримус), обитают гетулы” (19.5). Вряд ли эти сведения он нашел только в своих письменных первоисточниках.

Таким образом, здесь еще раз приходится констатировать, что для бесспорного вывода имеющихся данных недостаточно. Действительно, аргумент “заимствованных из несохранившегося первоисточника сведений” нельзя сбрасывать со счетов. Однако мы не можем утверждать, что Саллюстий не привнес в текст никаких личных наблюдений и приобретенной на месте информации, а, следовательно, пренебрегал своими обязанностями, сидя в столице.

В целом, обвинить Саллюстия в пренебрежении к нумидийским реалиям, к истории и культуре этой страны нельзя. Вероятно, он знал греческий язык и мог активно использовать местные архивы — им упоминаются “Пунические книги” царя Гиемпсала II, наследовавшего трон после Гауды, которые хранились в Заме Реги, столице Юбы I; части этих книг были переведены с пунийского для заинтересовавшегося ими римского администратора (“как это перевели для меня из пунийских книг” [17.7]) — видимо, это были своего рода энциклопедии по данному региону⁵. Сам факт появления монографии, посвященной нумидийскому деятелю (пусть основной акцент в ней и делается на внутриримские дела) — явление исключительное. Цицерон в период своего наместничества в Азии, вероятно, не интересовался местной историей, Цезарь писал свои “Записки” в том числе и с целью поддержать собственную популярность. Все перечисленное — свидетельство того, что Саллюстий не просто предавался лени и бездействию или не думал ни о чем, кроме взяток, но находил время и для царских библиотек.

Несмотря на очевидную пристрастность Саллюстия, его морализаторство, “идеологизированность” “Югуртинской войны”, этому автору нельзя отказать в способности к социо-политическому анализу и притом достаточно глубокому. Это, в общем-то, тоже косвенная характеристика Саллюстия как “управленца”. Таким образом, Цезарь, возможно, учитывал и эти его таланты, выбирая своего ставленника на ответственную должность⁶.

Рассматривая деятельность Саллюстия — наместника Новой Африки, кажется возможным поставить и еще один вопрос.

Автор “*Bellum Africum*” сообщает об огромных суммах штрафов и контрибуций, наложенных на тех, кто поддержал помпеянцев (97):

“Caesar interim Zamae auctione regia facta bonisque eorum venditis qui cives Romani contra populum Romanum arma tulerant, praemiisque Zamensibus qui de rege

⁵ Гиемпсал был не единственным нумидийским монархом, увлекавшимся историческими исследованиями. Так, интерес к гуманитарным наукам проявлял еще Миципса; Юба II, участвовавший в триумфе Цезаря и потом долго живший в Риме, а затем получивший в управление от Августа Мавретанию, написал огромное число работ (в том числе по ранней римской и африканской истории), вплоть до трактата о причинах порчи греческого языка, и был удостоен статуи в Афинах (*Gsell St. Algérie dans l'antiquité*. Paris, 1897. P. 264.

⁶ Если считать подлинными письма Саллюстия Цезарю, то во втором (Ep. 2.1.3) имеется свидетельство его “теоретического” интереса к государственным делам еще “в юности”.

excludendo consilium ceperant tributis, vectigalibusque regiis irrogatis...Uticam se recepit. ibi bonis venditis eorum qui sub Iuba Petreioque ordines duxerant, [itemque] Thapsitanis hs XX, conventui eorum hs XXX, <itemque> Hadrumetinis hs XXX, conventui eorum hs L multae nomine imponit; ... Leptitanos ... XXX centenis milibus pondo olei in annos singulos multat, ideo quod initio per dissensionem principum societatem cum Iuba inierant eumque armis militibus pecunia iuverant. Thysdritanos propter humilitatem civitatis certo numero frumenti multat”.

(Цезарь тем временем, устроив в Заме аукцион царского [имущества] и продав имущество тех, кто, будучи [сами] римскими гражданами, подняли оружие против римского народа, раздав награды жителям Замы, которые решили не пускать [к себе] царя, определив царские налоги... направляется в Утику. Там, продав имущество тех, кто были командирами [в войсках] Юбы и Петрея, в виде штрафа наложил на жителей Тапса два миллиона сестерциев, а на их конвент — три миллиона, на жителей Гадрумета — три миллиона, а на их конвент — пять миллионов... Жителей Лептиса... он наказал ежегодными поставками трех миллионов фунтов масла, ибо из-за раздоров первых лиц общины они с самого начала присоединились к Юбе и помогали ему воинами и оружием. Жителей Тиздры он, из-за униженного положения их общины, наказал [штрафом в виде] определенного количества зерна).

Косвенно эти мероприятия подтверждает и сообщение Плутарха о действиях Цезаря по возвращении (*Caes.* 55.):

Ἄλλὰ γὰρ ὡς ἐπανῆλθεν εἰς Ῥώμην ἀπὸ Λιβύης, πρῶτον μὲν ὑπὲρ τῆς νίκης ἐμεγαληγόρησε πρὸς τὸν δῆμον, ὡς τοσαύτην κεχειρωμένος χώραν, ὅση παρέξει καθ’ ἕκαστον ἐνιαυτὸν εἰς τὸ δημόσιον σίτου μὲν εἴκοσι μυριάδας Ἀττικῶν μεδίμων, ἐλαίου δὲ λιτρῶν μυριάδας τριακοσίας.

(“По возвращении из Африки в Рим Цезарь прежде всего произнес речь перед народом, восхваляя свою победу. Он сказал, что захватил так много земли, что ежегодно будет доставлять в государственное хранилище двести тысяч аттических медимнов зерна и три миллиона фунтов оливкового масла” [пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова]).

Скорее всего, это и были те африканские продукты, выплачиваемые наказанными общинами. Кто-то должен был собирать эту дань; кроме того, деятельность победителей по лишению помпеянцев собственности в Африке тоже, возможно, продолжалась еще какое-то время после победы. Произошедшие события показали, как прочно они обосновались здесь, прежде всего в старой провинции, организованной сенатом. Масштабные конфискации, проведенные Цезарем после

победы, одновременно и служили устрашающим примером, и лишали здесь его политических противников материальной базы. Конечно, все изложенное относится, прежде всего, к старой Африке, однако, возможно, что аналогичные меры проводил во вверенной ему провинции и Саллюстий. В таком случае становится понятной причина его беззастенчивости (хотя, конечно, уже сама дружба с Цезарем была для нее достаточным основанием). С другой стороны, становится понятным, почему дело дошло до судебного процесса и даже приняло опасный для наместника характер, если пострадавшими были не никому неизвестные местные общины, а влиятельные люди, имевшие связи в римских сенаторских или всаднических кругах. Тем не менее, за отсутствием бесспорных доказательств, это не более, чем гипотеза. О противоправных действиях Саллюстия в Африке свидетельствуют Цицерон (*In Sall. invest.* 7.19):

“provinciam vastavit, ut nihil neque passi sint neque exspectaverint gravius in bello socii nostri, quam experti sunt in pace hoc Africam inferiorem obtinente. unde tantum hic exhaustit, quantum potuit aut fide nominum traici aut in naves contrudi: tantum, inquam, exhaustit, patres conscripti, quantum voluit. ne causam diceret, sestertio duodeciens cum Caesare paciscitur,”

называющий даже сумму, за которую Цезарь согласился помочь соратнику, и Дион Кассий:

как τούτου τὰς τε ἄλλας πόλεις μηδενὸς ἀνθισταμένου παρεστήσατο, καὶ τοὺς Νομάδας λαβὼν ἔς τε τὸ ὑπήκοον ἐπήγαγε καὶ τῷ Σαλουστίῳ λόγῳ μὲν ἄρχειν ἔργῳ δὲ ἄγειν τε καὶ φέρειν ἐπέτρεψε. ἀμέλει καὶ ἐδώροδόκησε πολλὰ καὶ ἤρπασεν, ὥστε καὶ κατηγορηθῆναι <καὶ> αἰσχύνῃ ἐσχάτην ὀφλεῖν, ὅτι τοιαῦτα συγγράμματα συγγράψας καὶ πολλὰ καὶ πικρὰ περὶ τῶν ἐκκαρπούμενων τινὰς εἰπὼν οὐκ ἐμιμήσατο τῷ ἔργῳ τοὺς λόγους. ὅθεν εἰ καὶ τὰ μάλιστα ἀφείθη ὑπὸ τοῦ Καίσαρος, ἀλλ' αὐτὸς γε ἑαυτὸν καὶ πάνυ τῇ συγγραφῇ ἐστηλοκόπησε.

(“Затем, подчинив себе все остальные города, которые не сопротивлялись, и получив [власть над] нумидийцами, он (т. е. Цезарь — В. А.) низвел их до подчиненного состояния и отдал Саллюстию, на словах — для управления, а на деле — для грабежа и разбоя. Тот, конечно, и брал взятки, и грабил, в чем был обвинен и чем навлек на себя величайший позор, потому что, хотя в написанных сочинениях много и горько сетовал на тех, кто обирал других, но слова его не соответствовали делам. И даже хотя Цезарь его полностью оправдал, но он сам в своем сочинении представил свои грехи на всеобщее обозрение” [XLIII.9.2–3]).

Данный отрывок свидетельствует о том, что, видимо, относительно злоупотреблений Саллюстия имела место какая-то полемика: Дион подчеркивает, что лично он в них не сомневается (ἀμέλει), однако сама эта формулировка

предполагает, что существовала и другая версия, возможно, исходящая от самого Саллюстия, который “представил свои грехи на всеобщее обозрение” (ἐστῆλοκόπησε). А возможно, разделявшаяся и еще кем-то. Наконец, не стоит полностью пренебрегать даже и сугубо психологической стороной вопроса: ведь трудно ожидать от автора “Югуртинской войны”, человека, которому Цезарь доверил стратегически важную и только что покоренную провинцию, заботы только о собственном благосостоянии. Можно легко допустить то, что она имела место, но не то, что она велась без какого бы то ни было предлога, пусть самого формального. Таким образом, с одной стороны, имеется чисто умозрительная возможность такой подоплеки “разбоев” наместника, не противоречащая данным источников, с другой, — единственное глухое указание на какую-то полемику именно по данной теме. Пусть эти данные не позволяют утверждать что-либо с очевидностью, но их наличие позволяет поставить вопрос о таком объяснении этих фактов.

Таким образом, деятельность Саллюстия, как указывалось, силой обстоятельств носила иной характер — она была не столько созидательной, сколько регулирующей, переделывающей новообразованную провинцию после периода смуты. Сведений о пребывании Саллюстия в Африке очень немного, при этом наиболее острые обвинения в его адрес не беспочвенны; это подтверждает, в частности, и то, что их выдвигает не только его политический противник, Цицерон, но и Дион Кассий, автор достаточно объективный. Тем не менее, текст “Югуртинской войны” не позволяет уподобить Саллюстия пресловутому Верресу. Таким образом, поставленные выше вопросы нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Шерстнев Е.Е. (Саратов)

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ИМПЕРАТОРА ОТОНА (15 ЯНВАРЯ – 16 АПРЕЛЯ 69 г. н. э.)

Еще в начале двадцатого века Э. Гримм выразил суждение о том, что гражданская война 68–69 гг. не имела специфического военного характера¹. Это мнение достаточно спорно, и если сосредоточить внимание на военно-стратегических действиях сторон, то данный период представляет собой интересную тему для изучения.

В апреле 69 г. император Марк Сальвий Отон проиграл войну претенденту на этот титул Авлу Вителлию, причем в ходе этой войны территория северной Италии стала ареной для выяснения отношений между преторианской гвардией и рейнскими легионами. Борьба Отона и Вителлия слабо изучена в отечественной науке. Труды по истории древнего Рима В.С. Сергеева, Н.А. Машкина, С.И. Ковалева дают о ней только предельно общую информацию², в специальных работах А.Г. Бокщанина³ и В.А. Гольденберга⁴ освещается ход военных столкновений оппонентов, но критическая оценка и разбор последствий этих действий отсутствует. В целом, изучение военных событий гражданской войны 68–69 гг. не получило развития в отечественной историографии. Поэтому основная цель данной работы состоит в том, чтобы провести анализ стратегической и тактической деятельности императора Отона и его полководцев против армий Авла Вителлия.

После свержения Нерона в июне 68 г. главой Римской империи стал Сервий Сульпиций Гальба⁵, но из-за противоречивости внутренней политики он вызвал неприязнь почти у всех сословий государства; недовольство новым принцепсом открыто выражала и армия⁶. 15 января 69 г. преторианская гвардия произвела в Риме переворот, Гальба был устранен, и на престол взошел Марк Сальвий Отон, один из его приближенных, который посредством интриг и подкупа солдат захватил власть в государстве⁷. Но ситуация осложнялась тем, что первого янва-

¹ Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1901. Т. 2. С. 12.

² Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. 2. С. 438; Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1947. С. 414–417; Ковалев С.И. История Древнего Рима. СПб., 2003. С. 627–630.

³ Бокщанин А.Г. Социальный кризис Римской империи в I веке н. э. М., 1954.

⁴ Гольденберг В.А. Очерки по истории Римской империи в I веке н. э. Гражданская война 68–69 гг. Харьков, 1958.

⁵ Подробно об этом см.: Brunt P.A. The Revolt of Vindex and the Fall of Nero // Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxford, 1990. P. 532–559.

⁶ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 415.

⁷ К. Каутский называет это действие не политическим актом, а денежной сделкой между Отоном и преторианцами (Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 117).

ря 69 г. солдаты рейнской армии отказались давать ежегодную присягу на верность императору и потребовали смены Гальбы, предоставив выбор сенату и преторианской гвардии. После начавшегося возмущения они изменили свое мнение и пожелали, чтобы принцепсом стал консульский легат в Нижней Германии Авл Вителлий⁸. Это возведение нужно было осуществить, для чего необходимо было предпринять поход в Италию, чтобы сенат подтвердил этот выбор.

3 января 69 г. Нижнегерманские легионы объявили Вителлия императором, через четыре дня и Верхнегерманская армия примкнула к выступлению против Гальбы (Тас. *Hist.* I.57). Белгика, Лугдунская Галлия и Британия заявили о своей поддержке новоизбранного принцепса. Теперь, когда опасность со стороны британских легионов исключалась, Вителлий и его окружение решили начать войну (*ibid.* I.61). Понимая, что мирный диалог с Гальбой не приведет к успеху и император выберет вооруженное сопротивление, они в короткие сроки разработали план кампании. Вителлий, совершенно не разбираясь в военном деле, в этом отношении полностью зависел от Алиена Цецины и Фабия Валента, своих приближенных, которые обладали большой популярностью у солдат, и во многом благодаря им он был провозглашен императором. Будучи людьми опытными, они, по всей видимости, взяли на себя всю подготовку к будущему походу, и в связи с этим возникает предположение, что план наступления созрел у них еще до того, как Вителлий появился на политической сцене — только этим можно объяснить столь стремительное продвижение вителлианцев на юг⁹.

Действовать предусматривалось по двум направлениям: Валенту предписывалось пройти со своей армией через галльские провинции и затем, преодолев Коттинские Альпы (горный проход в районе Мон-Женэвр), вторгнуться в Италию. Цецина получил приказ двигаться более коротким путем и спуститься в Италию через Пенинский перевал (Большой Сен-Бернар [*ibid.* I.61]). Таким образом, обе армии, перейдя Альпы и выйдя на равнину, должны были развернуть наступление на Рим.

Фабий Валент взял под свое командование отдельные подразделения нижнегерманской армии и V легион Жаворонка (*V Alaudae*) в полном составе, всего около 40 тыс. человек. Алиен Цецина вывел из Верхней Германии 30 тыс. человек, включая XXI Стремительный легион (*XXI Rapax*). И тому, и другому полководцу были выделены вспомогательные отряды германцев (*ibid.* I.62), что предполагает увеличение численности армий, но их точная численность нам неизвестна. За исключением V и XXI легионов, которые вышли в полных составах, оба корпуса представляли собой соединение крупных частей расквартированных в Германии легионов со вспомогательными силами¹⁰. Возможно, отряды имели в своем составе галльских ополченцев, которых рекрутировали в первые дни вы-

---

⁸ Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002. С. 200.

⁹ Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1998. С. 193.

¹⁰ Stevenson G.H. The Year of the Four Emperors // САН¹. 1989 (repr.). Vol. X. P. 819.

ступления (ibid. II.69). Сам же Вителлий оставался в лагерях легионов и производил набор новой армии для того, чтобы позднее двинуться вслед ушедшим войскам (ibid. I.62).

Валент продвигался по территории Белгики, Лугдунской Галлии и Нарбонской Галлии вдоль берегов рек Мозель, Арар и Родан. Его цель заключалась не только в том, чтобы привести армию в Италию, помимо этого он должен был добиться лояльности галльских провинций, даже если бы для этого пришлось применить вооруженную силу, дабы избежать возможных мятежей в тылу (ibid. I.61). Испания, Аквитания, Нарбоннская Галлия и Реция перешли на сторону Вителлия. По пути через вышеназванные провинции Валент присоединил к своему отряду I Италийский (I Italica) легион, ополчения Восточной Галлии вошли в состав его армии, тем самым, усилив ее¹¹. Алиен Цецина, вышедший одновременно с Валентом, столкнулся с некоторым сопротивлением населения — гельветами — и был вынужден затратить на поход больше времени, чем предполагалось. Уже подойдя к Альпам, он узнал, что Силианская конница, которая дислоцировалась в Транспадаанской Галлии, присоединилась к Вителлию и передала ему самые укрепленные города области — Медиолан, Новарию, Эпоредию и Верцеллы (ibid. I.70). Таким образом, вся долина Пада оказалась в руках вителлианцев, но, понимая, что эту обширную территорию не удержать конницей, Цецина отправил туда когорты галлов, лузитанов, британцев и отряды германцев с Петрианской кавалерией (ibid. I.70). Сам же он готовился к вторжению в провинцию Норик, прокуратор которой разрушал мосты и стягивал вспомогательные войска, тем самым оказывая пассивное сопротивление противнику. Но, обдумав ситуацию, Цецина решил не раздроблять свои силы и перейти Альпы как можно быстрее. Несмотря на то, что известия о смерти Гальбы и восшествии Отона достигли обеих армий Вителлия, поход прекращать никто не собирался, потому что солдаты находились в состоянии возбуждения, при котором воздействовать на них было опасно, а офицеры были заинтересованы в удачном исходе намеченного плана не меньше самого Вителлия¹². Походы Валента и Цецины ознаменовались многочисленными инцидентами с местными племенами, однако к началу марта обе армии перешли через Альпы¹³.

Гальба, находясь в Риме, не представлял широты движения в Германии, доходившие известия с Рейна не давали точной информации о происходящем¹⁴. Но даже если бы он и был осведомлен лучше, что мог предпринять император для того, чтобы собрать силы для отражения опасности? Войскам, сосредоточенным в столице, не было доверия (ibid. I.14), легион VII Сдвоенный (VII Gemina), который был набран им в Испании (Suet. *Galba*.10.2), вывели в Паннонию.

¹¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 201.

¹² *Chilver G.E.F.* The Army in Politics A.D. 68–70 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 33.

¹³ Грант М. Указ. соч. С. 181.

¹⁴ *Stevenson G.H.* Op. cit. P. 817.

Гальба мог надеяться на легионы Испании, Паннонии, Иллирии, Мезии и Востока, но он погиб 15 января, и теперь натиск рейнской армии предстояло сдерживать новому императору Римской империи — Отону. Ставленник преторианской гвардии должен был бороться против оппонента, которого выдвинули германские легионы¹⁵.

О своей верности Отону заявили войска, стоявшие на Дунае (*Plut. Otho. IV*); Веспасиан в Иудее и Муциан в Сирии привели легионы к присяге (*Tac. Hist. I.76*)¹⁶; Египет, Африка и все восточные провинции признали власть Отона. В распоряжении императора было 17 легионов, но расположение этих частей не позволяло ему подтянуть их к Италии в короткие сроки. Вывести армию Веспасиана из Иудеи не было возможности, а вторжение кавалерии роксоланов в Мезию отвлекало часть сил на отражение этого нападения (*ibid. I.79*). Воинские силы провинции Норик, на которую намеревался напасть Цецина, были укомплектованы только вспомогательными отрядами¹⁷ и не смогли бы сдерживать вителлианцев. Таким образом, реальную и своевременную помощь принцепсу могли оказать только легионы Паннонии и Далмации (Иллирии) — VII Сдвоенный, XI Клавдиев (XI Claudia), XIII Сдвоенный (XIII Gemina) и XIV Сдвоенный (XIV Gemina). Они дислоцировались в регионах географически близких к Италии и потому могли перекрыть сообщения с северо-востока и первыми закрыть дороги, ведущие на юго-запад от Аквилеи, тем самым не допустив проникновения Цецины; в лучшем случае они даже могли блокировать его армию в Альпах¹⁸ и выиграть столь ценное для Отона время для вызова других подкреплений. Но приказа о выдвигании отдано не было, и эти подразделения покинули свои лагеря только в начале марта, когда Цецина уже перешел Альпы.

В течение двух месяцев Отон находился в Риме и до начала марта не предпринимал попыток воспрепятствовать вторжению противника, а подготовка к боевым действиям велась крайне медленно. Принцепс занимался текущими делами империи (*ibid. I.77*) и стал собираться в поход только после того, когда стало известно о вступлении Цецины в Транспадаанскую Галлию. У императора была возможность начать активное противодействие полководцу Вителлия, и Фабий Валент не смог бы помешать этому: его армия не успевала придти на помощь и Цецину могли разбить еще до ее подхода. Но ситуация осложнялась тем, что в распоряжении Отона не было большого количества войск, и помимо занятий государственными делами он был вынужден собирать армию для отпора вителлианцам. Преторианская гвардия насчитывала около 6 тыс. человек, и император полагался в первую очередь на нее. Однако столичные войска были не только недисциплинированы, но и не обладали боевым опытом, поэтому некоторое

---

¹⁵ Штаерман Е.М. Кризис 68–69 гг. и деятельность Веспасиана // ВДИ. 1951. № 3. С. 168.

¹⁶ См.: ВСН. 1897. Vol. XXI. P. 47. № 29.

¹⁷ Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001. С. 257.

¹⁸ Stevenson G.H. Op. cit. P. 819–820; Моммзен Т. Указ. соч. С. 202.

время пришлось затратить на их подготовку¹⁹. Для участия в боевых действиях были привлечены когорты городской стражи (не имевшие практического военного значения), преторианцы-ветераны, солдаты морской пехоты²⁰, гладиаторы. Кроме того, в Риме стоял I Вспомогательный (I *Adiutrix*) легион, с приданными ему особыми отрядами морской пехоты (*ibid.* I.87; II.11). Общая численность армии Отона не превышала 25 тыс. человек²¹. Предполагалось задействовать Мизенский и Равеннский флоты, имевших в своих составах около 30 тыс. человек (экипажи и абордажные группы)²².

Цецина и Валент были инициативными и опасными противниками, но им противостоял командный состав Отона в лице Светония Паулина, Мария Цельза и Анния Галла, которые обладали большим талантом и опытом в военном деле. Однако к их мнению не всегда прислушивались, что порождало трения в особо важных вопросах (*Plut. Otho.* VIII). Солдаты не доверяли своим полководцам, люди несведущие в стратегии и тактике вмешивались в планирование боевых действий. Отсутствие единства в лагере императора существенно снижало шансы на победу. У полководцев Вителлия таких проблем не возникало, все зависело от их предприимчивости и умения воздействовать на своих подчиненных, чем они, безусловно, обладали (*Tac. Hist.* II.20;29). Единственное, что их разделяло — это стремление добиться победы без участия своего союзника.

Большую роль играло численное превосходство Цецины и Валента над войском Отона, и солдаты принцепса считали, что без поддержки дунайских легионов не стоило начинать поход, необходимо было затягивать войну (*Suet. Otho.* 9)²³. Не в пользу Отона сказывалось и “качество” его армии: вителлианцы обладали опытом ведения сражений и, соответственно, были более боеспособны (*Plut. Otho.* V).

Обдумав все возможные планы кампании, Отон решил выдвинуться к Приморским Альпам, чтобы затем выйти к Нарбоннской Галлии. В начале марта к границам провинции из Рима выступили когорты городской стражи, часть преторианской гвардии, солдаты морской пехоты. Флот обеспечивал поддержку этих сил, курсируя в Лигурийском море (*Tac. Hist.* I.87; II.14). Возможно, Отон полагал, что Валент приблизится к Италии вдоль побережья, но в таком случае посылка малочисленного отряда не смогла бы остановить вителлианцев, к тому же сомнительно, чтобы полководец Вителлия подставил свой фланг под удар флота, зная о его присутствии в море. Как оказалось, отправка этих сил

¹⁹ Грант М. Указ. соч. С. 186.

²⁰ Это были солдаты, которых Нерон в 68 г. набрал из экипажей Мизенского флота для Восточного похода (*Tac. Hist.* I.6).

²¹ *Stevenson G.H.* Op. cit. P. 820; *Гольденберг В.А.* Указ. соч. С. 79. Неизвестно, были ли включены в ее состав отряды паннонской, иллирийской и германской армий, которые находились в Риме во время переворота Отона (*Tac. Hist.* I.6; 31).

²² *Ле Боэк Я.* Указ. соч. С. 48.

²³ *Stevenson G.H.* Op. cit. P. 820; *Гольденберг В.А.* Указ. соч. С. 78–79.

привела только к раздроблению армии Отона и реального результата достигнуто не было. Парадокс заключается в том, что в Риме так долго медлили с подготовкой к войне, что, когда наступило время активизации, отонианцы слишком поспешили, хотя на самом деле обстановка требовала более продуманного решения. Экспедицию направили слишком поздно: Валент уже находился в Транспаданской Галлии, для борьбы с противником он выделил отряды кавалерии и вспомогательные когорты. Вителлианцы атаковали пехоту Отона в Приморских Альпах у побережья Лигурийского моря (*ibid.* II.14; *Suet. Otho.* 9.2), но из-за тактических просчетов потерпели поражение. Победа осталась за солдатами Отона, но успех не закрепили, вместо наступления войска были отведены на прежние позиции и лишь угрожали провинции возможным нападением. Флот также не предпринимал активных действий. Армия Валента не была ни ослаблена, ни остановлена в своем продвижении.

Альпийские проходы закрыть не удалось (хотя это, очевидно, входило в планы Отона), и Цецина продвигался по территории Транспаданской Галлии. Император рассчитывал на то, что вителлианцев удастся остановить в галльских провинциях; для обороны выбрали линию реки Пад от города Плаценция на восток, обеспечив, таким образом, коммуникации с двигавшимися на помощь принцепсу четырьмя легионами из Паннонии и Иллирии²⁴. Эти части выслали на соединение с основной армией авангард в 8 тыс. человек, основная масса войск должна была прибыть позднее. Легионы Мезии также снялись с лагерей и двинулись к Италии. Война вступала в активную фазу, и противники стремились сосредоточить силы, создавая необходимый для сражений численный перевес. Анний Галл выступил из Рима со значительными силами для занятия долины Пада; сам Отон покинул столицу в середине марта²⁵. Движение Галла, Паулина и Цельза во главе отдельных армий на север без установления единого командования оказалось ошибкой²⁶.

Цецина намеревался перенести войну в Циспаданскую Галлию, для чего необходимо было овладеть Плаценцией, опорным пунктом обороны отонианцев, что позволило бы беспрепятственно переправиться через Пад. Но упорное сопротивление гарнизона не позволило ему захватить город, а оставлять его в тылу не представлялось возможным. Цецина потерпел поражение и был отброшен от Плаценции (*Tac. Hist.* II.20–23; *Suet. Otho.* 9.2; *Plut. Otho.* VI), хотя обладал многократным превосходством. Цецина понес серьезные потери (почти все вспомогательные отряды); кроме того, неудачная осада существенно понизила его авторитет. Отонианцы тем временем стягивали подкрепления, часть их сил отвлекала вителлианцев, совершая набеги на их позиции, заставляя последних совершать ошибки. Большая часть войска Отона расположилась у Бедриака, ма-

---

²⁴ Гольденберг В.А. Указ. соч. С. 79.

²⁵ Покинуть Рим раньше не позволил разлив Тибра (*Suet. Otho.* 8.3).

²⁶ Грант М. Указ. соч. С. 186.

ленького города у Постумиевой дороги (Via Postumia, в 22 милях восточнее Кремоны), в месте ее пересечения с дорогой из Вероны, по которой ожидалось легионы из Паннонии, Иллирии и Мезии. Их авангард уже соединился с основными силами, и, возможно, армия Отона не очень сильно уступала по численности группировке Цецины²⁷.

Цецина, оправившись от неудачи, решил пойти на военную хитрость, надеясь ложным отступлением заманить отонианцев в засаду. Но об этом плане стало известно в лагере императора. В бою у Locus Castorum военачальник Вителлия вновь потерпел поражение (Тас. *Hist.* II.24–26; Плут. *Otho.* VII; Сует. *Otho.* 9.2). По сообщению Плутарха, вителлианцы могли быть уничтожены полностью, если бы Светоний Паулин, ведущий пехоту, подошел к месту сражения раньше и было организовано преследование отступавшего противника (Плут. *Otho.* VII; Тас. *Hist.* II.26). Несмотря на то, что замысел Цецины был раскрыт, командующие армией Отона упустили прекрасную возможность для его полного разгрома. Может быть, тактика Паулина и была оправданной, так как он предполагал наличие у вителлианцев резерва, но их полководец совершал в ходе боя ошибки, которых не могли не видеть Цельз и Паулин. Они, однако, не воспользовались этим. Крайняя осторожность командного состава отонианцев в течение всей войны постоянно приводила их к потере стратегической инициативы.

Валент, узнав о неудаче союзника, ускоренным маршем достиг Кремоны, где произошло соединение армий, и общая численность вителлианцев достигла примерно 100 тыс. человек²⁸. Сам же Вителлий с 60 тыс. человек готовился отправиться в поход из Германии²⁹.

В начале апреля в Бедриаке состоялся военный совет, цель которого состояла в принятии решения о дальнейших действиях отонианцев в войне. Паулин, Цельз и Галл высказывались за затягивание борьбы, по крайней мере, до лета, аргументируя это тем, что армия Отона уступает противникам в численном отношении и необходимо дожидаться подкреплений³⁰. Предлагалось блокировать вителлианцев в Транспаданской Галлии, используя для этого Пад как естественную преграду, удерживать север Циспаданской Галлии при помощи обороны сети укрепленных городов подобно тому, как это происходило под Плаценцией, тем временем подтягивая дунайские и восточные легионы, добиваясь превосходства над армией Вителлия, изнуренной боями и недостатком продовольствия (Тас. *Hist.* II.32; Плут. *Otho.* VIII). Но такая стратегия не учитывала возможных действий Цецины и Валента, которые готовились дать сражение противнику.

²⁷ *Stevenson G.H.* Op. cit. P. 822.

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Грант М.* Указ. соч. С. 194.

³⁰ Предположительно, к Бедриаку уже прибыли XI Клавдиев и XIII Сдвоенный легионы. XIV Сдвоенный ожидался через несколько дней, мезийские части – несколько позже (Тас. *Hist.* II.46).

Отон, не соглашаясь с мнением приближенных, настаивал на том, чтобы армия перешла к активным действиям³¹. Он полагался на своих солдат, которые после недавних побед рвались в бой, не надеясь сохранить их лояльность если война будет затянута, сам же принцепс, очевидно, не мог больше терпеть обстановки неопределенности и желал скорейшей развязки (Тас. *Hist.* II.33, 37; *Plut. Otho.* IX). Император оставил армию у Бедриака и, забрав с собой большой отряд кавалерии и часть преторианской гвардии, отправился в Брикселл, дожидаясь там исхода битвы. Этим действием он ослабил и без того малочисленное войско. Ошибкой Отона было то, что он уклонился от присутствия на поле боя³² и, уехав, не распределил обязанностей командующих. Это привело к тому, что власть над армией взяли в свои руки Прокул, префект претория, и брат Отона Тициан, люди, не имевшие опыта в военном деле. Цельз и Паулин продолжали осуществлять непосредственное командование частями. Лагерь войска был перенесен на 4 мили от Бедриака. По мнению Т. Моммзена и Б. Хендерсона, Отон наметил план окружения Валента и Цецины у Кремоны, для этого армия должна была разорвать их коммуникации и, соединившись с мезийскими легионами, атаковать вителлианцев³³. 15 апреля отонианцы двинулись по Постумиевой дороге к месту слияния Адуи и Пада, в 16 милях от лагеря (Тас. *Hist.* II.40). Цельз и Паулин предупреждали, что изнуренные переходом солдаты могут попасть под удар противника, который может напасть внезапно, пройдя всего 4 мили (*ibid.* II.40). Комментируя это указание из "Истории" Тацита, Г.С. Кнабе отмечает, что расстояние между Бедриаком, где стояли отонианцы, и Кремоной, под стенами которой находился лагерь вителлианцев, составляло во время Тацита 20 римских миль (29,6 км). Перенеся лагерь на 4 мили от Бедриака, солдаты Отона оказались в 16 милях от Кремоны, а не от устья Адуи, находящегося еще в 7 милях к западу. Вероятно, что устье Адуи было конечной целью всего похода отонианской армии. Поход был рассчитан на несколько дней, и 16 миль предстояло пройти лишь за первый день. Как могли Цельз и Паулин предвидеть, что противник, двинувшись им наперерез, встретится с ними именно в 4 милях от своего лагеря, остается непонятным³⁴. В.А. Гольденберг называет в качестве основной причины провала намеченного плана слишком близкий подход войска к Кремоне и то, что полководцы Отона тем самым выдали движение армии противнику³⁵. Б. Хендерсон считает такой ма-

---

³¹ Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 2000. С. 201.

³² Этого требовали солдаты его армии (Тас. *Hist.* II.39). Дион Кассий сообщает, что Отон не хотел быть свидетелем гибели сограждан (Dio Cass. LXIV.3.2).

³³ *Mommsen Th.* Die zwei Schlachten von Betriacum im Jahre 69 n. Chr. // *Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. B., 1905. Bd. IV. S. 354, 359; *Henderson B.W.* Civil War and Rebellion in Roman Empire. London, 1908. P. 100–107, 110–112.

³⁴ *Корнелий Тацит.* Сочинения: В 2-х томах / Издание подгот. Г.С. Кнабе, И.М. Тронский, А.С. Бобович, Е.П. Ореханова. СПб., 1993. Т. 2. С. 651. № 48.

³⁵ Гольденберг В.А. Указ. соч. С. 79–80.

невр невежеством со стороны военачальников императора³⁶. Г. Дессау высказывает мысль о том, что Цезельз и Паулин намеренно пошли на такой шаг³⁷. Интересен тот факт, что в день сражения в лагерь вителлианцев явились два трибуна преторианской гвардии. Цель этого визита осталась неясной (ibid. II.41), но, возможно, речь здесь идет о каких-то изменнических действиях со стороны командования отонианской армии³⁸.

После того, как армия Отона приблизилась к противнику, началось так называемое первое сражение при Бедриаке³⁹, в 12 милях от города. Цецина и Валент вывели свои войска из лагеря и атаковали отонианцев, которые не успели завершить перестроение из походного порядка. По сообщению Диона Кассия, в битве участвовало по 40 тыс. человек с каждой стороны (Dio Cass. LXIV.3.2)⁴⁰. Бой развернулся на изрезанной рвами местности, из-за чего происходили разрывы боевой линии, солдаты сражались отдельными группами (ibid. II.42–44; Plut. *Otho*. XII). Солдаты императора упорно сопротивлялись, но когда кавалерия вителлианцев опрокинула левый фланг армии Отона и был прорван центр, отонианцы начали отступать, причем преторианцы бежали первыми, даже не вступив в бой⁴¹. А.Г. Бокщанин отметил, что сражение было проиграно вследствие сознательно допущенных ошибок военачальников Отона⁴², которых после боя солдаты обвиняли в предательстве (Tac. *Hist.* II.44). Тем не менее, полного разгрома не произошло, и воины Отона небольшими отрядами прорывались к Бедриаку, где Анний Галл и Тициан начали готовить город к обороне. Цецина и Валент остановились в миле от лагеря отонианцев, не решаясь на его штурм, что свидетельствует о том, что войско Отона, хоть и разбитое, представляло собой угрозу для вителлианцев. На следующий день, 16 апреля, отонианцы капитулировали, но этому событию предшествовало известие о том, что их лидер покончил с собой.

Узнав о поражении своих войск, Отон решил не продолжать войну⁴³. Плутарх сообщает, что тот не мог выбрать, что предпочтительнее — продолжить борьбу или сдаться (*Otho*. XV); Светоний говорит о том, что Отону претила междоусобная война (*Otho*. 10). В его распоряжении была разбитая, но не уничтоженная армия, легионы из Мезии вступили в Аквилею и скоро должны были

³⁶ Henderson B.W. Op. cit. P. 115.

³⁷ Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1926. Bd. 2. S. 328.

³⁸ После битвы при Бедриаке Паулин и Прокул признались в измене, но сделали это, очевидно, под давлением Вителлия, не указав мотивацию своих действий (Tac. *Hist.* II.60).

³⁹ Второе сражение при Бедриаке состоялось в конце октября 69 г. между армиями Вителлия и Веспасиана; в нем вителлианцы потерпели поражение.

⁴⁰ Вероятно, Цецина и Валент не ввели в бой все силы, оставив половину войск в резерве.

⁴¹ См.: Stevenson G.H. Op. cit. P. 824.

⁴² Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 217.

⁴³ Видимо, по мнению современников, борьба могла бы еще продолжаться. Во всяком случае, Марциал мимоходом замечает: Forsitan et posset vincere mollis Otho ("Мог бы, пожалуй, еще слабый Отон победить" [Mart. *Epigr.* VI.32.2, пер. Ф.А. Петровского]).

прибыть к лагерю, солдаты в Брикселе требовали реванша, но император не хотел нового кровопролития. Т. Моммзен называет Отона трусом, который своим поступком предал не только гвардию, но и всю Италию⁴⁴. А. Домашевский и Г. Шиллер считают, что самоубийство стало результатом полного равнодушия к жизни и утомления ею⁴⁵. Б. Хендерсон и Г. Дессау полагают, что принцепс оказался в тупике и что смерть была единственным выходом из него⁴⁶. М. Грант предположил, что император не выдержал нервного напряжения⁴⁷. 19 апреля сенат провозгласил Авла Вителлия императором.

Даже если не брать в расчет тактические ошибки, на основании всего вышеизложенного материала можно сделать основной вывод о причинах поражения Отона — оборонительная стратегия не оправдала себя из-за ошибок допущенных при планировании, а наступательная не могла иметь шансов на успех вследствие недостатка сил и активного противодействия численно превосходящего противника. Частные победы отонианцев не оказали существенного влияния на общий ход военных действий, и война была проиграна ими еще до начала боевых столкновений.

---

⁴⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 203.

⁴⁵ Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 96; Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883. Bd. 1. S. 378.

⁴⁶ Henderson B.W. Op. cit. P. 126; Dessau H. Op. cit. S. 332.

⁴⁷ Грант М. Указ. соч. С. 188.

П.П. Фионин (Казань)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТОРА ДИОКЛЕТИАНА

Религиозная политика Диоклетиана является, пожалуй, самой популярной темой при исследовании государственной деятельности этого императора. Обычно о религиозной политике этого правителя вспоминают в связи с его эдиктами, направленными против христиан. Традиционно считается, что гонения Диоклетиана были вызваны его желанием реставрировать древнюю римскую религию, объединить население Империи вокруг императорского культа. Также полагают, что он увидел в сильно развитой христианской организации конкурента государственной власти, что явилось еще одной причиной гонения. Так или иначе, большинство авторов рассматривают его религиозную деятельность как результат хорошо продуманной политики или принципиальной позиции защитника древней римской традиции. Свой взгляд на эту проблему и на причины некоторых действий Диоклетиана в области религии и морали я хотел бы предложить в данной статье.

Рассмотрение данной проблемы следует начать с вопроса об отношении Диоклетиана к традиционной римской религии. В 285 году ввиду тяжелого внешнеполитического положения Диоклетиан усыновляет своего боевого товарища Максимиана, назначает его Цезарем и поручает ему вести боевые действия на западе Империи. 1 апреля 286 г. Диоклетиан объявляет себя Ювием, то есть, происходящим от Юпитера, а Максимиана, провозгласив его Августом, — Геркулием. В этом акте проявился глубокий политический ум Диоклетиана. Будучи равными по статусу, Августы оказались в неравном положении. В самих образах Юпитера и Геркулеса проглядывает подчинение второго первому. Юпитер был богом, олицетворявшим государственную власть в Риме еще со времен Республики. Более того, культ Юпитера-Зевса существовал на всей территории империи и был очень распространен в восточных провинциях, в частности, — балканских¹. С другой стороны, на Западе был широко распространен культ Геркулеса². Таким образом, Диоклетиан выбрал культы, пользовавшиеся особой популярностью на территориях, находившихся под управлением его самого и его соправителя, но, хотя оба императора носили одинаковое звание Августов, Геркулий был в подчиненном положении к своему приемному отцу Ювию.

Говоря о приверженности Диоклетиана древним римским традициям, ряд авторов ссылается на его эдикт о браке³. Эти историки считают, что он пытался

¹ Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 227.

² Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 301.

³ Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1994. С. 149–150; Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 399–400.

реставрировать древние традиции, утвердить идеал римского благочестия, чистоты супружеских отношений. В эдикте о браке говорится: "...только тогда бессмертные боги... будут благосклонны к римскому народу, когда мы убедимся, что все люди под нашей властью ведут благочестивую, богобоязненную, спокойную и чистую жизнь, следуя обычаям предков"⁴. Именно так это и должно было звучать во времена Диоклетиана, когда любое событие было связано с милостью или гневом божьим. Но что явилось истинным толчком и причиной такого действия императора? И почему именно брак попал в поле его зрения?

Эдикт о браке вышел в 295 г. На мысль о причине появления этого эдикта наводят предшествующие события, которые кроме внесения поправок в структуру государственного управления изменили и положение ближайшего окружения императора Диоклетиана.

В 293 г. Диоклетиан и его соправитель Максимиан назначают себе преемников и усыновляют их, для чего новым Цезарям пришлось оставить своих возлюбленных, которых они выбрали по своему вкусу, и жениться на дочерях Августов. Констанций Хлор к 293 г. уже был женат на Феодоре, старшей дочери Максимиана, а Галерию пришлось оставить свою жену и связать себя браком с единственной дочерью Диоклетиана — Валерией. Не исключено, что в первые полтора—два года супружеской жизни Галерия и Валерии мог возникнуть инцидент, который подтолкнул римского императора к решению издать эдикт о чистоте римского брака и способах борьбы с некоторыми следствиями супружеской неверности. Эдикт гласит: "в будущем никто не осмелится поддаться необузданным страстям, если будет знать, что им не разрешается вводить в наследство незаконнорожденного ребенка, как это запрещалось по древнему обычаю римских законов"⁵. Вопрос о незаконнорожденности ребенка должен был больше интересоваться мужчин, у которых было ценное наследство. Поэтому можно предположить, что эдикт был навеян, скорее, поведением Галерия, оставившего свою первую жену, чем молодой Валерии, которая недавно вышла замуж. Сама собой напрашивается аналогия с брачным законодательством Августа, но здесь стоит отметить, что его эдикт о браке вышел в 18 г. до н. э., а его дочь Юлия была осуждена во 2 г. н. э., в то время как эдикт о браке императора Диоклетиана вышел в первые годы супружеской жизни его дочери.

И, наконец, еще один маленький штрих к распространенному мнению о приверженности Диоклетиана к традиционной римской религии. При анализе легенд и изображений религиозного содержания на монетах Римской империи привлекает внимание то, что во времена его правления с монет исчезают знаки жреческого обихода — литуус (*lituus*) и сосуд для жертвоприношений (*simpulum*), являв-

---

⁴ Цит. по: Крест К. Указ. соч. С. 399–400.

⁵ Там же. С. 400.

шиеся символами авгурата и понтификата и чеканившиеся на римских монетах со времен поздней Республики⁶.

Важным аспектом политики Диоклетиана явилось его отношение к нетрадиционным “молодым” религиям. Такими молодыми религиями, на которые он обратил внимание, стали христианство и учение Мани.

А.П. Лебедев объясняет гонения на манихеев внешнеполитическими причинами: так как манихейство — религия, вышедшая из Персии, она и стала запретной в Римской империи, дабы не смогла оказать влияния на настроения римлян. Подобный подход мне кажется сомнительным. Наряду с манихейством во времена Диоклетиана было распространено много восточных религий, в том числе и происходивших из Персии, например, митраизм, который был широко распространен в Римской империи. Возможно, вопрос может решаться иначе. Многие гонения римских императоров, направленные против восточных культов, связаны с действиями “пророков”. Конечно, некоторые восточные культы были приняты в Риме еще в республиканскую эпоху (например, культ Кибелы — Великой Матери). Восточные древние религии, в которых преобладала эмоциональная окраска, уже устоялись и действовали только в сфере духа, то есть старые религии имели структуру мировоззрения, в которой все было на своих местах: кесарю кесарево, а богу богово. Эти религии включались в социальные и политические процессы, происходящие в обществе, и адаптировались в них: порядок на земле был установлен богами, и людям не надо его менять. Как писал Цельс в своем “Правдивом слове”, направленном против христиан: “...богу нет надобности вносить новые исправления; бог не вносит поправок во вселенную...”⁷. Это мнение носителей традиционной религии, которых всегда бывает большинство. Древние религии имели свои “вечные”, неизменяемые установления, они были направлены на поддержание традиционного общества, его социального и политического уклада, либо на обретение счастья и бессмертия их адептами при помощи благочестивой жизни, что также отвлекало их от политических и социальных несовершенств в окружающей жизни. Установления регулировали жизнь верующих и примиряли их с действительностью. Носители новых религий откровения, всевозможные пророки зачастую были непредсказуемы. Даже такая древняя религия как иудаизм, признанная в Римской империи и легко уживавшаяся с властью, время от времени приносила хлопоты государству, когда появлялись новые “пророки” или “мессии”, как, например, Бар-Кохба в 132 г. Новые религии рождались на почве новых политических, социальных и экономических изменений и несли в себе заряд “земного” влияния, то есть в новых религиях откровение земное и божественное сильно переплеталось. Именно их адепты часто становились

⁶ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 288–290.

⁷ Цит. по: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 295.

лись зачинщиками социальных конфликтов. С этими беспорядками и боролись римские императоры.

Эдикт против манихеев вышел 31 марта 297 г. Это могло быть вызвано событиями 296–297 гг. В 296 г. император Диоклетиан находился в Сирии. В этом же году в Египте поднялось восстание, которым руководил узурпатор Л. Домиций Домициан. Известно, что учение Мани было очень сильно распространено в Северной Африке⁸. Проповеди манихеев, объявлявших наличие множества религий следствием искажения первоначальной истинной веры, часто приводили к беспорядкам и столкновениям с последователями традиционных культов, а также провоцировали социальные волнения своими идеями о происхождении социальных и политических институтов от злого начала. Возможно, что узурпатор Домициан пришел к власти именно на волне этих беспорядков. Диоклетиан мог прямо или косвенно вывести причину волнений из проповедей манихеев. Следуя обоснованию Диоклетианом мер против манихеев, продиктованных эдиктом, мы, на первый взгляд, должны придти к мысли о радении императора за восстановление древних порядков. Действительно, эдикт гласит: “старая религия не может быть осуждена новой... Величайшее преступление — отречься от того, что было определено и утверждено древними...”⁹. Но, возможно, истинная причина кроется в других словах эдикта: “следует опасаться, что они (манихеи — П. Ф.) с течением времени отравят своими мерзкими ядовитыми напитками невинных людей, скромный и спокойный римский народ и весь наш земной шар”. Исходя из определения качеств римского народа, мы можем предполагать, что манихеи вызывали нарекания со стороны власти не какими-то своими постулатами, ибо многие их положения были близки популярным среди римлян учениям неоплатоников или митраистов, а тем, что вели себя вызывающе и порождали смуту своими горячими проповедями.

Надо отметить, что в 297–298 гг. оба Августа находились в Северной Африке: Диоклетиан — в Египте, а Максимиан — в Карфагене. Таким образом, эдикт против манихеев, по всей вероятности, вызван не столько религиозным неприятием Диоклетиана этого учения как такового, сколько проповедями и поведением сторонников этого вероисповедания и вызванными ими беспорядками.

Вторым пунктом религиозной политики Диоклетиана является его гонения на христиан, которые в историографии носят название “Великих”. Эти гонения действительно имели широкий масштаб и длительную протяженность во времени. Они оказались самыми сильными по своему воздействию на христиан, потому что после толерантного указа Галлиена христиане жили в спокойствии и неприкосновенности в течение сорока лет, из которых почти два десятка лет император Диоклетиан, начавший эти гонения, находился у власти.

---

⁸ Крист К. Указ. соч. С. 400.

⁹ Там же. С. 400–401.

При Диоклетиане христианство свободно распространялось, не испытывая никакого давления со стороны властей. Евсевий Памфил в своей “Церковной истории” пишет о первых восемнадцати годах правления Диоклетиана: “у нас не хватит сил достойно рассказать о том, каким уважением пользовались до нынешнего гонения вера в Бога Вседержителя, возвещенная Христом всем людям... и как свободно ее проповедовали. Об этом свидетельствуют и благосклонные к нам указы императоров, и поручения нам управлять провинциями, и избавление нас от мучительной необходимости приносить жертвы...” (Euseb. *Hist. Eccl.* VIII.1.1–3). Приведенные строки свидетельствуют, что христиане во время правления этого императора пользовались широкими правами и были даже освобождены от обязательных для всех жертвоприношений. Из сочинений христианских современников Диоклетиана известно о том, что во дворце этого императора было достаточно много христиан. В истории Евсевия упоминаются имена тех, кто находился в окружении Диоклетиана — препожит Дорофей, по словам Евсевия, “самый верный слуга, за это особенно чтимый людьми, стоящими у власти”, и Горгоний, пользующийся “таким же уважением” (ibid. VIII.1.4). Дорофей был дворцовым евнухом и имел большое влияние при дворе. По словам Евсевия, он был очень образован, умен и пользовался большим авторитетом среди христиан (ibid. VII.32.2–4).

Сохранилось письмо александрийского епископа Феона к христианину Лукиану, состоящему при дворе в должности *praepositus sacri cubiculi*¹⁰. В письме говорится о том, как вести себя придворным, исповедующим христианство. Это еще раз подтверждает, что при дворе Диоклетиана было много христиан. Считается, что Лактанций, прибывший ко двору Диоклетиана в Никомедию в 290 г., принял христианство во дворце этого императора. Лактанций и Евсевий Памфил пишут, что жена Диоклетиана Приска и его дочь Валерия были христианками.

Так что же случилось? Почему так резко император Диоклетиан изменил свою политику в отношении христиан?

Согласно мнению А.П. Лебедева, антихристианская политика была запланированным “последним параграфом” в реформах Диоклетиана и что столь позднее гонение на христиан вызвано тем, что на первых порах Диоклетиан был занят многочисленными реформами, которые поглощали все его силы и время¹¹. Эта точка зрения представляется мало обоснованной, так как, по-видимому, ничего не мешало начать гонения на христиан в 297 г., когда вышел эдикт против манихеев. Поэтому, скорее всего, гонения на манихеев и христиан были вызваны реакцией Диоклетиана на определенные текущие события.

¹⁰ См.: Лебедев А.П. Указ. соч. С. 138; Буркхард Я. Век Константина Великого. М., 2003. С. 244.

¹¹ Лебедев А.П. Указ. соч. С. 146.

Чтобы разобраться в причинах начала Диоклетианова гонения, попробуем проследить развитие событий. Как уже было сказано, первые 18 лет его правления были благоприятны для христиан. К 302 г. в Римской империи было спокойно: реформы в основном принесли положительные плоды, враги на границах были остановлены, положен предел сепаратизму отдельных частей государства, все узурпаторы разбиты. Таким образом, христиане не могли быть обвинены в бедствиях, которые якобы были вызваны непочтением к древней римской религии, как, например, во времена разрушения Рима Аларихом. В это время все старые смуты были подавлены, а новые начались только в 303 г., после объявления первого эдикта против христиан.

Изменение политики Диоклетиана происходит внезапно. Лактанций это объясняет неблагоприятными ауспициями. Причиной неудачных гаданий автор считает христиан, которые тайно крестились во время жертвоприношений во дворце. Далее, верховный прорицатель Тагис обвиняет христиан в этой неудаче. Сам факт участия христиан в ауспициях противоречит сведениям об освобождении христиан от жертвоприношений, о чем сообщает Евсевий¹². Удивительно и то, что столько лет христиане не мешали во время ауспиций и вдруг решились помешать гарусникам во время их гаданий. И это при том, что Диоклетиан был язычником и, по всей вероятности, все предыдущие попытки привести императора к христианской вере оказались тщетными! Скорее всего, христианское окружение Диоклетиана прекрасно понимало всю опасность такого мероприятия, тем более что многие из влиятельных христиан-евнухов были высокообразованными и практичными людьми, о чем говорит достижение ими высокого положения при императоре-язычнике. Но конфликт начинает развиваться в ближайшем окружении Диоклетиана. И первым действием императора является устное указание всему двору исполнить жертвоприношение и следом — письменное распоряжение в войска с тем же приказом. Лактанций пишет, что за день до обнародования первого эдикта был разрушен никомедийский храм, который стоял напротив дворца императора, видимый из его окна. Первыми пострадавшими оказались христиане дворца, в числе которых находились влиятельные евнухи, а также императорские придворные юноши, к которым правители “были расположены,.. как к родным детям” (Euseb. *Hist. Eccl.* VIII.6.1). Таким образом, начало изменений в отношении к христианам должно лежать внутри близкого окружения Диоклетиана.

И тут целесообразно снова вернуться к письму Феона Александрийского. В вышеупомянутом письме мы встречаем наставления, в которых александрийский епископ учит кубикулярия тому, как “проводить проповедническую работу” с императором, чтобы склонить его к истинной вере. Феон расписывает, как должна вести себя дворцовая прислуга, исповедующая христианство. Своим по-

---

¹² См. об этом: Буркхард Я. Указ. соч. С. 239–240.

ведением они должны расположить к христианской вере императора и императрицу. Феон был епископом в Александрии с 282 по 300 год¹³. А.П. Лебедев не датирует письмо, но ясно, что оно написано до 300 г. Будучи язычником, у Диоклетиана в окружении вряд ли было такое количество христиан в первые годы правления, как описано в письме. Таким образом, скорее всего, письмо было написано в последнее десятилетие третьего века.

Судя по тексту, во время написания письма императрица и ее дочь еще не были христианками, а в 302 г., о котором пишет Лактанций, они уже известны среди христиан как свои и должны были принести жертвы в знак своей политической лояльности. Несомненно, Диоклетиан был язычником и христианская система ценностей была чужда императору. Он мог бы относиться к этой религии снисходительно, если бы она не касалась его непосредственно. Не исключено, что толчком для изменения отношения к христианам явились те внутренние метаморфозы, которые произошли или происходили с его женой и дочерью. Диоклетиан мог видеть изменения в сознании своих близких и влияние христианских пастырей на поведение супруги и дочери. Надо также отметить и то, что у Валерии и Галерия в это время была маленькая дочь, на которую христианская вера матери тоже оказывала влияние, что могло вызывать дополнительные трения женщин с Галерием и Диоклетианом. Если верить Евсевию, то препозит Дорофей еще до знакомства с императором был “удостоен в Антиохии священнического сана” (Euseb. *Hist. Eccl.* VII.32.2). Историк пишет: “я слышал, как умело объяснял он в Церкви Писание” (VII.32.4). Не зря первым эдиктом предписывалось разрушение христианских храмов и сожжение Священных книг, а второй был направлен против предстоятелей церкви. По Евсевию, второй указ вышел после массовых отказов в армии от принесения жертв и после восстаний в Милитинской области и Сирии (VIII.4.2–4; 6.8). Только третий эдикт предписывал приносить жертвы и представителям христианского клира, находившимся в заключении. Все три первых эдикта были изданы в 303 г. Как мы видим, все они были направлены на уничтожение источника и активных носителей христианского учения. В связи с празднованием императором виценалий в ноябре 303 г. была объявлена амнистия, под которую попало и христианское духовенство, находящееся в заключении¹⁴.

Только в 304 г. четвертым эдиктом было предписано всем христианам совершать жертвоприношения. А.П. Лебедев достаточно убедительно доказал, что во время правления Диоклетиана на востоке империи, которым он непосредственно управлял, гонения не были такими жестокими, как их описывал Евсевий, и более того, в сочинении этого автора существуют неточности в хронологии. Так, например, рассказ о мученике Анфиме, предстоятеле Никомедийской Церкви, и

¹³ Лебедев А.П. Указ. соч. С. 244.

¹⁴ Лебедев А.П. Указ. соч. С. 166.

сонме мучеников, пострадавших вместе с ним, историк описывает в событиях 303 г., в то время как при тщательном анализе и сопоставлении источников видно, что эти действия происходили в 311–312 г. в правление Максимиана Дазы¹⁵.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Став правителем Римской империи, Диоклетиан действительно мог считать, что власть ему дана от Юпитера, так как с республиканских времен этот бог покровительствовал государственной власти. Провозглашение Августов Иовием и Геркулием было удачным политическим ходом императора, который давал ему преимущество перед соправителем Максимианом и повышал популярность правителей в народе.

Император Диоклетиан в своих религиозных взглядах был веротерпим. Гонения на манихеев и христиан не были следствием твердой религиозной установки. Гонения на манихеев вызваны не принципиальным взглядом Диоклетиана на положения учения Мани, а поведением проповедников этой религии и их бескомпромиссной позицией по отношению к традиционным римским культам и социальным и политическим институтам, что провоцировало волнения и могло быть использовано оппозиционными силами в государстве.

В описаниях эдиктов против христиан нет прямого указания на смертную казнь, как это было в эдикте против манихеев. Не исключено, что жестокости, описанные христианскими авторами, были вызваны враждебным отношением к христианам в римской языческой среде, так как в результате первого эдикта христиане оказались без защиты государства.

Толчком для издания эдикта о браке и эдиктов против христиан могли оказаться события в ближайшем окружении императора. Диоклетиан, став императором, пытался действовать для пользы государства, но его личное неприятие своего непосредственного окружения так или иначе влияло на его политические решения. Он не придерживался принципиальных взглядов, и, как кажется, говорить о его твердой позиции сторонника древнего римского уклада и традиций будет не совсем верно. Диоклетиан решал насущные задачи, и когда ему было нужно, он вспоминал о древних традициях, которые являлись для него способом обоснования своих действий. Так, эдикт о браке и эдикт против манихеев провозглашают восстановление древнего римского благочестия, в то время как звание *Deus et Dominus* никак не вписывается в римские традиции. И поэтому, если пытаться рассматривать политику Диоклетиана как стройную и продуманную систему, основанную на приверженности древней римской традиции, ее придется оценить как противоречивую.

---

¹⁵ Там же. С. 170.

Ляхин Е.В. (Пермь)

АХАЙЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ ДИОКЛЕТИАНА—КОНСТАНТИНА

Данная работа посвящена рассмотрению административной реформы Диоклетиана—Константина на примере провинции Ахайя. Цель работы состоит в объяснении процессов централизации управления в Ахайе после этих реформ.

Положение провинции Ахайи после реформ Диоклетиана—Константина практически не затрагивал ни один из значительных современных исследователей истории античности. С.А. Жебелев, крупный дореволюционный специалист в сфере греческих надписей, в основном заканчивает свое изыскание концом III в. Из зарубежных исследователей довольно подробно исследовал положение Греции после реформ Диоклетиана—Константина Георг Финлей в книге “Греция под римским владычеством”. Т. Моммзен заканчивает свое изучение эпохой кризиса III в. Этим же временем заканчивают свое исследование советские исследователи О.В. Кудрявцев и А.Б. Ранович.

Достаточно сложно отделить деятельность Диоклетиана от реформ Константина I Великого. Но все же мы можем это сделать, опираясь на достижения современного антиковедения¹. В 293 г. окончательно оформляется институт тетрархии², намечаются границы деятельности каждого их тетрархов. Этим же годом датируется административная реформа Диоклетиана.

По этой реформе Ахайя входила в состав диоцеза Мезия. От Ахайи были отделены в самостоятельное управление следующие провинции:

Фессалия — была выделана в отдельную провинцию в составе диоцеза Мезии. Фессалия сохранила свою местную лигу и Коинон, некое подобие Совета. Во главе был поставлен особый чиновник (*praeses*), который был подчинен наместнику Македонии и резиденцией которого являлся город Ларисса³.

Островная провинция (Provincia Insularum) — состояла из островов Фера, Иос, Андрос, Тинос, Сирос, Делос, Олиарос, Кифнос, Наксос, Парос, Хиос, Лесбос, Тенос, Кос, Самос, Родос. Она была специально выделена Диоклетианом из состава Ахайи. Резиденцией правителя был остров Родос, который подчинялся проконсулу Азии и управлялся особым наместником (*praeses*)⁴. Следует отметить, что на острове Кос, как отмечает Э. Кондураки, был монетный двор⁵.

¹ См.: Глушанин Е.П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2; Драгоманов М. Государственные реформы Диоклетиана и Константина // Киевские университетские известия. 1865. №2.

² Буркхард Я. Век Константина Великого. М., 2003. С. 57.

³ Бансон М. Римская Империя: Энциклопедия. С. 483.

⁴ Жебелев С.А. АХАЙКА. СПб, 1903. С. 190.

⁵ Кондураки Э. О натуральном и денежном обмене в римской империи IV–V вв. // Византийский Временник. 1958. Т. XIV. С. 35.

Это тем более замечательно, что политика императоров была направлена не только на централизацию управления провинциями, но и на упорядочивание чеканки монеты, так что провинция Ахайя утратила право чеканки⁶. Теперь право чеканки монеты принадлежало не местным чиновникам, а центральной администрации.

Акарнания, ранее входившая в состав Ахайи теперь была включена в состав провинции Эпир.

После реформы в составе Ахайи остались области:

Аттика, Беотия, Коринфика, Мегарида, Ахайя, Элида, Мессена, Лаконика, Арголида, Аркадия, Фокида, Локрида Озольская, Локрида Эпикнимидская, Дорида;

острова:

Эвбея, Скирос, Кифера, Эгина, Саламин, Кеос, Милос, Закинф.

Столицей Ахайи по-прежнему оставался Коринф, несмотря на то, что город был подвергнут разрушению готами и герулами во время их вторжения в 267 г⁷.

Диоклетиан вскоре после вступления на престол решил разделить управление империи с Максимианом. В 293 г. он назначает двух цезарей, Констанция I Хлора и Галерия Валерия. Констанций стал помощником Максимиана на Западе, а Галерий – Диоклетиана на Востоке (*Lact. De mort. percus.* IX).

Диоклетиан управлял практически всей восточной частью империи, Галерию досталось в управление Придунайские провинции, Фракия, Вифиния, Македония, Эпир, Фессалия, Крит и, наконец, Ахайя. Цезарь Галерий избрал своей резиденцией город Фессалоники, где развернул активную строительную деятельность по примеру деятельности Диоклетиана в Никомедии⁸. Военная деятельность Галерия всецело сводилось к обороне дунайских границ от “наседавших” готских племен⁹.

Эпоха правления Константина характеризуется дальнейшим развитием реформ в государстве, его дальнейшей централизацией и отказом от идеи диоклетиановской тетрархии¹⁰. Константин изменяет территориальное подчинение Ахайи. Теперь эта провинция находится в ведении наместника Македонии и входит в состав диоцеза Македония наряду с Эпиром, Фессалией, Критом. Провинция Острова остается в управлении проконсула Азии. Это изменение в положении провинции Ахайя объясняется дальнейшим делением провинций –

---

⁶ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 327.

⁷ Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. СПб., 2001. С. 123.

⁸ Бансон М. Указ. соч. С. 483.

⁹ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом. М., 1955. С. 189.

¹⁰ Буркхард Я. Указ. соч. С. 330.

при Константине их стало 120¹¹. Но территориальная целостность провинции Ахайя была сохранена.

Как отмечает Г. Финлей, “реформы Аврелиана, Проба, Диоклетиана и Константина мало изменили положение греческого населения”¹². Во главе управления провинции по-прежнему стоял проконсул, имевший свою резиденцию в Коринфе. Так как по реформе Диоклетиана гражданская власть отделялась от военной и к тому же в провинции Ахайя со времени ее образования никогда не размещались римские воинские силы, власть проконсула после реформы состояла в основном в решении более или менее сложных судебных дел¹³ и наблюдении за греческими общинами¹⁴.

После реформирования административной системы проконсула назначает император в отличие от эпохи Принципата, когда Сенат выбирал и направлял правителей в подведомственные ему провинции. Согласно “Списку всех почетных должностей в частях Востока” (“*Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis XXI. Achaiae*”), проконсулы назначались из среды сенаторов, а точнее из “*viri spectabiles*” (уважаемых мужей)¹⁵.

Для наблюдения за деятельностью чиновников в провинции Ахайи, находилась схола так называемых агентов при делах (*agentes in rebus*).

Ближайшим помощником проконсула провинции является корникулярий (*cornicularium*) — управитель второго ранга, в ведении которого находилась канцелярия наместника провинции¹⁶. В эпоху Принципата первым помощником проконсула в провинции был легат (*Dig. Iust. I.XVI*).

Далее следует *commentariensis* — начальник отделения по уголовным делам императорской канцелярии¹⁷. В эпоху Принципата по всем судебным делам провинции главой являлся проконсул и легат (*Dig. Iust. I.XVI*).

Квестор — императорский чиновник, следивший за судопроизводством в провинции, в обязанности которого входило также оглашать перед императором и сенатом, письма наместников провинций (*Dig. Iust. I.XIII*). В отличие от должности квестора эпохи Принципата, где он заведовал управлением финансами, казной.

Кроме того, в состав администрации провинции входили адиутор (*adiutor*) — помощник служителя императорской канцелярии¹⁸ и чиновник “*ad actis*” (“при

¹¹ Самохина Г.С. Древний Рим: основные аспекты политико-правового развития. 2004. С. 152.

¹² Финлей Г. Греция под римским владычеством. М., 1877. С. 91.

¹³ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 367.

¹⁴ Кудрявцев О.В. Ахайя в системе римской провинциальной политики // ВДИ. 1952. № 2. С. 82.

¹⁵ Гийан Р. Очерк административной истории Ранневизантийской империи // Византийский Временник. 1964. Т. XXIV.

¹⁶ Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1974. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 147.

актах”), занимающийся составлением проконсульских постановлений¹⁹. В эпоху ранней Империи эти должности засвидетельствованы в основном при Сенате и императоре. Замещавшие их чиновники использовались для составления протоколов. Нумерарий (*numerarius*) был счетоводом императорской канцелярии, т. е. исполнял те обязанности, которые в эпоху Принципата принадлежали квестору. Чиновник “*a libellis*” был начальником отделения императорской канцелярии, ведавший прошениями частных лиц²⁰.

Я. Буркхард с полной уверенностью утверждает, что этот “Список почетных должностей” сформировался большей частью во времена Константина²¹. Таким образом, исходя из данных этого источника, совершенно очевидно, что коренных изменений в административном управлении провинции не произошло. Это можно объяснить тремя факторами:

1. Сущность реформ Диоклетиана – Константина состояла в разделении власти в провинции на гражданскую и военную. Так как Ахайя никогда не была приграничной провинцией, то в ней не было римских легионов, соответственно не было и военных властей. Т. е. здесь, так сказать, нечего было разделять, здесь была лишь гражданская администрация.

2. Из-за своего географического положения Ахайя являлась “тыловой” провинцией и, как отмечает О.В. Кудрявцев, подверглась лишь поверхностной романизации в отличие от приграничных областей. В Ахайю лишь один раз выводилась колония ветеранов – это было в 44 г. до н. э. на место разрушенного римлянами в 146 г. до н. э. Коринфа.

3. Стоит отметить и то, что римляне никогда не считали греков хорошими воинами, которые способны были оказать им сопротивление.

Сущностью римской политики в более ранние периоды было управление за счет противоречий, на основе знаменитого лозунга “разделяй и властвуй”. Бессмысленность существования старой административной системы становится очевидной после эдикта Каракаллы 212 г., когда исчезла разница между римлянином и не-римлянином. Поэтому политика Диоклетиана-Константина состояла в том, чтобы произвести унификацию системы управления провинциями.

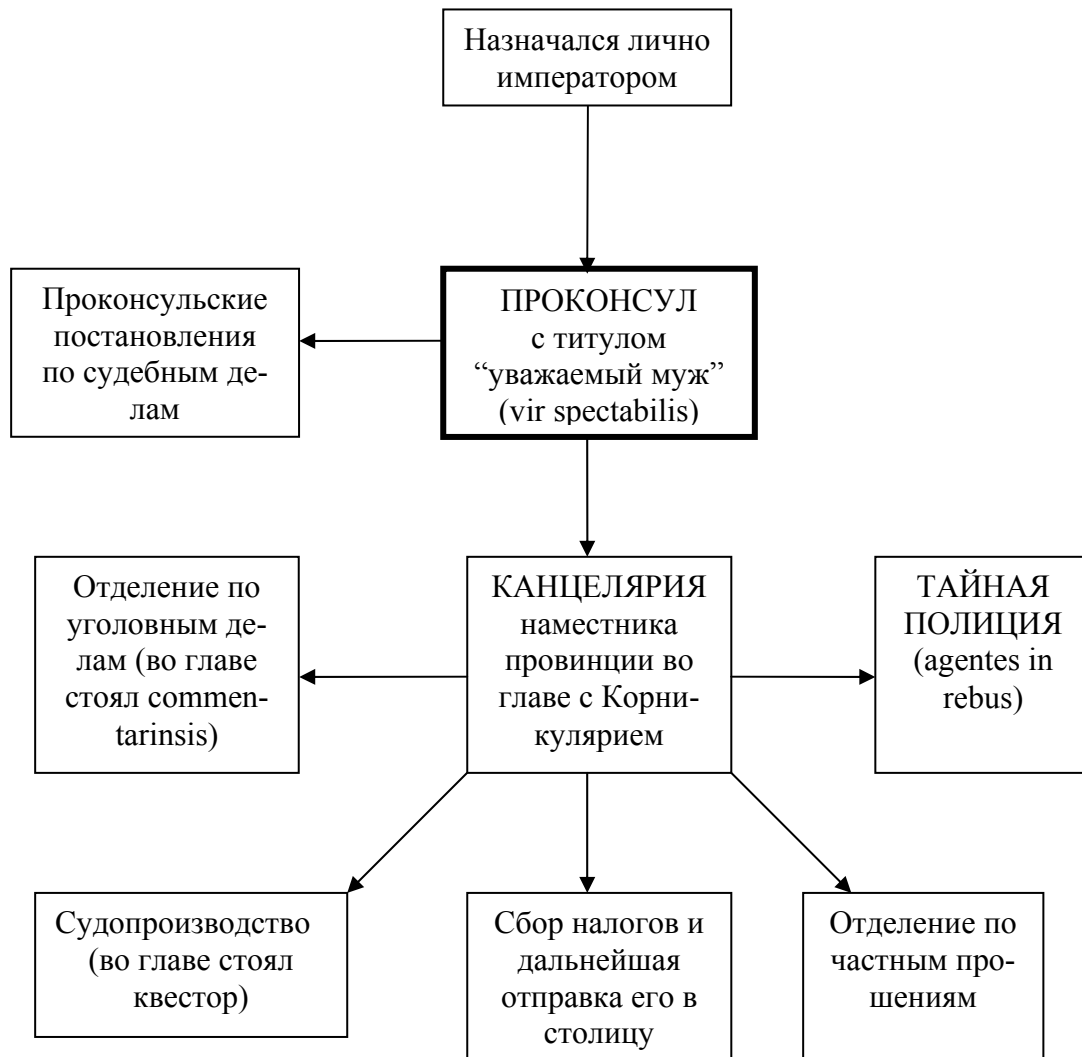
---

¹⁸ Федорова Е.В. Введение в латинскую... С. 143.

¹⁹ Там же. С. 149.

²⁰ Там же. С. 161.

²¹ Буркхард Я. Указ. соч. С. 327.

Административное управление Ахайи после реформ Диоклетиана-Константина

Ланник Л.В. (Саратов)

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РИМА И ГЕРМАНЦЕВ В IV В. Н. Э.

Римско-германское противостояние является одним из важнейших явлений в истории Римской империи. Изучение этого феномена может дать ответы на сложные вопросы о причинах падения великой империи и объяснить поражения, понесенной многочисленной и победоносной армией Рима от сравнительно малочисленных орд германцев. Определяющим периодом в многовековой истории войн Империи и германцев явилось четвертое столетие нашей эры, когда противостоящие армии столкнулись с необходимостью смены не только тактики, но и стратегии боевых действий. В данной статье социально-экономические причины изменений в армиях рассматриваться не будут, несмотря на несомненную их важность при исследовании интересующего нас вопроса. В работе будет предпринята попытка оценить военно-стратегические потенциалы противников и проследить перемены в их соотношении. Под военно-стратегическим потенциалом понимается совокупность ресурсов, необходимых для ведения боевых действий, при учете возможности их своевременного использования.

Долгое время основные боевые действия между противниками разворачивались вдоль Рейна. Однако к IV в. перманентное противостояние распространилось по всей северной границе Империи в континентальной Европе. Включать такую огромную и разнообразную область в пределы одного театра военных действий (ТВД) нецелесообразно, поэтому разделим римско-германский фронт на несколько более мелких ТВД: Рейнский (вдоль лимеса от Северного моря до озера Констанц), Дунайский (Реция, Норик, Паннония) и Балканский (Мезия).

Охарактеризуем географические особенности каждого, начиная с Рейнского. Здесь основные боевые действия разворачивались в пределах 200 км. по обе стороны от Рейна, контроль над которым являлся одной из важнейших задач воюющих сторон. Наиболее интенсивные столкновения происходили вокруг богатых городов Галльского диоцеза, а затем в междуречье Рейна и Майна. Общая протяженность этого ТВД была достаточно велика, но варварам приходилось ограничиваться сезонными и кратковременными грабежами до тех пор, пока они не смогли базироваться на левом берегу Рейна, то есть в Тоскандрии, в провинциях Германия Верхняя и Максима Секванорум. Военные действия проходили преимущественно в теплое время года, так как основным родом войск германцев была кавалерия. Не имея достаточно фуража, варвары ориентировались на грабеж римских запасов. Римляне, наоборот, старались избежать любых операций на территории Германии, памятуя о судьбе Вара и не имея мобильных частей для действий в непроходимых лесах. Римский лимес, прорванный варварами

окончательно в 274 г., был перенесен на верхний Рейн, оставлены Декуматские поля; Диоклетиан провел масштабную кампанию по возведению новых укреплений и реконструкции старых. Здесь Империю в начале IV в. защищали около 80 тыс. солдат.

Дунайский ТВД по протяженности не уступал Рейнскому и являлся стратегически важным рубежом, прикрывавшим сердце Империи. Рим в случае поражения на этом направлении был досягаем для варварских конных разъездов, что и заставило Аврелиана возвести для Вечного Города новые стены. В IV в., тем не менее, этот ТВД потерял свое первостепенное значение. Гористый характер местности позволял римлянам легко предотвратить вторжение при условии контроля над основными перевалами в Альпах и переправами через Дунай. Здесь же существовал наиболее старый и широкий пояс федератов — союзных Риму племен, поставлявших отряды под командованием своих вождей в имперскую армию.

Ситуация на Балканском ТВД резко обострилась после потери Дакии, так как существенно увеличилась уязвимая для набегов территория, оборонять которую римляне были не готовы, к тому же сравнительно мягкий климат позволял варварам совершать нападения круглый год. В начале IV в. здесь усилились готы при сохраняющейся высокой роли сарматов. Значение этого ТВД необычайно возросло в связи с переносом столицы в Константинополь.

Безусловно, людские и экономические ресурсы Империи на порядок превышали суммарные ресурсы всех германских племен. Усилиями Диоклетиана и Константина армия была доведена до 600 тыс. человек, причем теоретически Империя выдержала бы несколько мобилизаций в случае больших потерь. Уже в 14 г. н. э. ценз показал 5 млн. граждан Империи при общем числе жителей в 54 млн.¹ По оценке английского исследователя Уэллса, население Европы в IV столетии составляло 35—40 млн., из них около 25—30 жило в Империи². Учитывая жертвы, на которые оказался способен Рим во вторую Пуническую войну, Империя могла бы мобилизовать еще до 2 млн. человек при условии той же самоотверженности крайне, впрочем, сомнительной на этом этапе развития римского народа. С.А. Лазарев приводит данные, показывающие, насколько трудно было привлечь на военную службу даже штатное число рекрутов из граждан Римской империи, несмотря на введение Диоклетианом новаторского метода комплектования армии — конскрипции³. Варвары же зачастую шли на службу охотно и достигали иногда значительных командных постов, в связи с чем зависимость боеспособности имперской армии от германских контингентов непрерывно росла.

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 75.

² Никишин В.О. Рец. на: Wells P.S. The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe // Studia historica. 2004. № IV. С. 177.

³ Лазарев С.А. Римская армия в период поздней империи // www.ancientrome.ru

Численность германцев была намного меньше — Центральная и Восточная Европа просто не могла прокормить значительное население, что имело своим результатом миграции и натиск на римские границы. К IV в. участие в войнах с Римом стали принимать племенные союзы из глубины Германии — бургунды, вандалы и др. В любом случае, численность самого крупного племенного союза не превышала нескольких сотен тысяч человек, зачастую же она была гораздо меньше. Совокупная численность германцев составляла, вероятно, несколько миллионов человек, из которых непосредственно контактировало с Империей вряд ли более миллиона. До Великого переселения народов, как правило, в столкновениях участвовали только дружины знати, численностью каждая не более тысячи человек. Рост знати и дифференциация в германском обществе привели к увеличению численности банд варваров, грабивших римские территории. Однако, уже с середины III в., как указывает В.Н. Дряхлов, в набегах начинает принимать участие и масса простых общинников⁴. Начинается открытое переселение на пограничные имперские земли. Со временем крупные племенные союзы стали выставлять большие армии даже по сравнению с римскими. Например, в битве при Аргенторате в 357 г. участвовало 35 тыс. аламаннов.

Вооружение германцев, совершив эволюцию под влиянием римских образцов, к IV в. не уступало римскому в качестве и степени обеспечения им воинов. Безусловно, боевой техникой варвары не обладали и разнообразием образцов похвастаться не могли, но в условиях партизанской войны и лесистой местности это им не было необходимо. Римляне же во многом утратили профессиональную тяжелую пехоту и не смогли организовать собственную эффективную конницу; им приходилось надеяться на те же отряды федератов, которые прибывали не всегда вовремя и могли вообще сохранять нейтралитет. Породы скота у германцев существенно улучшились за века контактов с Римом, вследствие чего их конница превратилась в основной род войск, намного превосходящий своего римского оппонента в профессионализме и мобильности при паритете в качестве оружия и коней.

Об остальных родах войск следует сказать, что устойчивость и слабая уязвимость римской пехоты при наличии грамотного командования по-прежнему гарантировала римлянам победу над численно превосходящими силами варваров. Германцы могли рассчитывать на победу над римскими legionерами только за счет лучшего ориентирования на местности и в случае грубых ошибок римских военачальников. При решительном и постоянном контроле за дисциплиной римская армия превращалась в совокупность отрядов, каждый из которых профессионально владел определенным видом оружия и был ориентирован на выполнение своих специфических задач на поле боя. Несмотря на общий невысокий

---

⁴ Дряхлов В.Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. 1987. № 2. С. 161.

уровень конницы, в результате попыток создания тяжелой кавалерии на Востоке для противостояния персам, в имперской армии появились клибанарии, о которых Аммиан Марцеллин пишет (Amm. XVI.12.22, пер. Ю.В. Кулаковского): "...конный боец, как бы ни был он ловок, в схватке с нашим клибанарием, держа узду и щит в одной руке и копьё на весу в другой, не может причинить вреда нашему закованному в железо воину...". Еще при Аврелиане были созданы отдельные от пехоты отряды легионарной кавалерии, получившие известную самостоятельность в боевых действиях. Наметившаяся тенденция постепенной замены тяжеловооруженных пехотинцев легковооруженными войсками и кавалерией привела во второй половине III в. к созданию целой конной армии. Ядром этой кавалерии были элитные силы легковооруженных всадников из Далмации, чья воинская доблесть единодушно прославлялась поздними писателями⁵. Однако уже к середине века все крупные кавалерийские части оказались сконцентрированы против Сасанидов, лишь изредка участвуя в действиях против сарматов на Балканах.

Нечастое внимание императоров к германской проблеме на Рейне и среднем Дунае заставляло каждый поход проводить с максимальным количеством войск, которые можно было собрать в приграничных провинциях. Карательные меры проводились крайне жестоко, но только в случае невозможности привлечь варваров на службу или заключить мирное соглашение. Большую же часть времени римляне оборонялись в крепостях по укрепленным линиям. Это обстоятельство, а также крайне невысокие оборонительные способности германцев (сражаться приходилось только за награбленное) определяли тактику варваров. Они вели войну на имперской территории мелкими отрядами, избегая крупных столкновений, и наносили удары по любым недостаточно защищенным целям. В случае приближения значительных римских сил они отходили на свою территорию. При вторжении римлян в их земли германцы применяли тактику "выжженной земли" либо немедленно вступали в переговоры. Договоренности выполняли только до тех пор, пока варвары могли себе позволить обходиться без грабежа.

Важным обстоятельством было то, что Империя могла не опасаться грозных последствий разорения приграничных областей и баз — Египет и другие житницы государства могли снабдить войска провиантом. Германцы же в случае сожжения своих деревень и полей стояли перед реальной угрозой голода и падежа скота, что неминуемо бы привело к утрате боеспособности и возможной гибели. Более того, снабжение по великолепным римским дорогам не представляло особого труда, в то время как германцы, даже если бы они располагали запасами провианта в тылу, не смогли бы оперативно доставить его к месту боевых действий. Отсюда рейдерская тактика и кратковременность походов, заинтересованность в успешной доставке на родину награбленного скота и продовольствия.

⁵ Лазарев С.А. Указ. соч.

Римляне, наоборот, в своих массированных операциях сильно зависели от снабжения, от состояния транспорта. При затруднениях они предпочитали отступить даже в самой победоносной кампании. Если на этот шаг не решался сам полководец, его требовала армия, подобно тому, как это произошло с императором Юлианом в 358 г. Это обуславливало невозможность оперативно закрепиться в захваченной местности, каждый раз требовалась долговременная программа постройки инфраструктуры, налаживания регулярных связей с цивилизованными регионами Империи. При эпизодических походах это было, естественно, невозможно, поэтому большинство императоров предпочитали не основывать новые провинции и города, а отдавать спорные земли германцам за обязательство воевать на римской стороне. Слой федератов был более выгоден, нежели освоение труднодоступных местностей Центральной Европы, даже если они оказывались богатыми полезными ископаемыми, как, например, интенсивно разрабатываемые римлянами во II в. серебряные рудники на реке Липпе⁶.

На всех ТВД римляне находились в постоянной стратегической обороне, совершая изредка локальные карательные походы вглубь варварской территории, что позволяло на несколько лет обеспечить покой на отдельном участке границы и пополнить ряды варварских контингентов в самой римской армии. Германцы же, наоборот, полностью владели наступательной инициативой, существенно расширив область действий и создав легкую кавалерию, которая намного превосходила римскую по мобильности и тактической грамотности. Любая пассивная оборона требует от обороняющегося значительного превосходства в силах по сравнению с владеющим инициативой соперником. Такого превосходства на всем протяжении обороняемых рубежей римляне создать никогда не могли.

Причины последовательно оборонительной политики нуждаются в некотором объяснении. Император Адриан и его преемники подарили Риму несколько десятилетий мира и процветания, но именно поэтому сразу после “золотого века” возникли трудноразрешимые внешнеполитические проблемы на всех фронтах. Перестав расширяться на “полном ходу” (успехи Домициана и Траяна), Империя предоставила своим врагам передышку и возможность перенять опыт победителей. Германцы воспользовались ею и последующим кризисом, вероятно, более всех, развив свое сельское хозяйство, создав новые крупные объединения, наладив союзнические связи друг с другом, собрав сведения о римской тактике, модифицировав свои вооруженные отряды. Они ждали проявления слабости Империи, и оно последовало после заключения Коммодом мира в 180/81 г.

С другой стороны, вполне закономерен вопрос о целесообразности завоевания Центральной Германии, Месопотамии, севера Британии и некоторых других пограничных регионов. Удерживать их было необычайно тяжело, освоение требо-

---

⁶ *Schunberger H. The Roman Frontier in Germany: an Archeological Survey // JRS. 1969. Vol. 59. P. 167.*

вало (не считая Месопотамии) огромных ресурсов и новых сельскохозяйственных приемов, так как надо было приспособляться к другому климату, отличному от средиземноморского. Опыт освоения одного такого региона имелся — Дакия. Напомним, что Овидий, сосланный в причерноморские Томы, называл их “суровым севером”. Что уж говорить о гористой центральной Дакии — она, вероятно, воспринималась еще более остро. Даки были цивилизованнее германцев, и некоторая их часть относительно успешно романизировалась, но Аврелиан оставил огромную Дакию, “отчаявшись в возможности удержать ее” (SHA. *Aurel.* 39.7), так как эта провинция с трех сторон была окружена варварами. Впоследствии поиск более легких путей и более удобных рубежей дорого дался Риму. Кроме того, после эдикта Каракаллы часть варварского населения должна была получить гражданство, а, учитывая разницу в социально-экономическом развитии, это было довольно затруднительно. Войти на равных эти территории в Империю попросту не могли. Огромное преобладание неиталийского населения заставляло задуматься, скорее, о более эффективном контроле над уже завоеванным, нежели о новых завоеваниях. Со временем эта проблема ничуть не ослабла, а стала еще острее ввиду вырождения и пассивности основного народа Импери.

С учетом всех этих соображений стратегическая оборона представляется вполне оправданной, хотя и неэффективной. Германцы же, испытав положительное воздействие достижений римской экономики и культуры, по-видимому, столкнулись через некоторое время с демографическим взрывом, который быстро поглотил все резервы и создал относительное перенаселение на занимаемых ими землях⁷. Соседние племена — славяне и сарматы были примерно в том же положении и даже в случае покорения не могли дать германцам избыток освоенной плодородной земли. Поэтому им оставалось только нападать на Рим и делать это непрерывно, чтобы набегами как-то урегулировать соотношение населения и получаемого урожая. Когда же подпитываемое грабежами хозяйство вновь оказалось неспособно прокормить растущее население, началось переселение, которое после разгрома готов гуннами приняло катастрофический характер⁸.

Помимо прямой конфронтации, всегда есть возможность попробовать добиться своего дипломатическим путем. Его первым глобально применил Марк Аврелий, создав на Дунайском ТВД слой федератов, которые призваны были остановить германскую агрессию германскими же руками. Возможно, он основывался на примере батавов, которые со времен Августа успешно сотрудничали с Римом на нижнем Рейне. Критиковать эту политику затруднительно, так как федераты, получив желаемое — землю, вполне лояльно вели себя по отношению к Империю и сражались против своих соплеменников порою лучше самих рим-

⁷ *Randsborg K.* Barbarians, Classical Antiquity and the Rise of Western Europe: an Archeological Essay // PP. 1992. Vol 137. P. 23.

⁸ *Heather P.* The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // The English Historical Review. 1995. Vol. 110. № 435. P. 41.

лян. Многие племена за два столетия пополнили ряды федератов, после побед Юлиана из числа наиболее грозных противников Рима выбыли аламанны и франки, получив Декуматские поля и Тоскандрию, то есть уже освоенные римлянами плодородные земли в составе Империи. Свидетельств активного участия этих племен во вторжениях IV—V вв. нет. Таким образом, федераты решали многие проблемы, но обладали существенными недостатками, которые в итоге оказывались решающими. Во-первых, они также, как и римские войска, находились в стратегической обороне, что делало их обыкновенными имперскими гарнизонами на границе; во-вторых, они были слишком малочисленны, даже по сравнению с размещенными войсками, чтобы сдерживать набеги. В конце концов, они занимали земли, а их фонд, даже несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию III—IV вв., не был безграничным⁹. Ничего принципиально нового в деле сдерживания германцев федераты не несли. При вторжении огромного количества варваров они просто давали им дорогу, что было вполне оправдано в условиях отсутствия на Рейне и Дунае регулярной поддержки от императоров. По свидетельству Аммиана, германцы-федераты упорнее сражались по сравнению с разложившимися римскими частями. Он замечает по поводу командиров федератов: “все они были римляне, что в наше время случается не часто” (Амм. XXI.16.8). Чтобы маневрировать частями из федератов, их надо было зачислить на регулярную службу, а это было затруднительно. Империя и так с трудом содержала набранную стараниями Диоклетиана и Константина беспрецедентно большую армию. При этом одна из самых важных составляющих их реформ заключалась именно в создании армии “быстрого” реагирования, что указывает на остроту проблемы оперативной реакции на германские вторжения. В полевую армию отбирали лучших из лучших, что еще более обостряло кадровые проблемы в пограничных частях. На протяжении IV в. римскую армию терзали коррупция, дезертирство, кумовство чиновников, просто невнимание и нежелание императоров заниматься разрешением проблем на Рейне и Дунае. Издавались все более грозные декреты по борьбе с дезертирством и уклонением. При Валентиниане I дело дошло до введения сожжения заживо для пойманных дезертиров¹⁰. Впрочем, ужесточение мер ясно указывает на неэффективность предыдущих указов по вине исполнителей на местах.

После деятельных Диоклетиана и Константина, сумевших удержать основную территорию Империи и приостановить германский натиск, Констанций II с братьями прочно перешел к восточной политике и установлению единоличной власти, бросив западные и северные границы на произвол своих ставленников. Констанций активно воевал на Балканах и даже присвоил себе прозвище Сар-

---

⁹ Словарь античности / Пер. с нем. под ред. В.И. Кузицина. М., 1989. С. 374.

¹⁰ Лазарев С.А. Указ. соч.

матский, хотя воевал там не только и не столько с сарматами, сколько с готами и бастарнами. Окончательный перенос центра тяжести внешней политики на Восток имел определенный смысл, так как там теперь была столица и были свои тяжелые проблемы. У Империи было вообще слишком много врагов, среди которых германцы и персы занимали особое место. Противостояние государств, владеющих Малой Азией и владеющих Ираном, не затихало с I в. до н. э. до XVIII в. н. э. и так и не привело к определенному результату. Поэтому Империя нуждалась в перемирии хотя бы на одном из важнейших направлений и во внутреннем спокойствии. Констанций II предпочел помириться с германцами и пытался это сделать в 353–354 гг., предлагая мир аламаннам, даже не переходя за Рейн. Они согласились, но, так как земли по договору не предоставлялись, через год возобновили свои набеги. Прочного мира не было, возможности начать большую войну против Сасанидов — тоже. Она появилась после победы при Аргенторате в 357 г., и Констанций немедленно ею воспользовался, но из-за мятежа Юлиана не смог ее завершить. Сам Юлиан, установив мир на Западе, был недалек от великого триумфа, но неожиданно погиб. На предложение воевать с готами в 362 году Юлиан ответил, что имеет лучших врагов — персов¹¹. С ним было согласно большинство императоров. С Юлианом погиб и мир с германцами. Уже Валентиниан I вынужден был вести затяжную войну против аламаннов и бургундов, а после победы над ними совершил марш, чтобы усмирить на среднем Дунае квадов. Там он вскоре скончался. Валентиниан I являлся исключением в ряду императоров, так как он предпочитал западное направление восточному¹². Уже Валент столкнулся с переселением готов и при Адрианополе погубил лучшие части с востока Империи. После Феодосия ввиду невозможности одновременно оборонять Запад и Восток Империя была разделена. К 401 г. Италия уже была накануне первой готской попытки взять Рим.

Явное превосходство в людских и экономических ресурсах теряло смысл при отсутствии надежных связей между проблемными регионами и императором. Подобно этому в Первой Мировой войне в течение 1914 — начале 1916 г. Антанты, имея подавляющее превосходство в ресурсах и количестве мобилизованных солдат, не могла вести успешную войну против Германии и Австро-Венгрии, а затем и Турции с Болгарией. Грубые стратегические ошибки командования стран Антанты и более выгодное географическое положение Центральных держав от-

¹¹ *Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B. C. to 378 A. D. // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 21.*

¹² *Ibid. P. 22.*

носителем друг друга позволили Германии несколько раз поставить своих врагов на грань сокрушительного поражения.

Возвращаясь к поздней Империи, ситуацию можно резюмировать так: армия не могла справиться без изменения стратегии действий против германцев, а изменить ее правительство Империи не смогло. Сначала было выбрано другое направление политики, а затем просто не было возможности — не было боеспособной армии, не было рекрутов, не было денег, чтобы платить войскам, не было земель, чтобы предложить их новым германским племенам за службу. Характерной чертой всей позднеримской военной организации являлось стремление сражаться против врагов Римской империи их же оружием. Такое копирование вражеского образа действий далеко не всегда было оправдано и зачастую приводило римлян к тяжелым поражениям. Таким образом, римляне добровольно утратили инициативу не только в стратегии, но и в поиске новых приемов использования имеющихся и создания принципиально новых войск. Они постоянно сталкивались с новыми трудностями из-за активности стремительно меняющихся и прогрессирующих варваров. Можно согласиться с С.А. Лазаревым, который высоко оценил энергию и предприимчивость императоров поздней Империи¹³. Действительно, вплоть до распада в 395 г. целый ряд деятелей предпринял масштабные и смелые попытки частичными реформами, в первую очередь, в военно-административной сфере приостановить крушение Рима. Их ошибка заключалась, может быть, только в том, что они сделали это слишком поздно и по заимствованным образцам.

Таким образом, в течение IV столетия мощь Империи относительно германцев упала от состояния паритета и возможности наносить мощные контрудары при Константине до потери контроля за приграничной Галлией при Констанции II и, наконец, до распада на две части и нарушения связи Италии с другими регионами из-за контроля готов над Иллирией и Нориком к 401 году. Мощь и численность германцев непрерывно росла, несмотря на уход части их в федераты. Все новые и новые племена из глубины Центральной и Восточной Европы вливались в атакующие орды, быстро овладевая приемами борьбы против редуемых римских гарнизонов. Римская дипломатия зачастую оказывалась бессильна “разделять и властвовать”: с 370-х годов германцы проводили совместные антиримские походы на всех ТВД от нижнего Рейна до Черного моря. Огромные ресурсы, которыми располагала Империя, к концу IV в. оказались в распоряжении германцев, так как императоры уже не могли мобилизовать их и

---

¹³ Лазарев С.А. Указ. соч.

защитить от захвата германцами. Имевшийся к началу века проигрыш в стратегии из-за неудачной политики дополнился окончательным падением престижа Рима после битвы при Адрианополе и потерей всяких выгод от превосходства в уровне экономического развития.

Д. И. Суровенков (Москва)

Аурову Олегу Валентиновичу

К УТОЧНЕНИЮ БИОГРАФИИ ИСПАНСКОГО ХРОНИСТА ГИДАЦИЯ

Гидаций Лемикийский знаменит благодаря написанной им хронике, которая является продолжением всемирной хроники Блаженного Иеронима и в которой повествуется о событиях с 378 по 469 год. Историческая ценность этого сочинения не подлежит сомнению. Как совершенно справедливо утверждал Эдвард Томпсон, “если бы у нас не было хроники Гидация, то не было бы и истории Испании пятого века”¹. Фактически, все наше знание по истории рубежа античности и средневековья данного географического региона базируется на этом сочинении², и ни одно современное исследование по истории “заката” римской Испании и ранней истории вестготского королевства не может обойтись без ссылок на эту хронику³.

О жизни же самого хрониста мы располагаем весьма скудной информацией, и практически все, что нам известно, основывается на нескольких разрозненных упоминаниях, которые Гидаций включил в свою хронику⁴. Годы жизни этого автора можно определить лишь приблизительно. В погодной статье под 407 годом он говорит о себе, что был в то время *et infantulus et pupillus* (“маленьким мальчиком” [§ 40])⁵. На основании этого свидетельства можно сделать вывод, что Гидаций родился около 400 года. Местом его рождения был небольшой город Лемика в испанской провинции Галлеция, о чем он пишет в предисловии к своей хронике (*Praef.* § 1). О смерти Гидация ничего неизвестно: единственный

---

¹ Томпсон Э. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 122.

² В силу этого, вряд ли справедливо мнение Дитриха Клауде, который считает, что после 469 года походы севов против испаноримлян прекратились и наступил мир (*Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002. С. 218). Походы севов, конечно, продолжались, просто 469 годом завершается хроника Гидация и “испанская история погружается во тьму до самого конца столетия” (*Томпсон Э.* Указ. соч. С. 123).

³ В отечественной историографии см.: *Корсунский А.Р.* Готская Испания. М., 1969. В этой монографии испанский хронист фигурирует под именем “Идасия”. Отметим, что вплоть до настоящего времени в нашей науке так и не сложилось устоявшейся традиции для передачи имени этого автора. В научных и справочных изданиях на русском языке можно встретить варианты и “Идаций” (см.: *Корсунский А.Р., Гюнтер Ф.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств. М., 1986), и “Гидаций” (*Сиротенко В.Т.* Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV–начале VI вв. Пермь, 1973. С. 109).

⁴ Следует констатировать, что это, к сожалению, типичная ситуация; так же мало мы знаем о жизни других хронистов V–VI веков: Проспера Аквитанского, Виктора Туннунского, Комита Марцеллина, Виктора Авентикского etc.

⁵ Здесь и далее ссылки на источник по изданию: *Hydatii Lemici Continuatio Croniconum Hieronymianorum // Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1961. P. 1–36.*

terminus post quem — 469 год, которым завершается его хроника. Таким образом, время жизни хрониста условно, но с большой долей вероятности определяется как 400—470 годы.

Из уже упомянутой погодной статьи под 407 годом известно, что Гидаций совершил поездку на Восток и лично видел самого Иеронима, а также епископов Иоанна Иерусалимского, Евлогия Кесарийского и Феофила Александрийского (§ 40)⁶. Время, когда Гидаций возвращается на родину, установить невозможно, но, по всей вероятности, это произошло после 410 года, и хронист не был непосредственным свидетелем вторжения в Испанию варварских племен аланов, вандалов и свевов (§ 42, 46—48)⁷.

Доподлинно известно, что в 431 году Гидаций находился в Испании и к этому времени уже был рукоположен епископом (§ 96). По ходу повествования своей хроники он шесть раз упоминает о событиях, непосредственным участником которых он был, при этом временной интервал между самым ранним и самым поздним из этих событий составляет 30 лет (431—461 годы). Эти годы, пожалуй, — самое драматичное время в истории римской Испании, когда еще только зарождались более или менее мирные отношения между вторгнувшимися сюда варварами и местным населением, время постоянных военных столкновений и грабительских набегов со стороны варваров. Те отрывочные сведения, которые Гидаций сообщает о себе, позволяют судить, что епископ принимал значительное участие в описанных им перипетиях этого времени.

В 431 году он возглавляет посольство, отправленное жителями Галлеции к дуксу Аэцию с просьбой о военной помощи против свевов после их очередного вражеского набега (§ 96); на следующей год он возвращается в Испанию вместе с комитом Цензорием (§ 98). Насколько можно судить, мирный договор, утвержденный между галлецийцами и свевами в 433 году, был заключен при непосредственном участии Гидация (§ 100). Спустя почти 30 лет, в 460 году, Гидаций, находясь в городе Аквафлавия, во время грабительского набега свевов был захвачен в плен (§ 201), в котором провел 3 месяца, с августа по ноябрь (§ 207).

Кроме того, есть данные и о его церковной деятельности: в 445 году он вместе с епископом Турибием обнаружил в городе Астурике нескольких манихеев; после проведенного расследования к епископу Антонию в Эмериту об этом ин-

⁶ В историографии утвердилось мнение, что эту поездку юный Гидаций совершил вместе с группой пилигримов. См.: Prosopography of Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. II. P. 575.

⁷ В хронике Гидация описание бедствий, которые обрушились на Испанию (§ 48), представляет собой литературной тоpos — отчетливо прослеживаются аллюзии на Ветхий завет (*Плач Иеремии*. 4:9,10).

циденте было отправлено сообщение (§ 130). И, наконец, Гидаций находил время и для литературных занятий, о чем, собственно, свидетельствует наличие написанной им хроники⁸.

Наиболее полная реконструкция жизненного пути этого испанского хрониста принадлежит перу Теодора Моммзена⁹. Он собрал максимально возможное количество данных о Гидации Лемикийском, и большинство его предположений и выводов относительно обстоятельств жизни Гидация не устарело и по сей день. Последующие исследователи, в том числе и те, которые относились к работе немецкого историка критически, тем не менее, в целом следовали предложенной Моммзеном реконструкции биографии хрониста¹⁰.

В настоящей статье мы рискнем выдвинуть предположение, прежде не высказывавшееся, о том, что Гидаций находился весной (или в начале лета) 457 года в городе Астурика в тот момент, когда этот город был захвачен и разграблен готами.

Приведем полностью реалистическое, со множеством деталей, и достаточно эмоциональное описание тех событий, которое содержится в хронике Гидация (§ 186):

Theudoricus adversis sibi nuntiis territus, mox post dies paschae, quod fuit V kal. Aprilis, de Emerita egreditur et Gallias repetens partem ex ea quam habebat multitudine variae nationis cum ducibus suis ad campos Gallaeciae dirigit: qui dolis et periuriis instructi, sicut eis fuerat imperatum, Asturicam, quam iam praedones ipsius sub specie Romanae ordinationis intraverant, mentientes ad Suevos qui remanserant iussam sibi expeditionem, ingrediuntur pace fucata solitae perfidiae. nec mora promiscui generis reperta illic caeditur multitudo, sanctae effringuntur ecclesiae, altaribus direptis et demolitis sacer omnibus ornatus et usus aufertur. *duo illic episcopi inventi* [выделено мной — Д.С.] cum omni clero abducuntur in captivitatem: invalidior promiscui sexus agitur miseranda captivitas; residuis et vacuis civitatis domibus datis incendio camporum loca vastantur. Palentina civitas simili quo Asturica per Gothos perit exitio. unum Coviacense castrum tricesimo de Asturica milliaro a

---

⁸ Исследователи, изучавшие сочинение Гидация, высказывали предположения о поэтапном написании этой хроники: Томпсон Э. Указ. соч. С. 252. Прим. 10.

⁹ *Chronica minora*. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1961. P. 1–36.

¹⁰ Courtois C. Auteurs et scribes: remarques sur la chronique d'Hydace // Byzantion. 1951. XXI. P. 23–54; Torres C.R. Hidacio, el primer cronista espanol // Revista de archivos, bibliotecas, y museos. 1956. LXII. P. 755–756; Томпсон Э. Указ. соч. С. 124–136. См. также предисловия к переводам хроники Гидация на французский и английский языки: Tranoy A. Hydace: Chronique. Paris, 1974; Burgess R. The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana. Oxford, 1993.

Gothis diutino certamine fatigatum auxilio dei hostibus et obsistit et praevalet: quam plurimis ex eorum manu interfectis reliqui revertuntur ad Gallias.

“Теодорих, напуганный враждебными для него известиями, вскоре после пасхи, которая была [в тот год] за пять дней до апрельских календ, покинул Эмериту и, вернувшись в Галлии, часть из того множества разных племен, которым владел, вывел вместе с двумя дуксами на поля Галлеции; те, обученные коварству и хитрости, как им и было приказано, солгав, что у них приказ совершить поход против оставшихся свевов, [заключив] мирный договор, приукрашенный привычным [им] коварством, вторглись в Астурику, куда уже вторгались враги под видом [посланных] по непосредственному приказу римлян. Немедля было перебито множество различных людей, находившихся там; были осквернены святые церкви: были повалены и разрушены алтари, во всех [храмах] были похищены все священные украшения и предметы. Были уведены в плен вместе со всем клиром два епископа, найденных там. [Готы], не разбирая, всех, и мужчин, и женщин, обрекли на трагичный плен; после того, как не разрушенные и пустые дома были преданы огню, были опустошены прилегающие сельские местности. Город Палетина был уничтожен готами так же, как и Астурика. Одна только Ковиакенская крепость в 30 милях от Астурики, измученная готами в долгом сражении, с божьей помощью противостояла врагам и пересилила [их]; после того, как большинство из их войска было убито, оставшиеся вернулись в Галлии”.

По нашему мнению, одним из двух найденных в Астурике епископов был как раз Гидаций. Во-первых, в его хронике уже однажды фигурировали два епископа, совместно участвовавшие в событиях, происходивших в этом городе. В 445 году Гидаций вместе с епископом Турибием проводил в Астурике расследование по делу об обнаруженных там манихеях (§ 130).

Во-вторых, следует обратить внимание на замечание Гидация о том, что в Астурику уже вторгались враги (вероятно, из числа варваров) под видом союзников, посланных по приказу римлян. В целом, для Гидация, рассказывающего в своей хронике о событиях строго хронологически и последовательно (часто прерывая описания одних событий сообщениями о других), подобная оговорка не является свойственной. Ее можно объяснить тем, что если Гидаций действительно присутствовал при этом захвате Астурики готами, то в данном замечании он говорит о более ранних событиях, свидетелем которых он не был.

Можно было бы спросить, почему, если Гидаций был непосредственным участником этих событий, он не называет себя по имени. Это действительно серь-

езное возражение против нашей гипотезы. Однако на это можно привести контрвозражение, что в его хронике уже однажды встречалось замечание о событиях, в которых Гидаций участвовал, но себя он при этом не назвал. Так, Гидаций сообщает, что в 433 году после возвращения к императорскому двору комита Цензория, который годом ранее был отправлен для переговоров к свевам, свевский король Гермерих заключил мир с жителями Галлеции *sub interventu episcopali* (“при посредничестве епископа” [§ 100]). Какой именно епископ был посредником в этих переговорах, в данном случае не сообщается, однако из контекста описаний событий ясно следует, что этим епископом мог быть только Гидаций. Ведь именно с Цензорием Гидаций возвращается из Галлии в Испанию, по всей видимости, с тем же поручением, то есть провести мирные переговоры со свевами (§ 98).

Кроме того, совершенно справедливо можно было бы спросить, почему хронист *вообще* не называет имен епископов, плененных готами в Астурики. Объяснить это обстоятельство простым незнанием невозможно: Астурика — один из самых крупных городов Галлеции, и Гидаций наверняка должен был знать, кто из епископов там находился. Помимо этого, когда речь в хронике идет о схожих событиях, в которых пострадал какой-либо крупный представитель церкви, то Гидаций всегда сообщает имя этого человека¹¹.

На наш взгляд, наиболее логичным объяснением может быть только то, что Гидаций действительно находился в Астурике и был захвачен в плен готами, но по каким-то причинам не захотел (или не решился) назвать самого себя по имени.

Если принять нашу гипотезу, то это позволит не только внести немаловажный штрих в биографию испанского хрониста (что само по себе имеет большое значение), но и по-новому взглянуть на принципы историописания Гидация¹², его взгляды на историю¹³ и даже на его мировоззрение.

В частности, на наш взгляд, требует уточнения позиция, которую занимает Гидаций по отношению к различным варварским народам. Исследователи уже отмечали, что, хотя испанский хронист остро порицает свевов и всякий раз подчеркивает их вероломство¹⁴, его оценки гутов гораздо более сдержанные¹⁵.

---

¹¹ См., напр., сообщение о гибели епископа Льва, убитого багаудами в Тиассоне (§ 141).

¹² Возможно, в его хронике еще присутствуют описания событий, в которых сам Гидаций принял участие, но посчитал ненужным сообщать об этом. С другой стороны, можно под новым углом зрения рассмотреть те случаи, когда хронист как раз сообщает о своем участии в событиях.

¹³ Описание разорения, которое причинили готы Астурики в 433 году, очень напоминает описание того, как был разорен готским королем Теодорихом город Бракара в ноябре 456 года; причем это разорение хронист считает “божьим гневом” (*coelestis ira*) и уподобляет разорению Иерусалима (§ 174).

¹⁴ См.: §§ 91, 96, 134, 168, 170, 172, 188, 190, 193, 199, 208, 219, 229, 240, 246 etc.

Обычно это объясняется тем, что Гидаций лично пострадал от свевов, проведя у них в плену три месяца (§ 201, 207). Однако в свете высказанной нами гипотезы подобное объяснение уже кажется слишком прямолинейным, поверхностным и явно недостаточным.

Впрочем, все эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи и требуют специального исследования.

---

¹⁵ Томпсон Э. Указ. соч. С. 126. См. также: *Giunta F. Idazio ed i barbari // Anuario de estudios medievales*. 1964. I. P. 491–494.

Гатиллов Р.А. (Казань)

ВИКТОР ИЗ ВИТЫ: ЕПИСКОП ИЛИ ИСТОРИК?

О жизни Виктора из Виты известно очень немного. Так, возможно, в 455 г. он входил в состав карфагенского духовенства¹. Не исключено также и то, что в какой-то период времени с 455 по 484 годы он оказался в окружении главы африканской церкви епископа Евгения. А около 483–484 годов он, судя по всему, входил в число представителей африканского духовенства и сторонников ортодоксальной церкви, отправленных в изгнание королем вандалов Гунерихом и, видимо, там он также находился при Евгении. В силу этого обстоятельства Виктор является одним из немногих историков того времени, кто был не только современником, но и очевидцем многих событий времен вандальского владычества в Северной Африке. Относительно его сочинения Г.-И. Диснер отмечает, что если бы не Виктор, то история Северной Африки конца V века была бы “почти белой страницей”; исследователь подчеркивает также его особый вклад в агиографию².

Сочинение Виктора “История разорения Африканской провинции” было написано приблизительно в конце 80-х — начале 90-х годов пятого века. В пользу этого говорит сам текст труда. Виктор в самом начале первой книги своей “Истории” говорит, что “ныне шестидесятый год как вандалы прибыли в Африку”, и это свидетельствует в пользу того, что написание своей “Истории” он начал не ранее 488 или 489 годов. Сколько ему понадобилось времени для ее завершения — вопрос более сложный; вполне вероятно, что заканчивал он свою работу уже в начале 90-х годов пятого столетия. При этом нужно отметить, что работа Виктора над “Историей” проходила в условиях сохранявшегося вандальского владычества в Северной Африке, которое он вряд ли признавал легитимным. Максимум, на что могли рассчитывать вандалы с его стороны — это на признание их государства как факта, но не более того. И соответственно это несколько ограничивало Виктора в возможностях критики их самих в целом и их государства в частности.

Но кем же был Виктор из Виты в большей степени — епископом или же историком? Попробуем разобраться в этом на основании текста его сочинения.

Для осуществления этой задачи необходимо “отбросить” общий эмоциональный контекст сочинения и обратиться к тем моментам, где автор говорит о тех или иных исторических событиях, а также к религиозным аспектам в его сочинении. При этом их необходимо анализировать с точки зрения возможного влияния эмоций автора на изложение им фактического материала. Итак, начиная свою

---

¹ См.: <http://www.sc.edu/Itantsoc/>

² Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение. СПб., 2003. С. 172.

первую книгу, Виктор из Виты приводит сведения о вторжении вандалов в Северную Африку. Здесь он говорит об их количестве, сообщает, откуда они пришли, и описывает путь их передвижения (*Hist.* I.1). То есть, начало сочинения вполне нейтрально, не отражающее ни эмоций, ни исповедуемой автором религиозной догматики и при этом вполне подходящее для человека, посвятившего себя описанию истории. Особо отметим, что приводимое им число — восемьдесят тысяч — общего количества переселившихся в Африку вандалов, включая воинов, женщин, детей, стариков и рабов, выглядит вполне реальным. Ведь любое варварское племя, способное захватить, а затем и удерживать довольно большую часть имперских земель, несомненно, должно быть довольно многочисленным. И именно благодаря этому сообщению можно говорить об объективности и беспристрастности Виктора из Виты.

Но здесь же, заканчивая главу, Виктор Витенский приводит цитату из Ветхого Завета (I. 1). Этим он как бы подытоживает все вышесказанное. Подобное положение дел само собой ставит определенные вопросы. И первый из них — это вопрос о том, что представляется автору сочинения наиболее важным: просто описать события, связанные с нашествием вандалов в Северную Африку и созданием ими своего государства, или же через историю вандальского вторжения и господства обратиться к религиозной проблематике?

Для выяснения этого необходимо обратиться к “Прологу”, которым Виктор предваряет основной текст своей “Истории”. В структуру пролога также внесена цитата из Ветхого Завета. Воздерживаясь от комментария самого текста “Пролога”, обратимся сразу же к небольшому фрагменту. Его перевод гласит: “в хвалении Господа душа моя; слушают кротко и радостно” (*Prologus.* 1). Подобные слова вряд ли попали сюда случайно. Учитывая то, что автором сочинения является христианский священнослужитель и епископ, можно предположить, что Виктор Витенский хотел подчеркнуть христианскую направленность своего сочинения. В пользу сказанного выше можно привести и другой факт. Писатель был епископом ортодоксальной церкви, а вандалы исповедовали христианство арианской ветви. Это, естественно, не могло не отразиться на отношении к ним Виктора. Более того, нельзя забывать, что, как указал Ш.-А. Жюльен, “благодаря святому Августину церковь, особенно в Африке, приобрела неоспоримый престиж и авторитет”³. Поэтому к приходу варваров-ариан церковь здесь уже была закалена в идеологической борьбе с распространенным в Северной Африке докетизмом.

Нельзя не отметить еще и то, что Виктор из Виты в своей “Истории” постоянно цитирует Библию. Так, например, в первой книге он делает это восемь раз. А это выглядит вполне значительной цифрой, учитывая, что в первой книге всего семнадцать глав, а сама книга не очень велика по объему.

³ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. М., 1960. Т. 1. С. 295.

Наконец, следует обратить внимание на то, на чем именно акцентирует свое внимание автор в своем сочинении. Так, перед описанием первоначальных действий вандалов в Северной Африке, он отмечает, что вандалы особенно злодейски свирепствовали в церквях, храмах и монастырях. И здесь же указывает на то, что эти места неприкосновенны и священны (I.1). Таким образом, несмотря на важные фактические сведения, сообщаемые Виктором из Виты о количестве прибывших в Африку вандалов, территории, которую они захватили (I.4), их политике по отношению к ортодоксальной церкви, наличии в Карфагене языческих храмов (II.3) и т. д., можно сделать следующий вывод. «История разорения Африканской провинции» не является сугубо историческим сочинением. Скорее, это произведение во многом преследует цели идеологической борьбы ортодоксальной церкви против арианской, а также имеет антивандальскую направленность (по крайней мере, в отношении их проарианской части).

И именно поэтому назвать Виктора из Виты историком можно лишь с уточнением, что это был христианский историк ортодоксальной церкви. И все же, несмотря на это, он в большей мере был епископом, нежели историком.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕОЛОГИЯ

Кисельников А.Б. (Саратов)

“СУДА ТАРШИША”

Страна Таршиш, неоднократно упоминаемая в Библии (*Иезек. 27.25; Исая. 23.6* и т. д.), и ее корабли, на которых доставлялось серебро, олово, железо и другие металлы в богатый финикийский город Тир, на протяжении долгого времени являлись предметом активного обсуждения. Сегодня большинство историков идентифицируют эту страну с Тартессом — исторической областью в районе Гвадалквивира на крайнем юго-западе Испании¹. Соглашаясь с такой идентификацией, не вызывает сомнений, что “суда Таршиша” получили свое название в результате дальних плаваний на запад. Некоторые историки, не оспаривая смысл данного термина (“суда Таршиша” или “флот Таршиша”), употребляемого в текстах Писания в связи с путешествиями в Таршиш или Офир, даже склонны видеть в библейских кораблях разные типы судов. В этой связи нас интересует следующий вопрос: скрывался ли под этим именем, какой-то определенный тип судна, задействованный в длительных морских предприятиях, или это было общее название судов, участвовавших в средиземноморской торговле с испанским Тартессом?

Мы достаточно хорошо знаем о том, что уже с эпохи поздней бронзы финикийские мореплаватели осваивают просторы Средиземного, Красного и Черного морей. Их дальние морские походы начались тогда, когда господство минойских и микенских купцов, главных конкурентов финикийцев в восточном Средиземноморье, было уничтожено дорийским нашествием. Свидетельством активной морской торговли в этот период явились раскопки у мыса Гелидония финикийского

---

¹ *Perez Rojas M.* El nombre de Tartessos // *Tartessos y sus problemas.* Barcelona, 1969. P. 370; *Шифман И.Ш.* Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 13; *Циркин Ю.Б.* От Ханаана до Кафагена. М., 2001. С. 153 и др.

торгового судна, затонувшего там около 1200 г. до н. э.² Анализ набора каменных гирь для весов, обнаруженного археологами, указывает на то, что экипаж корабля, длина которого составляла всего 10 м, а ширина 2 м, торговал с Египтом, Сирией, Палестиной, Троей, Хеттской империей, Критом³. Груз медных слитков и бронзовых орудий имел кипрское происхождение. Судно, по всей видимости, перевозило бронзовый лом, предназначенный для переплавки и изготовления новых орудий. Головки булавы, каменные ступы, остатки масляной лампы были палестинского типа. Печать торговца — сирийской. По предположению исследователей, это судно бронзового века пришло из Сирии на Кипр, где забрало груз металлического лома и отправилось в свой последний рейс на запад⁴.

Согласно письменным источникам, проникновение финикийцев за Геркулесовы столбы и основание колоний на юго-западе Испании происходит в XII в. до н. э. (Strab. Geogr. III.2.13; Ps.-Arist. *De mir. ausc.* 134; Plin. *Nat. hist.* XVI.216). По словам Веллея Патеркула (Vell. I. 2.4), Гадес был основан на восьмидесятом году после падения Трои⁵. Археологические данные не подтверждают столь раннего процесса колонизации Пиренейского полуострова. Находки типичной лощеной финикийской красноглиняной керамики прослеживаются на испанском побережье и в глубине страны с VIII в. до н.э.⁶ Принимая во внимание дискуссионность данной проблемы, заметим, что противники признания существования раннего этапа колонизации все-таки признают возможность финикийской торговой деятельности в этом регионе начиная с XII в. до н. э.

Богатство Тартесса, или Таршиша, которое так привлекало финикийцев, заключалось в добыче его полезных ископаемых и в первую очередь серебра, олова, свинца. С древнейших времен торговля оловом лежала в основе связей между югом полуострова и Североатлантическим регионом⁷. Лучшей гаванью для сбора и экспорта металлических руд Тартесса был Гадес. Вероятно, о такой ранней торговле финикийцев с этим далеким районом Западного Средиземноморья идет речь в Библии, когда упоминается сделка тирийского царя Хирама Великого с царем Израиля Соломоном (965—928 гг. до н. э.). “Корабли Таршиша”, согласно Писанию, доставляли к берегам Леванта золото, серебро, слоновую кость и другие ценные товары.

² Bass G.F. The Cape Gelidonya Wreck // *AJA*. 1961. Vol. 65. № 3. P. 267–276; Bass G.F. Geledonia. A bronze Age Shipwreck // *TAPS*. 1967. Vol. 57. № 8; Басс Дж. Подводная археология. М., 2002. С. 152, 156, 158.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 108.

⁶ Muhly J.D. Phoenicia and Phoinicians // *Biblical Archeology Today*. Jerusalem, 1985. P. 179–180; Wagner C.G. Los asentamientos y el comercio fenicio arcaico en Malaga // *Congreso de Historia Antigua en Malaga*. 2003. P. 58–60,64; Аррибас А. Иберы. М., 2004. С. 37. Харден Д. Финикийцы. М., 2004. С. 62,180; Aguayo De Hoyos P. Estructuras indigenas, comercio y comerciantes en la epoca de la colonizacion fenicia en Malaga // *Congreso de Historia Antigua en Malaga*. 2003. P. 77–79.

⁷ Аррибас А. Указ. соч. С. 38–39.

Обратимся к тексту источника. Из третьей Книги царств (9.26; 27) мы узнаем, что Соломон строит судно (или несколько судов?) в Ецион-Гавере (Эдом) и Хирам отправляет к нему “корабельщиков, знающих море” (9.27). Поскольку древние евреи имели смутное представление о море⁸, финикийцы не только сами строили корабль (или корабли), но и составляли его (их) экипажи. Если следовать логике, то постройка данных судов осуществлялась Соломоном специально для плавания в легендарную и сказочно богатую золотом страну Офир. Далее читаем: “отправились они в Офир и взяли оттуда (из Офира) золота четыреста двадцать талантов и привезли царю Соломону” (9.28). По всей видимости, в этом предприятии участвовали оба судна или группа судов, принадлежащих как Хираму, так и Соломону. В следующей главе сообщается уже только о “корабле Хирама”, который “привозил золото”, а в другой раз привез драгоценные камни и красное дерево из Офира (10.11). А что же с кораблем или кораблями, построенными Хирамом для царя Израиля? Серебро и золото, которое в изобилии имелось в “доме Соломона”, доставлялось, согласно Писанию, морем: “ибо у царя был на море корабль Таршиша с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил корабль Таршиша, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян и павлинов” (10.22). Стало быть, суда построенные в Ецион-Гавере совершали плавания за золотом и серебром к берегам Тартесса. Вряд ли стоит думать, что весь перечисленный груз доставлялся только ко двору Соломона, а финикийцам отводилась лишь роль поставщиков. Скорее всего, этот договор был выгоден обеим сторонам. Возможно, на рубеже XI–X веков происходит вытеснение греками финикийцев с Родоса (Athen. VIII.61)⁹. Этот остров являлся своего рода стратегическим плацдармом на пути к золотоносным рудникам Фасоса (Hdt. II.44; IV.47). Путь к Фасосу проходил через Родос, где, согласно Диодору, существовали финикийские поселения, основание которых он приписывает Кадму (Diod. V.58). Завоевание Родоса, вероятно, потребовало от тирийцев поиска альтернативный источник золота, каким и стал Офир. До сих пор местонахождение этой легендарной страны точно не определено. Ее искали и в Индии, и на Африканском побережье, и на Аравийском полуострове. В настоящее время большинство историков считают, что она располагалась, где-то в Южной Аравии¹⁰. Мы не беремся утверждать, какая из этих точек зрения справедлива, отметим лишь то обстоятельство, что драгоценный металл вывозился оттуда морским путем. Для перевозки золота из Офира строил суда и царь Иудеи Иосафат (III Книга царств. 22.48), правда, они затонули близ Ецион-Гавера. “Гребцы завели тебя в большие воды; восточный ветер разбил тебя среди морей” (Иезек. 27.26). В X в. под властью царей Израиля оказались не только территории

⁸ Schwarzenbach A. Die geographische Terminologie des Alten Testaments. Leiden, 1954. S. 1–2.

⁹ См.: Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 108.

¹⁰ Elat M. The Monarchy and Development of Trade in Ancient Israel // State and Temple Economy in Ancient Near East. Leuven, 1979. P. 533; Харден Д. Указ соч. С. 180.

Сирии, Иордании, Южной Палестины с выходом в Красное Море, но и важнейшие торговые пути. Вероятно, именно эти обстоятельства заставили царя Хирама пойти на союз сначала с Давидом, а затем и с его преемником царем Соломоном (там же. 5.6, 9—11). Открывая путь в Офир Хираму, Соломон, извлекал прибыль не только от финикийской торговли с югом. Судя по всему, договор предусматривал участие вновь построенных израильских кораблей в западной торговле со страной Таршиш (Тартесс). Нам ничего не известно ни о доле израильтян в торговле с Западом, ни о том, как часто их флот совершал рейсы к берегам Пиренейского полуострова. Думается, как первое, так и второе не оказывало существенного влияния на морскую торговлю финикийцев в целом. Они являлись монополистами, и допускать любых возможных конкурентов в столь прибыльное дело не имело смысла. Если верить Библии, один раз в три года суда Соломона могли включаться в состав финикийского флота направлявшегося в Испанию. Но это только догадки, не имеющие под собой никаких реальных свидетельств.

Таким образом, выражение “корабль Таршиша с кораблем Хирамовым” следует понимать как “суда, совершавшие плавания в Офир и Таршиш”. Никакого указания на конкретный тип корабля в данном тексте мы не находим. Речь идет только о направлении маршрутов торговли. Здесь вроде бы все понятно. Теперь, на основании имеющихся в нашем распоряжении письменных источников, исследований и данных, полученных в ходе археологических раскопок, попытаемся выяснить, какие же финикийские корабли с XII по VII вв. могли осуществлять перевозку грузов из стран богатых серебром, золотом и другими металлами. Для ответа на этот вопрос мы должны хорошо представлять себе, к какому историческому периоду относятся события, описываемые в Библии и упоминаемые в связи с ними “суда Таршиша”.

Самые ранние изображения финикийских судов, дошедшие до нас, мы можем видеть на ассирийских барельефах VIII в. до н. э. из Ниневии (рис. 1), Хорсабада (рис. 2) и на рисунке из гробницы одного египетского вельможи (рис. 3). На первом из них запечатлен момент бегства на Кипр преследуемого ассирийским царем Синаххерибом правителя Тира и Сидона царя Лули (Элулая, 722—705 гг. до н. э.). На втором — транспортировка знаменитого ливанского кедра. Между описываемыми в Библии событиями и временем создания этих исторических памятников прошло около двухсот лет. Принимая во внимание консерватизм древних кораблестроителей, будем считать, что финикийские суда к восьмому веку изменились незначительно.

В тексте третьей Книги Царств (9.27; 22.48) “корабельщики, знающие море” и “слуги на кораблях” (очевидно, гребцы), упоминаются как непосредственные участники действия. В Пророчестве Иезекииля о Тире, относящемся к пя-

тому веку¹¹, но содержащему сведения о торговых партнерах финикийцев с конца девятого века¹², корабельщики, гребцы, скамьи, весла (27.6, 8, 29) и паруса (27.7) “кораблей Таршиша” уже звучат как слова-символы, посредством которых автор пытается передать все то, что составляло величие и богатство Тира. Из вышеперечисленного очень трудно сделать вывод, о каких судах идет речь. Судя по имеющимся изображениям, корабли “из Хорсабада” (рис. 2) хотя и были вооружены веслами и мачтой для постановки паруса, все же, скорее, напоминали легкие ладьи, осуществлявшие перевозку грузов вдоль прибрежной полосы, чем морские торговые суда, способные совершить длительный переход от Ливии к берегам Испании. Для этой цели больше подходят суда изображенные на барельефе из Ниневии (рис. 1). Их можно классифицировать как военные корабли с тараном и “круглые” грузовые корабли без тарана. На рисунке видно, что боевые корабли могли идти под парусом и на веслах, у них была высокая корма и одно рулевое весло. На грузовых судах имеется также верхняя палуба и два ряда весел. Но, в отличие от военных кораблей, у них не было мачты, а их нос и корма симметрично приподняты. Два рулевых весла, которые просматриваются на рисунке, очевидно, могли устанавливаться как на носу, так и на корме.

Д. Харден считает, что “корабли Таршиша”, ходившие далеко на запад или в страну Офир, были подобны военным кораблям с ассирийского барельефа. “Они, безусловно, должны были быть оснащены оружием и иметь скорость большую, чем обычные торговые суда”¹³.

На первый взгляд, такое предположение может показаться странным. Хорошо известно, что от судов, предназначенных для перевозки грузов, в первую очередь, требовалась повышенная остойчивость и грузместимость, а не высокая скорость. Во всяком случае, в десятом веке финикийским купцам, которые вели торговлю в Западном Средиземноморье, торопиться было некуда. Их будущие конкуренты — греки — только начинали осваивать побережье Малой Азии. Большое количество вооруженных людей на борту, пусть даже гребцов, уменьшало полезное пространство судна, которое можно использовать для размещения грузов. При взаимовыгодных и развивающихся торговых отношениях, когда суда, пусть даже одной из сторон, совершают регулярные рейсы, мы, без сомнения, отдадим предпочтение торговым кораблям. Так имеет ли смысл рассматривать военные многовесельные корабли, о которых говорит Д. Харден, как возможных участников “Тирийско-Таршишской” торговли? История взаимоотношений между финикийцами и народом, заселявшим территорию юго-запада

¹¹ Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987. С. 42.

¹² Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 150.

¹³ Харден Д. Указ соч. С. 193.

Испании, в некоторой степени позволяет представить нам характер этой торговли и задействованные в ней суда вплоть до конца девятого века.

Из письменных источников мы узнаем, что эти отношения складывались достаточно сложно с самого начала. О двух безуспешных попытках основать Гадес и закрепиться на побережье Пиренейского полуострова сообщает Страбон (V.5). Видимо, местное население встретило будущих колонистов враждебно. В надежде добраться до испанского серебра финикийцы, по мнению И.Ш. Шифмана¹⁴ и А. Шултена¹⁵, были вынуждены основать колонию Ликс на африканском побережье за Геркулесовыми Столбами. Третья попытка оказалась более удачной, и вслед за основанием Гадеса на испанском берегу возникают колонии Утика и Карфаген на севере африканского континента. Еще одной опорной точкой становится Мотия на западе Сицилии. Эти ключевые города контролировали узкий проход из Центрального Средиземноморья к Гадесу. Здесь мы вновь сталкиваемся с дискуссионным вопросом о времени основания колоний. Не затрагивая всех точек зрения по данной проблеме, отметим только, что самая древняя финикийская надпись Западного Средиземноморья, найденная на юге Сардинии, относится к IX в. В ней идет речь о неудачной экспедиции в Таршиш некоего Шабона, который там и погиб, а его сын Милкйатон увел корабли в Сардинию¹⁶. Как видно из этого текста, в отношениях между финикийцами и иберами продолжает сохраняться напряженность. По мнению А. Аррибаса, в период между XII и VIII вв. до н. э. торговая деятельность финикийцев основывалась лишь на эпизодических контактах без создания колоний¹⁷. “Типы финикийских поселений подтверждают это предположение, так как они в большей степени временные и, судя по характеру, зависели от обмена легко портящимися товарами”, — заключает археолог¹⁸.

То, что мы узнаем из рассказа Диодора о вывозимом из Испании и Сицилии серебре, также нуждается в оценке. По словам античного автора, финикийцы, нагрузив свои суда доверху серебром, снимают свои обычные якоря и меняют их на серебряные (Diod. V.35). Если бы перевозка столь ценного груза осуществлялась регулярными рейсами, не было бы необходимости перегружать суда сверх меры, менять старые якоря на новые, рискуя их потерять. Это может говорить только о том, что экспедиции финикийцев были не часты и, не будучи уверенными во времени, а главное, в успехе очередного предприятия, свои суда моряки загружали максимально. Для таких полупиратских экспедиций военные корабли подходили идеально. Здесь, наверное, будет уместно вспомнить тот образ финикийского купца —

¹⁴ Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963. С. 23–25.

¹⁵ Schulten A. Tartessos. Hamburg, 1950. S. 34–35.

¹⁶ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 226.

¹⁷ Аррибас А. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 38.

Φοίνικες ναυσίκλυτοι ἤλυθον ἄνδρες,
τρῶκται

(“прибыли финикийские мужи, мошенники, славные своими кораблями”; или “хитрые гости морей” в переводе В.И. Жуковского [Hom. *Odys.* XV.415–16]), — который сложился со времен Гомера. Перед нами предстает в одном лице и торговец, и похититель людей. Жертвами финикийских пиратов стали и свинопас Евмей (*ibid.* XV.472–475), и дочь аргосского царя Ио (Hdt. I.1.5), и жрицы храмов (*ibid.* II.54).

В любом случае, как для обеспечения безопасности укрепленного поселения (Гадес [Гадир] — “укрепленное место”), вынужденного находиться во враждебном окружении, так и для совершения торговых сделок на недружественной территории, ради собственной же безопасности, требовалось присутствие военного флота или достаточное количество вооруженных людей на кораблях. Боевые суда раннего финикийского типа, представленные на барельефе из Ниневии, были шире и выше будущих триер и вполне могли взять на борт груз весом до 10 т. Доставляя в Таршиш “легко портящийся товар”, масло, безделушки (ἀθύρματα [Hom. *Odys.* XV.416]), ткани, изделия из слоновой кости, они грузились дорогим металлом и возвращались домой¹⁹.

Мы не знаем, в каком объеме поступало серебро и золото из Тартесса. Согласно тексту Библии (3-я книга царств. 9.28), из Офира ко двору царя Соломона на двух судах было доставлено 420 талантов золота, что составляет около 12,5 т. Разделив на два, получим по 6 т. на каждое судно. Вряд ли стоит доверять сообщению Писания о таком количестве привезенного золота. Скорее всего, эта цифра завышена, с целью усилить впечатление о богатстве и могуществе царя Израиля. Серебро Таршиша превосходило золото по объему перевозок, но на раннем этапе, учитывая нестабильность торговых отношений, эти объемы еще были не велики.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют предположить, что до конца IX в. перевозка драгоценных металлов — золота и серебра — вполне могла осуществляться военными судами.

Ко второй половине IX в. на Пиренеях складывается новое государственное образование — Тартессийская держава. Это потребовало от финикийцев более активных действий по выводу колоний на испанские территории. Очевидно, тартессийский царь Герион, правивший в начале VIII в., поддерживал с Тиром активные торговые отношения. Археологические находки в Эль-Асебучале, Кармоне, Сетефилье и Карамболо, указывают на то, что район Тартесса был

¹⁹ *Blazques J.M.* Tartessos y los origins de colonizacion fenicia. Salamanca, 1975. P. 44–45; Aguayo De Hoyos P. Op. cit. P. 70–71.

подвержен сильному восточному влиянию²⁰. В это время на побережье Испании возникает целая сеть финикийских поселений, которые концентрируются между реками Гвадалорсе и Гранде, что подтверждается находками там финикийской керамики VIII в.²¹ Относительно спокойная политическая ситуация на Пиренеях сохраняется до последней четверти восьмого столетия. Увеличение пришлого населения, занятого в добыче и торговле металлами, а также разработка месторождений свинца и олова приводят к росту объемов морских перевозок что, в свою очередь, требует привлечения большего количества судов и в первую очередь — торговых. Меняется и характер перевозимых грузов. Если во времена Хирама и Соломона это было серебро и золото, то в конце девятого века в Пророчестве Иезекииля среди товаров перечисляется серебро, олово, железо, свинец (27.22).

Изображение торгового финикийского судна VIII в. мы можем, видеть на рисунке из усыпальницы одного египетского вельможи (рис. 3). Это “круглый” торговый корабль с почти симметрично поднятыми носом и кормой. Вероятно, именно такой корабль греки называли γαῦλος — “финик” (Hdt. III.136, 137; Plut. *De tranquil. an.* 466 B; ἡ πλοῖον τι φορτηγὸν Φοινικικὸν, ἡ ἄκατος [Suda. s. v.]). Конструкция его корпуса напоминает конструкцию греческого судна IV в. до н. э., обнаруженного близ города Кирения на Кипре (длина — 14 м., ширина — 4 м., грузоподъемность до 15 т., см. рис. 4)²². Такие размеры судна и тоннаж не исключали возможность его использования в морской торговле между финикийскими колониями в Испании и Левантом. Однако, исходя из соображений экономической выгоды, время, затраченное на дальний переход, должно окупаться прибылью от продажи привезенного товара. Отсюда следует, что грузоместимость судов, отправляющихся за товаром в дальние рейсы, должна была быть больше.

В 1997 г. в 33 морских милях от береговой черты между Египтом и Сектором Газы на глубине 400 м. американскими и израильскими исследователями были обнаружены следы крушения двух судов²³. Работы, начавшиеся в 1999 г., дали следующие результаты. Сами корабли, предположительно, являлись финикийскими и осуществляли перевозку товаров на линии, соединяющей древний морской порт Ашкелон с Египтом и Карфагеном. Амфоры и керамическая посуда, составлявшие груз судов, были датированы VIII в. до н. э. (рис. 5).

Исследование мест кораблекрушения велось с помощью глубоководного аппарата, на котором были установлены фотокамеры, позволившие составить подробный план расположения груза на донной поверхности. По лежащим на дне

²⁰ *Aguayo De Hoyos P.* Op. cit. P. 71–73.

²¹ *Wagner C.G.* Op. cit. P. 37; Аррибас А. Указ. соч. С. 37 и др.

²² *Katzev M.L.* Lost Harbor for the Oldest Ship // NGM. 1974. P. 6–18; *Katzev M.L.* Resurrecting the Oldest Known Greek Ship // NGM. 1970. № 6. P. 857 и др.

²³ *Ballard R.D., Stager L.E., Master D.* Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon, Israel // AJA. 2002. Vol. 106. № 2. P. 151.

амфорам приблизительно удалось установить ширину и длину корпуса судов. Эти финикийские корабли чем-то напоминали “Кирению”, но были шире и имели более высокие борта. Скопление груза на месте крушения “Tanit” занимало на донной поверхности участок 4,5 м. в ширину и 11,5 м. в длину. Это позволило оценить полную ширину корпуса в 6,5 м., а длину — в 14 м. Участок “Elissa”, занимавший 5 м. в ширину и 12 м. в длину, дал приблизительные размеры судна в 7 м. и 14,5 м. соответственно. Грузоподъемность этих судов была свыше 25 т., т. е. больше, чем грузоподъемность “Кирении” (14 т.). Груз “Tanit”, состоял из 385 амфор, на борту “Elissa” их было 396. Исследователи подчеркивают, что, возможно, это был только верхний ряд, а остальная часть керамической тары находится ниже. Амфоры, в которых, очевидно, перевозилось вино, хорошо узнаваемые (рис. 5.5, 5.6). Это так называемые финикийские “торпеды”²⁴, которые, по мнению С. Гева и М. Вегаса²⁵ производились специально для транспортировки морем.

“Морские контейнеры” “Tanit” и “Elissa” вмещали 17,8 литров жидкости, а их размеры составляли в среднем 68,8 см. по высоте и 22,3 см. по ширине. Форма тулова амфор позволяла удобно разместить их в трюме судна, а небольшие ручки, совсем неудобные при переноске по суше, позволяли располагать амфоры достаточно близко друг к другу и служили своего рода рымом²⁶ для сцепки груза веревками. Такая операция была необходима, поскольку смещение груза во время качки могло привести к потере остойчивости судна и крушению. В IX и VIII вв. эти амфоры получают распространение на территории Леванта и североафриканских колоний (рис. 8). Не исключено, что суда, подобные “Tanit” и “Elissa”, заходили и в Тартесс.

Обнаруженный на борту судна “Elissa” красноглиняный кувшин с “грибовидным горлышком” (рис. 5.1) идентичен керамике VIII в., встречающейся в Эр-Ретабехе (рис. 7) и близок по стилю кувшину, найденному в Торре-дель-Мар (Малага [рис. 6]). Если присмотреться внимательно к египетскому рисунку (рис. 3), можно заметить, что между штевнями кораблей изображен сосуд, очень похожий на один из таких кувшинов, “которые являлись “визитной карточкой” финикийцев от Леванта до Геркулесовых Столбов”²⁷.

По мнению Р. Балларда, корабли, обнаруженные близ Ашкелона, напоминают грузовые суда “из Ниневии” (рис. 1). Такие же высокие борта, широкий

²⁴ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 160.

²⁵ Vegas. M. Eine archaische Keramikfüllung aus einem Haus am Kardo XIII in Karthago // Römische Mitteilungen. 1999. №. 106. S. 395–438; Geva. S. “Archaeological Evidence for the Trade between Israel and Tyre?” // BASOR. 1982. №. 248. P. 69–72 (Цит. по: Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 159).

²⁶ Металлическое кольцо, которое в зависимости от места крепления служит для удобства транспортировки грузов, такелажных работ, швартовки и т. д.

²⁷ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 163.

корпус и достаточно большая грузместимость. “Возможно, такие суда в восьмом веке были известны как “суда Таршиша”, — заключает археолог²⁸.

Интересно, что Д. Харден и Р. Баллард, ссылаясь на один и тот же барельеф, подразумевают под названием “суда Таршиша” разные корабли. Это противоречие может иметь место лишь в том случае, когда мы рассматриваем сразу оба типа судов в какой-то отдельно взятый исторический отрезок времени.

“Суда Таршиша” совершали свои плавания к берегам Испании на протяжении столетий. Происходившие в период между XII и VII веками изменения в политической и экономической жизни всего Средиземноморья не могли не отразиться на характере морской торговли. У каждой исторической эпохи есть свои отличительные черты, свой качественный уровень развития экономики, где морская торговля и флот выступают в роли “лакмусовой бумажки”. Поэтому если мы говорим о периоде предколонизации (XII—IX вв.)²⁹, когда торговые отношения между Тиром и Тартесом носили спорадический, а зачастую немирный характер, нет ничего удивительного в том, что серебро и золото как главный источник богатства Тира того времени доставлялось в Левант военными кораблями. В IX в. ситуация становится иной. Это время финикийской талассократии. В Западном Средиземноморье возникает целая сеть новых колоний, основанных преимущественно выходцами из Тира. Железный век диктует свои условия, меняются приоритеты. Железо, свинец, олово, становятся товаром номер один. Разрабатываются новые месторождения металлов. Морская торговля финикийской державы выходит на новый уровень. Растут объемы перевозок и интенсивность морского судоходства, что в конечном итоге приводит к появлению значительного количества торговых судов, занятых в транспортировке различных товаров из колоний и метрополии.

Отсюда можно сделать вывод о том, что библейское выражение “суда Таршиша” дает указание на те корабли, которые осуществляли перевозку грузов из Испании в Левант на протяжении XII—VIII вв. Для более точного определения типа судов, участвующих в торговле Тира с Тартессом, необходимо представлять, о каком конкретно историческом периоде идет речь в Писании. Таким образом, если мы рассматриваем возможные типы “судов Таршиша” с учетом политической и экономической ситуации в Средиземноморье, а также принимаем во внимание уровень развития морской торговли, характер и количество перевозимого груза в эпоху бронзы и железного века, кажущееся несоответствие в предположении Д. Хардена и Р. Балларда устраняется.

²⁸ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 166.

²⁹ Wagner C.G. Fenicios y cartagineses en la Peninsula Iberica. Madrid, 1983. P. 9–14; Цуркин Ю.Б. Указ. соч. С. 116 и др.

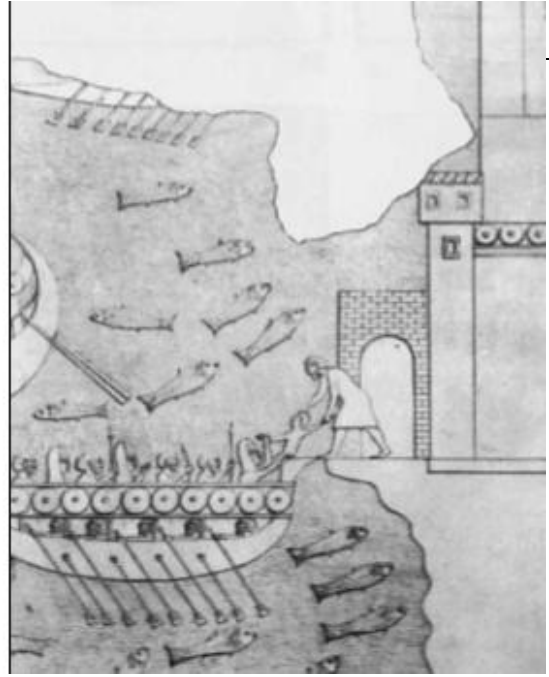

Рис. 1. Фрагмент барельеф Ниневии. Из: *Harden D. Le Grandi Civiltà alla scoperta del passato. P. 37–38.*

Рис. 2. Фрагмент барельеф из Хорсабада. Из: *Harden D. Ibidem.*

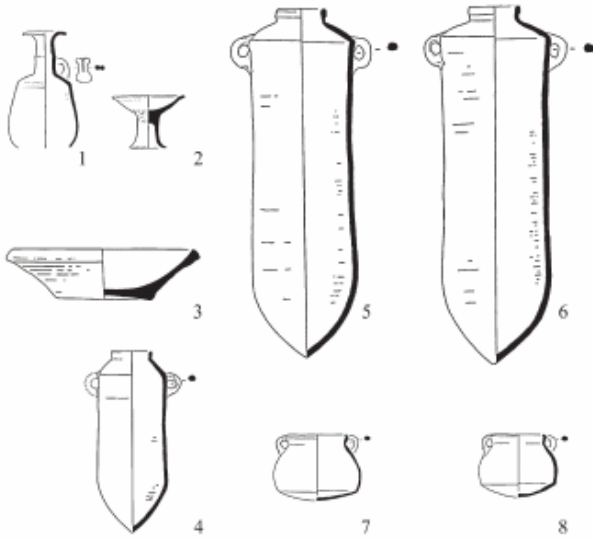
Рис. 3. Рисунок из египетской гробницы.

Рис. 4. Копия древнегреческого торгового судна, затонувшего 2300 лет назад близ Кирении (Курьер Юнеско. 1987).

Рис. 5. Амфоры и посуда поднятые и восстановленные с мест кораблекрушения "Tanit" и "Elissa". Из: Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon, Israel // AJA. 2002. Vol. 106. № 2. P. 158, 159. Fig. 7, 8.

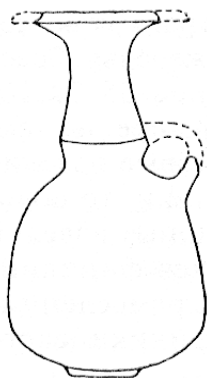

Рис. 6. Краснолощенный глиняный кувшин с “грибовидным” горлом. Торре-дель-Мар (Малага). (Из: *Harden D.* Op. cit. Fig. 41).

Рис. 7. Керамика из Эр-Ретабеха (Египет) (Из: *Harden D.* Op. cit. Photo 111).

Рис. 8. Карта распространения финикийских амфор (AS99. 009). Из: *Ballard R.D., Stager L.E., Master D.* Op. cit. P. 161. Fig. 10.

Кузнецова Е.В. (Саратов)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ ТОРГОВЛИ (НА ПРИМЕРЕ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ФАНАГОРИЙСКОГО ГОРОДИЩА)

Первостепенная роль торговли в экономике античных государств предопределила повышенный к ней интерес со стороны исследователей. Отдельные моменты торговых отношений освещаются письменной традицией. Однако сведения античных авторов слишком отрывочны и не дают возможности точно определить даже номенклатуру товаров, не говоря уже об объемах экспорта—импорта продукции разных центров¹.

В такой ситуации основным источником для изучения динамики торговых отношений в течение определенного хронологического промежутка может стать керамическая тара (прежде всего остродонные амфоры) при условии выработки приемов фиксации и анализа материала. Существовавшие до недавнего времени методы его обработки — а, скорее, их отсутствие — сделали практически невозможным использование данных, полученных в ходе раскопок прошлых лет.

А между тем, керамическая тара имеет существенное преимущество перед другими археологическими находками, так как амфорные остатки представлены на всех памятниках античности в большом количестве, а это облегчает сравнение керамических комплексов различных поселений. Эта категория археологического материала отражает основные направления движения потоков товаров, а главное, поддается и качественной и количественной оценке². Проблема заключается лишь в отсутствии удобных, а, главное, апробированных приемов работы с этой категорией исторических источников.

Однако долгое время внимание исследователей было сосредоточено только на изучении клейменной керамической тары, что обусловлено рядом объективных причин. Во-первых, найденные при раскопках клейма всегда тщательно фиксировались (они привлекали внимание, прежде всего, как эпиграфические памятники)³. Во-вторых, они обычно попадали в музейные фонды, т. е. были доступны для ознакомления (правда, до сих пор существуют коллекции клейм, не подвергавшиеся специальному изучению). В-третьих, этот материал хотя бы частично публиковался, что облегчало исследователям работу с ним. В силу этих обстоятельств довольно рано начали предприниматься попытки локализации клейм,

---

¹ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. М., 1984. С. 11–13.

² Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 39; Брашинский И.Б. Методы... С. 21–22.

³ По свидетельству Н.И. Мурзакевича, в начале XIX в. жители Парутино откалывали клейменные ручки от амфор и продавали их коллекционерам. См. Кац В.И., Тункина И.В. Зарождение керамической эпиграфики в России // АМА. 1990. Вып. 8. С. 118.

разработки их классификаций и определения хронологических рамок той или иной группы. В результате, на сегодняшний день разработаны не только достаточно узкие датировки клейменной тары разных центров производства, но и методика использования клейм в исследовании экономических связей, что дает этой категории археологического материала видимые преимущества перед остальными.

Однако, говоря о возможностях, открываемых изучением клейменной керамической тары, не стоит забывать, что практика систематического клеймения появляется только на рубеже пятого и четвертого вв. до н. э. В архаический и раннеклассический периоды отпечатки на различных амфорах также встречаются, но их количество (в силу спорадичности клеймения) столь незначительно, что не может отражать реально существовавшей картины торговых отношений. Для VI — V вв. до н. э. основным источником при изучении этого вопроса является неклеяная керамическая тара.

На протяжении длительного периода к массовому амфорному материалу относились без должного внимания, и он не подвергался специальному изучению. Однако уже восемьдесят лет назад М.И. Ростовцев указывал на необходимость “исследовать всю серию амфор... путем химического анализа глины и сравнительного анализа форм сосудов”, отмечая, что работа эта “кропотливая и трудная, но обещающая самые богатые результаты”⁴. На этот призыв исследователи откликнулись не сразу. Примерно с 40-х годов прошлого века в некоторых экспедициях предпринимались попытки анализа фрагментов амфор. Производился подсчет профилированных частей и амфорных стенок, предварительно распределенных по центрам производства. Сопоставление результатов подсчета использовалось для характеристики экономической жизни поселения. Однако при отсутствии разработанных типологий керамической тары локализация фрагментов производилась по большей части визуально, по особенностям глины, что не всегда под силу даже специалистам. Недостатки подобного приема очень скоро стали очевидны. Выявилась необходимость в разработке типологических классификаций различных серий амфор⁵.

Первым шагом в этом направлении стал капитальный труд И.Б. Зеест “Керамическая тара Боспора”, долгое время являвшийся единственной монографией подобного рода. Автор проделала большую работу по локализации отдельных групп керамической тары, разработке классификаций, выяснению закономерностей изменения морфологических признаков сосудов.

Выводы, полученные И.Б. Зеест в ходе многолетнего труда, не оставались неизменными, подвергаясь проверке, исправлениям и дополнениям. Вышло нема-

---

⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 175.

⁵ Зеест И.Б. Задачи исследования массового античного керамического материала // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 10.

ло работ, как в отечественной, так и в зарубежной литературе⁶, посвященных отдельным категориям и типам амфор. В связи с тем, что амфоры, а чаще всего их фрагменты, нередко выступают в качестве единственного датирующего источника для определения времени археологического комплекса или памятника в целом, была ясна “острая необходимость продолжения разработки обоснованной и более детальной хронологии керамической тары”⁷. Эта работа осложнялась тем обстоятельством, что большинство публикаций, содержащих сведения об амфорном материале, не имели детальных чертежей сосудов и их фрагментов. Поэтому исследователям приходилось лично, в буквальном смысле слова, отыскивать амфоры в музейных собраниях, что значительно затягивало процесс обработки материала. Впрочем, и на современном этапе эта ситуация не претерпела значительных изменений.

К началу 90-х годов было накоплено огромное количество необработанных коллекций керамической тары. В свете новых свидетельств все очевиднее становилась необходимость в новом труде, обобщающем новейшие достижения. А.П. Абрамов попытался создать каталог-определитель профилированных частей амфор, обосновывая это тем, что именно *фрагменты* сосудов, а не *целые формы*, в основном представлены на античных памятниках⁸. Исходя из этого, он предложил свою классификацию, опираясь на изменения форм и размеров амфорных венцов, ножек и, в меньшей степени, ручек. Автор совершенно прав в важности именно такой типологии для полевой археологии, однако, пренебрежение общей морфологией сосудов ставит под сомнение многие сделанные им выводы. По-видимому, исследователь и сам осознает уязвимость своей системы, поэтому в последние годы большее внимание уделяет *целым формам*⁹. Справедливости ради необходимо отметить, что на протяжении ряда лет классификация А.П. Абрамова оставалась единственным “пособием” для полевых археологов.

С другой стороны подошел к решению проблемы С.Ю. Монахов, считающий необходимым прежде обратиться именно к *целым сосудам* и с учетом их морфологических изменений разработать стройные типологические схемы. Только после этого “логично перейти к разработке типологии профильных частей...”¹⁰. Непременным условием исследования, по мнению автора, является охват максимально

---

⁶ Roberts S.R.; Glock A. The Stoa Gutter Well a Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1986. Vol. 55. № 1; Mattingly H.B. Coins and Amphoras – Chios, Samos and Thasos in the Fifth Century B.C. // *JHS*. 1981. Vol. 101; Johnston A.W. Aegina, Aphaia-Tempel XIII. The Storage Amphorae // *Archaeologischer Anzeiger*. 1990. Ht. 1; Рубан В.В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // *СА*. 1991. № 2; Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // *СА*. 1992. № 3 и др.

⁷ Брашинский И.Б. Методы... С. 147.

⁸ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // *БС*. 1993. Вып. 3. С. 4.

⁹ Его же. Типология и хронология клазоменских амфор // *ДБ*. 2001. Вып. 4; его же. Типология и хронология амфор о. Хиос // *ДБ*. 2002. Вып. 5; его же. Типология амфор Фасоса // *ДБ*. 2000. Вып. 3.

¹⁰ Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов, 1989. С. 17.

большого объема известного материала. В течение нескольких лет вышел ряд его статей, посвященных амфорной таре отдельных центров: ее идентификации и выявлению закономерностей изменения морфологических признаков¹¹. Обращая внимание на важность разработки детальной и как можно более точной хронологии, исследователь привлекает для анализа около двухсот комплексов, зачастую дающих узкие датировки и позволяющих выявить группы синхронной тары¹².

Опираясь на полученные результаты, исследователь недавно предложил обновленные типологические и хронологические классификации основных групп греческой керамической тары и проследил динамику типо-стандартов по отдельным центрам производства¹³. Автором проанализирован большой объем материала, значительная часть которого ранее не публиковалась. Работа базируется на анализе изменений морфологических характеристик целых форм и сопровождается таблицами, содержащими метрические параметры амфор. Предложенные типологии иногда представляются излишне дробными и в силу этого сложными для восприятия. Обилие большого количества различных названий типов и вариантов также не облегчает работы археологам. Рисунки сохранившихся сосудов, представленные в монографии, в большинстве случаев сопровождаются чертежами профильных частей. Однако большое их разнообразие (особенно венцов) делает необходимым создание специальной работы, которая послужила бы именно каталогом-определителем для идентификации фрагментов во время проведения раскопок. На сегодняшний день данная монография представляет собой наиболее полную и разработанную типологическую характеристику керамической тары.

С появлением стройных разработанных типологий появилась возможность выработки новых методов изучения *неклеяемой керамической тары*. В результате развития археологической науки объем источников неуклонно и быстро возрастает, что усложняет задачи, связанные с их исследованием. На повестку дня выдвигается необходимость разработки практических приемов обработки и анализа археологического материала. Еще в конце 50-х годов для выяснения соотношения импорта из разных производственных центров Н.Н. Погребова сопоставляла количество найденных при раскопках амфорных ножек, беря их процентные значения¹⁴. Однако автор использовала слишком широкий хронологический диапазон (IV — III вв. до н. э.), что не позволило проследить колеба-

¹¹ Монахов С.Ю. Амфоры типа Муригиоль // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на Дону, 1990; *его же*. Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона // ВДИ. 1990. № 4; *его же*. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992 и др.

¹² *Его же*. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов, 1999. Этой монографией в научный оборот было введено более 200 комплексов, охватывающих период с конца VII по первую половину II вв. до н. э.

¹³ *Его же*. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.

¹⁴ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. Т. 64. С. 142 сл.

ния в торговле, если таковые имели место. При анализе материала не учитывалась и разница в стандартах амфор.

На необходимость определения емкости сосудов и использования полученных результатов в процессе изучения античной торговли также обратил внимание И.Б. Брашинский¹⁵, с учетом этих требований был проанализирован амфорный комплекс, полученный в результате раскопок поселений конца VI–V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье¹⁶. Этот же исследователь, говоря о методе подсчета количества амфор по сохранившимся ножкам (археологически целым), отмечал, что использование других профильных частей (венцов и ручек) для той же цели возможно, но довольно затруднительно в силу отсутствия их тщательной и систематической фиксации.

В начале 90-х годов отдельными исследователями предпринимались попытки анализа керамического комплекса в целом. Так, Е.М. Алексеева в ходе раскопок раннего поселения на берегу Анапской бухты учитывала не только ножки, но и другие амфорные фрагменты (этот учет ограничивался простым их подсчетом, без деления на венцы, ручки и т. д.). Сопоставление материала производилось не в масштабах всего памятника, а в рамках небольших комплексов — полуземлянок и перекрывавших их помещений¹⁷. Из представленных в монографии таблиц видно, что фрагменты амфор какого-либо центра далеко не во всех случаях сопровождаются ножкой сосуда того же производства¹⁸. Естественно, в масштабе целого поселения подобные разночтения, скорее всего, нивелируются, но для характеристики отдельных комплексов их выявление представляется немаловажным.

Итак, требовалась методика, позволяющая при анализе керамической тары использовать не только ножки, но и другие профильные части. Между тем, таковая была предложена С.М. Коляковым еще в 1975 г.¹⁹, но по непонятным причинам фактически не привлекла внимание исследователей²⁰. Автор считает не слишком удачным метод простого сравнения числа фрагментов венцов различных производственных центров, т. к. из-за отличий в физических свойствах материа-

---

¹⁵ Брашинский И.Б. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА. 1976. № 3. С. 20, 87.

¹⁶ Охотников С.Б. Поселения VI–V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 90; *его же*. Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 43–45. Автор отметил, что учет емкостей амфор не привел к существенным изменениям выводов.

¹⁷ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

¹⁸ Там же. С. 10, 12, 17.

¹⁹ Коляков С.М. Амфоры городища “Чайка” (применение метода пересчета в условно-целые сосуды при исследовании керамического комплекса) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

²⁰ Впрочем, подобное “невнимание” можно объяснить большой трудоемкостью предложенной методики.

ла (в частности, в степени хрупкости глин), “венчики различных типов при разбивании образуют неодинаковое число фрагментов”²¹. И действительно, к примеру, фрагменты массивных венцов пухлогорлых амфор Хиоса зачастую имеют большую сохранность, чем, скажем, фасосские. В связи с этим исследователь предлагает производить пересчет фрагментов керамики в условно-целые амфоры (у.ц.а.) с использованием нескольких формул:

$$\text{для венцов} - n = \frac{\Sigma\alpha}{360^\circ},$$

где n — число условно-целых амфор;

$\Sigma\alpha$ — сумма углов сохранности всех фрагментов из одного центра;

360° — полная окружность в градусах.

$$\text{для ручек} - n = \frac{\Sigma\rho\nu}{2} \text{ или } n = \frac{\Sigma\rho n}{2},$$

где n — число условно-целых амфор;

$\Sigma\rho\nu$ — число всех фрагментов, содержащих верхние прилепы;

$\Sigma\rho n$ — число всех фрагментов, содержащих нижние прилепы;

$$\text{для ножек} - n = \Sigma_1 + \frac{\Sigma_2}{2} + \frac{\Sigma_3}{1,33} + \frac{\Sigma_4}{4} \text{ или } n = \Sigma_1 + \frac{\Sigma_2}{2} + \frac{3\Sigma_3}{4} + \frac{\Sigma_4}{4},$$

где n — число у.ц.а.;

$\Sigma_1, \Sigma_2, \Sigma_3, \Sigma_4$ — сумма фрагментов соответствующей сохранности,

2; 1,33; 4 — коэффициенты, сводящие число фрагментов той или иной сохранности (1 — целая ножка, 2 — половина, 3 — больше половины, 4 — меньше половины) к условно-целым ножкам²².

Автор заостряет внимание на необходимости деления материала на хронологические группы и типы.

Как уже отмечалось, данная методика не нашла отклика среди исследователей. Единственным продвижением вперед стало понимание того, насколько важно учитывать различия стандартов греческих амфор²³. А.П. Абрамов проанализировал керамический комплекс Патрейского городища из раскопок 1985 — 1988 гг., взяв за основу количество найденных ножек и обращая внимание на разницу в стандартах амфор, представленных на городище центров производства. Проведенное исследование привело к следующим результатам: основными экспортными винами в Патрей во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. являлись Хиос и Лесбос, вслед за которыми шли центры Северной Эгейды. В экспорте оливкового масла значительная роль принадлежала Клазоменам.

²¹ Коляков С.М. Амфоры городища... С. 241.

²² Там же. С. 243–244.

²³ Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 247; Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 164.

Г.А. Ломтадзе в своей диссертации использовал подобную методику для сравнительного анализа объемов импорта продукции, перевозимой в керамической таре, на основе материала с нескольких поселений Европейского и Азиатского Боспора²⁴.

Таким образом, теория применения принципов обработки и анализа материала разработана достаточно четко, а отдельные ее составляющие уже неоднократно использовались в конкретных исследованиях. На практике методика, предложенная С.М. Коляковым, была комплексно опробована при исследовании керамической тары У7 поселения Панское I и поселения Волна. К сожалению, полученные результаты пока не опубликованы, хотя они представляют определенный интерес.

Суммируя все наработки в этой области, можно предложить следующую схему обработки материала, его фиксации и дальнейшего использования при изучении вопросов, касающихся торговых отношений греческих полисов на примере крупнейшего города азиатского Боспора — Фанагории.

Прежде всего, необходимо помнить, что при исследовании нельзя пользоваться материалами закрытых комплексов, т. к. в них могут быть представлены “иные соотношения, резко колеблющиеся в разные стороны от средних”. В то же время, при статистическом анализе правомерно использование не всего массива материала с какого-либо памятника, а достаточно репрезентативных выборок²⁵.

Первоначально выделяются группы керамической тары по центрам производства. В рамках каждой группы материал распределяется по хронологическим периодам.

Следующим этапом является описание имеющихся находок. Специфика данной категории массового археологического материала заключается в необходимости тщательной его фиксации по определенной схеме. Фрагменты венцов и ножек обмеряются, и полученные измерения заносятся в таблицы (стандартные для венцов и варьирующиеся для ножек).

Для венцов:

№ п/п	№ по описи	Толщина венца	Толщина стенки	Н венца	Д устья	Сохранность в градусах	Примечание
-------	------------	---------------	----------------	---------	---------	------------------------	------------

Такое тщательное фиксирование — это определенное отклонение от методики С.М. Колякова, но, как кажется, вполне оправданное. Дело в том, что подобный подход позволяет при вычислении количества условно-целых амфор учитывать диаметр устья, что дает большее число сосудов, чем при пренебрежении

²⁴ Ломтадзе Г.А. Античный импорт на Боспоре в IV – начале III вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

²⁵ Брашинский И.Б. Методы... С. 54, 62.

этим показателем. Кроме того, при подсчете можно учитывать высоту венчика, допустив, что разница высот в пределах одного венца не может превышать 0,7 см. То же самое касается толщины венчиков, только, вероятно, здесь можно понизить разницу до 0,3–0,4 см.: как представляется, такая подробность особенно актуальна для незначительных выборок с небольших поселений. В столбце “Примечание” указывается наличие краски/лака по венцу или под ним; наличие прилепа; сохранившейся части ручки (в этом случае учитываются и размеры последней); граффити или дипинти, если таковые имеются и т.п.

Нередко встречаются фрагменты венцов, диаметр которых довольно трудно определить в силу того, что их устье не строго круглой формы. Это особенно характерно для амфор Хиоса, имеющих небольшое сжатие со сторон прикрепления ручек. Такие фрагменты с неопределенным диаметром выделяются в отдельную таблицу. Туда же можно включить фрагменты, определить диаметр которых затруднительно из-за их небольшой сохранности.

Таблица для ножек более подробна, и с учетом существенных различий этих частей амфор в зависимости от центра производства она может подвергаться определенным корректировкам. В общих чертах она выглядит следующим образом:

№ п/п	№ по описи	D ₁	D ₂	D ₃	H	h	примечание
-------	------------	----------------	----------------	----------------	---	---	------------

где D₁ — диаметр ножки в месте наибольшего расширения;

D₂ — диаметр ножки в месте наименьшего расширения;

D₃ — диаметр углубления на подошве, если таковое имеется;

H — высота ножки;

h — глубина углубления.

При анализе комплекса не использовались амфорные ручки, так как многие из них отнести к какому-либо центру довольно затруднительно в силу отсутствия существенных морфологических различий, а их идентификация по глине также не может считаться точной. Во время раскопок эти фрагменты подвергаются лишь простому подсчету.

После составления таблиц производится подсчет условно-целых сосудов — отдельно по венцам и по ножкам. Нетрудно заметить, что фиксация материала подобным образом представляет собой довольно трудоемкий процесс. Поэтому возникает закономерный вопрос — нельзя ли ограничиться подсчетом только амфорных ножек? Отражает ли он реальную картину колебаний торговли? Для ответа на этот вопрос целесообразно построить отдельные таблицы по венцам и по ножкам. Их сопоставление покажет, существенны ли получаемые расхождения (если таковые вообще возникают) или ими можно пренебречь. В последнем случае отпадет необходимость столь подробного описания материала, что значительно облегчит обработку керамических комплексов. Провести простой подсчет но-

жек гораздо проще, правда, приходится констатировать тот нелицеприятный факт, что даже такая работа в экспедициях зачастую не производится.

Как отмечалось выше, на современном этапе уже нельзя ограничиваться выяснением имеющегося количества сосудов, не используя данные метрологических исследований²⁶. Тем более, что в этом направлении в последние годы наметились значительные успехи.

А.П. Абрамов предлагает рассматривать амфоры каждого отдельного экспортера, разделяя их по типам, под которым понимается “серия амфор одного центра производства, имеющие близкие показатели объемов и не различающиеся по каким-либо ярким морфологическим признакам”²⁷. Общий объем типа получается в результате простого перемножения условно-целых амфор (у А.П. Абрамова — количества ножек) и среднего объема; “сумма общих объемов типов дает суммарный объем каждого отдельно взятого центра”²⁸. Как правило, исследователи получают данные средних объемов в результате простого вычисления средней арифметической между показателями максимальных и минимальных емкостей амфор одного типа. Однако правомерность применения подобной системы подсчета вызывает определенные сомнения. Прибегая к ней, авторы фактически признают, что на каждую полностандартную амфору приходилась одна фракционная, на практике же последние при раскопках встречаются значительно реже. В этом случае, как кажется, вполне приемлемо несколько завышать средние арифметические данные для получения более реальных значений.

Для наглядности полученные результаты объемов отображаются на графиках или в таблицах.

Применение вышеизложенной методики позволяет дать характеристику торговым отношениям отдельного полиса в определенный период: выявить его основных контрагентов и вычислить долю каждого из них в общем объеме поставок.

В общих чертах состав амфор керамических комплексов Северопричерноморских городов архаического и раннеклассического периода определился уже давно. В них представлены сосуды Лесбоса, Хиоса, Клазомен, неустановленных центров Северной Эгеиды (т. н. “протофасосские” амфоры по И.Б. Зеест). Тара этих центров локализуется достаточно надежно. Гораздо сложнее обстоит дело с амфорами таких крупных поставщиков как Самос и Милет. Слабая изученность архаических слоев поселений и незначительное число закрытых комплексов этого

---

²⁶ Можно возразить, что при явном доминировании импорта из какого-либо центра можно пренебречь данными по метрологии его амфор. В качестве доказательства обратного очень интересны высказывания В.П. Былкова о том, что доля хиосских амфор на Белозерском поселении составляет 30%, а с учетом коэффициента стандарта — 46%. См.: *Былков В.П.* Амфорная тара на Белозерском поселении в устье Днепра (IV в. до н. э.) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.* Ростов-на-Дону, 2003. С. 25.

²⁷ *Абрамов А.П.* Новые данные... С. 247 сл.

²⁸ Там же. С. 254.

периода не позволяет достаточно надежно выявить серии амфор данных центров. В связи с этим приходится объединять амфорные фрагменты обоих полисов в одну группу под условным названием “Самос-Милет”.

В перечне основных центров-производителей, определившемся достаточно давно, вряд ли стоит ожидать значительных изменений, чего нельзя сказать о вопросе соотношения объемов импорта каждого полиса в совокупном объеме ввоза.

Традиционно считается, что с последней четверти VI и до начала IV в. до н. э. лидирующие позиции в импорте центров Северного Причерноморья занимал Хиос. Однако это не совсем так. Анализ керамического комплекса Фанагории, полученного в результате раскопок 2003 – 2004 гг. на участке “Верхний Город”, показал, что в последней четверти VI в. до н. э. экспорт центров Северной Эгейды превышал вывоз Хиоса (см. табл. 1). Третье место принадлежит продукции “Самоса-Милета”, хотя обычно экспорту этих центров исследователи отводят незначительное место²⁹, с чем трудно согласиться.

Кроме названных основных центров в импорте Фанагории была представлена продукция Клазомен и неопределенных центров, амфоры которых имеют характерные массивные венцы. К последним относятся архаические амфоры Ионии, Массалии, Эвбеи, а также сосуды типа “a la brosse”, производство которых исследователи склонны связывать с аттическими мастерскими. На долю амфор с массивными венцами приходится 5,4% (2,3%)³⁰. Около 4% от общего объема составляют амфоры неизвестных центров.

Такое соотношение импорта различных центров сложилось на рубеже VI – V вв. В начале V в. под влиянием ионийского восстания в Малой Азии ситуация начинает меняться. К 490 г. с причерноморских рынков исчезает продукция Клазомен, значительно снижается объем импорта Самоса и Милета – последний, скорее всего, на некоторое время вообще прекратил торговую деятельность – и центров Северной Эгейды. Их место занимает экспорт Хиоса, захвативший к 460 г. до н. э. практически половину фанагорийского рынка – 50,1% (46,5%). С учетом объемов амфор эти цифры на несколько процентов выше. Стоит отметить, что в самом начале века намечилось снижение совокупного объема поставок, продолжавшееся до того момента, пока Хиос не занял освободившиеся на рынке ниши. Правда, длился период спада недолго: не более 7–8 лет.

К середине века состав экспортеров вновь изменяется. Сходит на нет торговая активность центров Северной Эгейды, значительно снизился импорт Лесбоса и Самоса-Милета, которые уже не смогли восстановить свои позиции на фанагорийском рынке. В то же время появляются новые торговые партнеры – Фасос, Менда и центр, перевозивший свою продукцию в так называемых амфорах

²⁹ *Абрамов А.П.* Новые данные... С. 256.

³⁰ Первая цифра – результат подсчета по венцам, в скобках – по ножкам.

с раздутым горлом. Кроме того, к 450 г. намечается уменьшение объема ввоза товаров с Хиоса, хотя он сохраняет за собой пальму первенства и в последующий период.

Для наглядности результаты анализа керамического комплекса Фанагории сведены в таблицы. Представленные в них данные показывают значительные расхождения итоговых цифр, полученных при подсчете ножек и венцов амфор. Особенно это характерно для фрагментов тары Хиоса и Лесбоса, причем в первом случае подсчет ножек дает меньшее число, чем подсчет венцов, а во втором — наоборот. Что касается Хиоса, то подобные отклонения объясняются тем, что на протяжении довольно длительного времени ножки его амфор претерпевали незначительные изменения, что затрудняет их распределение по типам и вариантам. В связи с этим, при обработке фрагментов хиосских амфор возможно ограничиться учетом только венцов, морфологические изменения которых выявляются очень четко. У лесбосских же амфор выделить хронологические варианты одинаково затруднительно и по венцам, и по ножкам особенно у красноглиняных сосудов, составляющих абсолютное большинство среди фрагментов тары Лесбоса, представленной в Фанагории. В такой ситуации избежать крайностей в подсчетах можно, используя средние значения количества условно-целых амфор³¹.

В заключение следует отметить, что обработка амфорных венцов наряду с анализом ножек хотя и увеличивает объем работы, но представляется весьма целесообразной, т. к. она позволяет дать более точную характеристику амфорного комплекса. К примеру, присутствующие среди керамического материала из Фанагории венцы амфор Массалии и Эвбеи не сопровождаются аналогичными ножками. К тому же, как уже отмечалось, отдельные типы и варианты тары некоторых центров гораздо надежнее выявляются по венцам.

Что касается учета различий в стандартах амфор, то при характеристике торговли в конце VI — начале V вв. до н. э. этим показателем можно пренебречь, так как сосуды практически всех центров-производителей имели в этот период близкие объемы (табл. 2). Небольшие стандарты были характерны только для амфор Менды, доля которой в общем объеме импорта на данном этапе весьма незначительна.

Во второй же четверти V столетия расхождения в стандартах довольно существенны. Учет объема сосудов особенно влияет на показатели ввоза продукции в т. н. “протофасосских” (по терминологии И.Б. Зеест) амфорах. В этот период он сокращается почти в три раза, в то время как без учета объема сосудов — на 50%.

Подводя итоги, можно сказать, что вышеизложенная методика позволяет выявить основные колебания в торговле греческих полисов и определить долю участия каждого центра-экспортера в общем объеме поставок. Наличие результатов

---

³¹ В этом случае у.ц.а. Лесбоса — 35, при доле в 16%; Хиоса — 38 при 17,5%.

анализа керамических комплексов различных поселений сделает возможным в дальнейшем проводить сопоставление данных в рамках одного или нескольких регионов.

Таблица 1

центры		кол-во ФР-в	конец VI—начало V вв. до н. э.			вторая четверть V в. до н. э.		
			у.ц.а.	%	% с уче- том V	у.ц.а.	%	с уче- том V
Клазомены	ножки	6	6	3,5	3,62			
	венцы	8	8	3,08	3,15			
Лесбос	ножки	68	40 (1 с/гл)	23,4 (0,58)	21,84 (0,56)	22	9,5	12,3
	венцы	184	29 (5с/гл)	11,21 (1,93)	10,5 (1,84)	20 (4с/гл)	5,8 (1,15)	4,64
Иония	ножки	4	4	2,5	2,53			
	венцы	14	14	5,4	5,79			
Самос- Милет	ножки	50	31	18,1	18,68	12	5,2	6,28
	венцы	123	48	18,53	18,9	39	11,4	14,14
"Прото- фасос"	ножки	112	54	31,5	29,45	49	21	13,45
	венцы	394	82	31,66	29,25	53	15,36	10,07
Хиос	ножки	141	24	14	16,54	108	46,35	48,5
	венцы	629	52	20,07	23,45	173	50,14	53,8
Фасос	ножки	29	9	5,23	5,42	27	11,6	15,15
	венцы	43	8	4	3,15	24	6,97	9,33
С разд. горлом	ножки	9				7	3	1,2
	венцы	41				13	3,76	1,8
Менда	ножки	3				3	1,3	1,13
	венцы	27	7	2,7	2,16	8	2,31	2,07
Неопред.	ножки	8	3	1,74	1,55	5	2,15	2
	венцы	26	11	4,25	3,71	15	4,34	4,14
Всего	ножки	437	171			233		
	венцы	1489	259			345		

Таблица 2

центры		к-во у.ц.а	конец VI—начало V вв. до н. э.				вторая четверть V в. до н. э.			
			к-во у.ц.	сер. V	общий V	%	к-во у.ц.	сер. V	общий V	%
Клазо- мены	ножки	6	6	21	126	3,62				
	венцы	8	8		168	3,15				
Лесбос	ножки	62	40 (1с/гл)	19,6 с/гл	760,5 (19,6)	21,9 (0,56)	22	22,4 с/гл	493	12,3
	венцы	49	29 (5с/гл)	19 к/гл	554 (98)	10,5 (1,84)	20 (4с/гл)	11,2 к/гл	269 (89)	4,64
Иония	ножки	4	4	22	88	2,56				
	венцы	14	14		308	5,79				
Самос- Милет	ножки	43	31	21	651	18,75	12	21	252	6,27
	венцы	87	48		1008	18,9	39		819	14,14
"Про- то- фасос"	ножки	103	54	19	1026	29,56	49	11	539	13,4
	венцы	135	82		1558	29,25	53		583	10,07
Хиос	ножки	132	24	24	576	16,6	108	18	1944	48,4
	венцы	225	52		1248	23,45	173		3114	53,8
Фасос	ножки	36	9	21	189	5,45	27	22,5	607,5	15,12
	венцы	32	8		168	3,15	24		540	9,33
С разд. горлом	ножки	7					7	8	56	1,39
	венцы	13					13		104	1,8
Менда	ножки	3		16,4			3	15	45	1,13
	венцы	15	7		115	2,16	8		120	2,07
Неоп- ред.	ножки	8	3	18	54	1,55	5	16	80	1,99
	венцы	26	11		198	3,71	15		240	4,14
Всего	ножки				3470,5				4016,5	
	венцы				5325				5789	

Кутинова Т.М. (Саратов)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ ФАНАГОРИИ (история формирования коллекции)*

Амфорные и черепичные клейма являются одной из массовых групп керамического материала, встречающегося в ходе археологических раскопок античных поселений Северного Причерноморья. Будучи важнейшим источником для датирования отдельных памятников, они, вместе с тем, предоставляют надежную информацию для выяснения особенностей их экономической истории. Однако потенциальные возможности клейм используются далеко не в полной мере. Одна из главных причин этого — крайне слабое введение в научный оборот самого полученного клейменого материала. Зачастую не проводится его квалифицированная первичная обработка и в лучшем случае он оседает в музейных фондах, а в худшем — безвозвратно теряется. К сожалению, подобная ситуация характерна и для клейм, обнаруженных при исследовании Фанагории — крупнейшего центра Азиатского Боспора. В связи с этим, приступая к их изучению, нам, первым делом, пришлось выяснить как общее количество зафиксированных здесь оттисков, так и места их хранения. К сожалению, отчеты о раскопках¹ содержат весьма скудную информацию по данному вопросу. Поэтому основное внимание было сосредоточено на просмотре клейменого материала из Фанагории, хранящегося в фондах столичных и периферийных музеев. В результате удалось осуществить оценку (правда, пока предварительную) состава коллекции клейм из Фанагории.

Она начала формироваться еще с середины XIX в., когда в этом районе впервые стали проводиться раскопочные работы. Полуторовековой период исследования данного памятника условно можно разделить на несколько “этапов”:

1. Для дореволюционного этапа (1853—1917 гг.) характерны эпизодические раскопки, проводившиеся К.Р. Бегичевым, К.К. Герцем, Я.М. Лазаревским, В.Г. Тизенгаузеном и К.Е. Думбергом, главным образом на курганном некрополе². В отличие от этих исследователей, в 70-х гг. XIX в. И.Е. Забелин предпринял попытки изучения самого городища, для чего в разных его районах заложил несколько относительно крупных раскопов³. Именно отсюда и происходит

---

* Работа выполнена в рамках проекта “Керамические клейма Азиатского Боспора” при финансовой поддержке фонда “Киммериды”.

¹ Отчеты о раскопках, проводившихся в дореволюционные годы, находятся в Институте истории материальной культуры (ИИМК) г. С.-Петербурга. Отчеты с 30-х гг. прошлого века до настоящего времени хранятся в Институте археологии (ИА РАН) г. Москвы.

² См.: *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. С. 5 сл.; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 116 сл.

³ ОАК 1869. СПб. 18714. С. VII–VIII; ОАК 1870, 1871. СПб. 1874. С. V–VII, XXXVIII–XXXIX; ОАК 1872. СПб. 1875. С. III–VI.

основная часть клейменого материала (около сотни оттисков), поступившего на хранение в Эрмитаж и впоследствии изданного Е.М. Придиком⁴.

2. В 20–30-е гг. XX в. масштабные раскопки в этом районе не проводились, исследователи (К.Э. Гриневич, Л.П. Харко, В.Ф. Гайдукевич, А.А. Миллер) ограничивались разведочными работами и время от времени закладывали небольшие шурфы на городище⁵. Местонахождение материала, полученного за эти годы, в том числе и клейм, неизвестно. Не исключено, что он поступил в Темрюкский музей и был утерян в годы войны.

3. Систематическое исследование Фанагории и ее окрестностей началось лишь с середины 30-х гг. XX в. экспедицией под руководством В.Д. Блаватского⁶, работавшей в предвоенные годы. С 1947 г. археологические исследования на городище и некрополе были возобновлены Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ). Вплоть до начала 70-х гг. ими руководила М.М. Кобылина⁷. За эти десятилетия произошло значительное пополнение коллекции керамических клейм из Фанагории. Более 600 экземпляров, зафиксированных с 1936 по 1951 гг., поступили на хранение в ГМИИ и Государственный исторический музей (ГИМ), где были обработаны Д.Б. Шеловым⁸ и переданы Б.Н. Гракову для включения в состав III тома IOSPE. Информация о клеймах, обнаруженных за последующие двадцать лет раскопок, крайне скудна. К сожалению, нам не удалось установить их точное количество, поскольку в отчетах о работе экспедиции этот материал упоминается лишь эпизодически. Здесь могли бы помочь описи находок, которые обычно ведутся в ходе раскопочных работ, однако последние не были приложены к отчетам. В какой-то степени получить представление о численности и составе коллекции 50–60-х гг. позволяет клейменный материал этих лет, поступивший на хранение в фонды ГМИИ. В настоящее время здесь находится немногим более 200 экз., но можно предположить, что первоначально их число было значительно больше. Не исключено, что какая-то часть клейм либо была утеряна, либо поступила в другие хранилища.

4. Следующий этап изучения Фанагории (70-е—начало 90-х гг.) связан с работой экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемой

⁴ Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.

⁵ Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 61.

⁶ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI; *его же*. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4; *его же*. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1; *его же*. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. М., 1951. № 19.

⁷ Кобылина М.М. Раскопки в Фанагории (1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. 33; *ее же*. Раскопки в Фанагории (1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII; *ее же*. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.

⁸ Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. М., 1956. № 57.

В.С. Долгоруковым. К сожалению, определенная небрежность в фиксации материалов, обнаруженных в ходе раскопок, продолжалась и в эти десятилетия. Описи находок, как и в предшествующие годы, к отчетам не прилагались. В самих же отчетах кое-где упоминаются “ручки с клеймами”, но нет указаний на их содержание, отсутствуют иллюстрации. Исключением является составленный А.Б. Колесниковым каталог оттисков, зафиксированных на протяжении двух полевых сезонов⁹. Он включает не только полный список всех найденных штемпелей, но и их иллюстрации, вероятное восстановление и датировку.

Основная же часть обнаруженного за эти двадцать лет клейменого материала не подвергалась даже первичной обработке. Между тем в связи с проведением в этот период крупномасштабных работ на территории “Южного города”¹⁰, коллекция клейм из Фанагории значительно пополнилась. Этот материал не был передан в музейные фонды и до настоящего времени находится в Институте археологии в Москве, где нам удалось обнаружить порядка 1500 оттисков.

5. Ситуация с фиксацией материала стала меняться в лучшую сторону в последние годы, после того как экспедицию возглавил В.Д. Кузнецов. На протяжении последних 10 лет проводится исследование одного из районов Фанагории, так называемого “Верхнего Города”¹¹. Объемы работ колоссальны — площадь раскопа занимает 900 м². На протяжении 1995–2001 гг., когда вскрывались средневековые и римские слои, находки клейменого материала были единичными, и только в последнее время он стал массовым. Так, в 2002–04 гг. зафиксировано более 300 экз. керамических клейм, которые были оперативно обработаны и сведены в каталоги, приложенные к отчетам экспедиции за соответствующие годы.

Сверка коллекции фанагорийского клейменого материала, находящегося в ГМИИ и ГИМе, а также в Институте археологии в Москве, показала, что в настоящее время здесь находится около 2700 оттисков. Несомненно, что общее количество клейм, обнаруженных в Фанагории за 150-летний период раскопок, превышает 3000 экз. По крайней мере, известно еще около сотни штемпелей, полученных в результате случайных сборов на городище. Большая часть из них находится в фондах Анапского музея, единичные экземпляры — в Краснодарском и Таманском музеях, а также в Музее амфор Дома детского и юношеского творчества г. Москвы. Видимо, дальнейшая тщательная проверка фондового материала позволит пополнить этот список.

---

⁹ Каталог А.Б. Колесникова приложен к отчетам экспедиции за 1985–1986 гг. // ИА РАН. Р-1. № 11165.

¹⁰ См.: Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V–начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок “Южного города”) // Древности Боспора. Suppl. I. М., 2004. С. 8–10.

¹¹ Кузнецов В.Д. Работы Фанагорийской экспедиции в 1998 г. // Проблемы истории, философии, культуры. М.–Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 392 сл.

Пока в научный оборот в той или иной степени введено менее трети клейм фанагорийской коллекции. При этом наиболее полная информация, позволяющая проводить сверку исходного материала, присутствует только в упомянутом выше каталоге Придика. Сложнее обстоит дело с Корпусом “протоклеим” и ранних фасосских оттисков, изданных недавно И. Гарланом¹². Собственно, это даже не каталог клейм, а каталог примерно 1000 штампов с указанием количества оттисков, выполненных каждым из них и мест их находок. По данным И. Гарлана, оттиски третьей части всех штампов представлены в Фанагории. Однако в его работе существует ряд разночтений. Так, в таблице на странице 8 отмечено, что в этом районе зафиксировано 624 экз. фасосских клейм двух анализируемых серий. В самом каталоге представлено всего 580 экз., по нашим же данным, общее количество штемпелей, находящихся в указанных И. Гарланом коллекциях, составляет не более 400 экз. Показательно, что, по его сведениям, основная масса ранних фасосских клейм (более 400 экз.) находится в фондах ГМИИ, тогда как общее число оттисков всех центров из Фанагории, представленных в картотеке музея составляет около 300 экз. Причины таких разночтений непонятны. К сожалению, провести полноценную сверку материала не представляется возможным, так как в каталоге И. Гарлана только менее чем 15% присутствующих клейм сопровождаются инвентарными номерами.

Помимо упомянутых каталогов, существуют еще две работы, специально посвященные клейменому материалу из Фанагории, зафиксированному на протяжении нескольких полевых сезонов: 1936–40 и 1947–50 гг. (Д.Б. Шелов¹³) и 2002–03 гг. (Т.М. Кутинова¹⁴).

Выводы, к которым пришли авторы, существенно разнятся¹⁵. Причину расхождения можно будет выяснить только после получения данных о всей совокупности клейм коллекции. Вместе с тем, уже сейчас имеется возможность получить предварительное представление о ее составе.

Около 10% штемпелей выполнено на черепице. Большинство из них оттиснуто на боспорских керамидах, два десятка — на синопских, и всего два экземпляра — на гераклеийских.

Амфорные клейма четко разделяются на два хронологических периода. К первому из них, охватывающему конец VI–V вв. до н. э. (период спорадического клеймения), относится всего 5% от всей совокупности оттисков. Половина из них принадлежит Хиосу, около трети составляют “протоклейма” Фасоса,

¹² *Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999.*

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Кутинова Т.М. Керамические клейма из раскопок “Верхнего Города” Фанагории 2002–2003 гг. // Боспорский Феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб, 2004. Ч. 1.*

¹⁵ См.: *Кутинова Т.М. Указ. соч. С. 207–208.*

шестую часть — оттиски на амфорах со сложнопрофилированными кольцевыми поддонами (“протофасосские”). Единичными экземплярами представлены клейма Лесбоса и Самоса.

Остальные оттиски относятся ко второму периоду (IV—I вв. до н. э.), когда во многих Средиземноморских и Причерноморских центрах осуществлялась практика систематического и массового клеймения керамической тары. Преобладающее положение в составе импорта занимают клейма Средиземноморских центров, хотя в количественном отношении позиции каждого из них существенно разнятся. Около трети штемпелей всей совокупности принадлежит Родосу, несколько уступает ему клейменная продукция Фасоса. Значительно слабее (от 1 до 3%) представлены клейма Аканфа, Менды, Книда и Коса. Зафиксированы единичные экземпляры оттисков Коринфа, Хиоса и Пароса.

Оставшаяся треть всех клейм коллекции принадлежит причерноморским центрам: господствующие позиции занимают Синопа и Гераклея (17 и 13% соответственно), херсонесские оттиски составляют всего 1,5% от всей совокупности.

Таким образом, несмотря на то, что на сегодняшний день большая часть работы по обнаружению и сверке керамических клейм практически завершена, еще не один раз предстоит уточнять и дополнять полученные данные, прежде чем делать какие-либо обобщающие выводы.

Н.В. Фирсова (Казань)

КУЛЬТ ДЕМЕТРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

В античных городах Северного Причерноморья культ богини Деметры, покровительницы земледелия, имел большое значение, так как хлебопашество было основой экономики этого региона. Но, несмотря на то, что здесь открыто сравнительно много следов существования культа богини, до настоящего времени не проведено полное его исследование. Тем не менее, издан ряд специальных работ, в которых рассмотрены те или иные стороны культа Деметры.

В данной работе я рассмотрю взгляды ученых на ряд вопросов: происхождение культа, его сущность, взаимодействие эллинских и варварских элементов, угасание культа и т. д.

Считается, что почитание Деметры в Причерноморье началось с VI в. до н.э. Культ был завезен ионийцами — выходцами из Малой Азии; об этом говорят А.С. Русяева и М.М. Кобылина. Все изображения богини этого времени — родосско-ионийского производства¹.

В V—IV вв. до н. э. появляется другой тип, принесенный из Афин, соответствующий по стилю женским фигурам Парфенона². А.С. Русяева объясняет данный факт возросшим влиянием Афин в жизни государств Северного Причерноморья³.

Дискуссионным остается вопрос о влиянии на культ местных варварских элементов. Так М.И. Ростовцев⁴ и В.Д. Блаватский⁵ считали, что земледельческая религия боспорских греков испытала сильное воздействие верований местного населения и потому следует говорить о синкретическом характере эллинских культов. Но А.С. Русяева и С.Ю. Сапрыкин убедительно доказывают, что ре-

¹ Русяева А.С. Земледельческие культы Оливии догетского времени. Киев, 1979. С. 37; Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1985. С. 7.

² Кобылина М.М. Ук. соч. С. 7–8.

³ И.Б. Брашинский относит гегемонию Афин в торговле и политике к первой половине V в. до н. э. Причину этого он видит в окончательном падении персидского контроля над черноморскими проливами и походом Перикла в Понт. Особенно тесными были связи Афин с Ольвией (Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 49–50, 86).

⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 371.

⁵ Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // СА. 1964. № 4. С. 29–33.

лигиозные представления греков в эпоху архаики и классики еще были лишены черт местной религии⁶.

Но в период эллинизма местное влияние прослеживается уже довольно четко. Так, А.С. Русяева выделяет два типа произведений коропластики: 1) привозные статуэтки Деметры с обобщенными, идеализированными чертами лица; 2) местные статуэтки, где богиню изображали в виде полной пожилой женщины-матери, покровительницы плодородия полей⁷. Специфической чертой почитания богини в Северном Причерноморье являются живописные изображения Деметры при росписи склепов боспорской знати; например, известный склеп Деметры в Пантикапее, где представлен поясной портрет богини, сцена похищения Коры Аидом⁸. А.А. Завойкин считает, что в период эллинизма определяющим было влияние Малой Азии; он исследует святилище Деметры VI/V — сер. I в. до н. э. на Фанталовском полуострове и делает вывод, что с эпохи Митридата VI здесь появляются новые персонажи, принесенные из Малой Азии: Кибела и Дионис-Аттис, а также их атрибуты (виноградная гроздь, косточки миндаля и проч.); новые боги вливаются в древний культ эллинских божеств, трансформируя его⁹. То же отмечает и А.С. Русяева¹⁰. А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин прослеживают малоазиатское и иранское влияние. Они отмечают, что Кибела (Фригийская мать, Великая мать) здесь воплощает собирательный образ Деметры-Кибелы и Девы-Коры или Артемиды. Это воплощение стало результатом взаимодействия с распространенным в Понтийском царстве культурами Анаит-Афродиты или Артемиды, Кибелы и Деметры, отождествлявшимися эллинами с анатолийской богиней плодородия¹¹.

Следует остановиться также на проблеме распространения культа Деметры среди местного варварского населения. А.Е. Пуздровский считает, что нельзя предполагать адекватное восприятие греческих культов в варварской среде¹². И.Т. Кругликова вообще полагает, что «культы Деметры и Великой богини-матери не были распространены среди широкой массы сельского населения

---

⁶ Русяева А.С. Указ. соч.; Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1983.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ *Burgunder P.* Le tombeau de Dymiter – Approche renouvelée d'un caveau peint découvert a Kertch en 1895 // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб., 2002.

⁹ Завойкин А.А. ΘΘΕ: Двойственность и троичность на святилище Элевсинских богинь («Береговой-4») // ДБ. Т. 6. М., 2003. С. 106, 113.

¹⁰ Русяева А.С. Указ. соч. С. 58, 60.

¹¹ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 423–424.

¹² Пуздровский А.С. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I. С. 105.

<...>, им поклонялись главным образом жители городов <...>, масса же сельского населения не восприняла не только существа, но и формы изображения чужеземных божеств”¹³. С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти, т. к. А.С. Русяева и А.А. Завойкин подчеркивают, что культ Деметры в период эллинизма носил государственный характер (на Боспоре по крайней мере с I в. до н. э. [Oros. VI.5.4], в Ольвии, видимо, со времени похода Зопириона), что свидетельствует о широком распространении почитания богини¹⁴.

Тем не менее, известно, что в скифско-сарматской среде особой значительностью пользовалась Владычица зверей, покровительница природы и всего сущего, которую первоначально почитали в собирательном образе Киммерийской богини, а затем как персидскую Артемиду или скифскую Аргимпасу, тождественную греческой Афродите¹⁵, но и ее культ ассоциировался с Деметрой¹⁶.

Относительно сущности культа в историографии также нет единства. Так, С.Ю. Сапрыкин считает, что в VI–V вв. до н. э. был распространен “земледельческо-хтонический культ Деметры с обрядами, близким к элевсинским”¹⁷. Но при этом он подчеркивает, что “в Северном Причерноморье не было и не могло быть мистерий, хотя идеи их были широко распространены и, вероятно, частично воплощались в обрядах”¹⁸. Иной точки зрения придерживаются А.А. Завойкин и А.А. Масленников, которые считают, что на изучаемых ими святилищах проводились именно мистические обряды. Так, на Фанталовском полуострове найдено большое количество символических предметов, отражающих божественные пары (Деметра и Кора-Персефона, Кора-Персефона и Аид) и триады (Деметра – Кора/Персефона – Дионис/Триптолем; Персефона/Thea – Плутон/Theos – Эвбулей), им соответствуют монограммные граффити, парные статуэтки богинь, парные и тройные сосуды, светильники и т. д.¹⁹ А.А. Масленников же опирается на существование в святилище у бухты Генеральской культа Священного огня и других черт, характерных для мистерий²⁰.

О существовании мистерий говорят и раскопки кургана Большая Близица. А.А. Передольская убедительно связывает найденный там погребальный инвен-

¹³ Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н. э. // Культура античного мира. М., 1966. С. 110.

¹⁴ Русяева А.С. Указ. соч. С. 51, Завойкин А.А. Указ. соч. С. 106.

¹⁵ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 419.

¹⁶ Там же. С. 420.

¹⁷ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Завойкин А.А. Указ. соч. С. 105 и далее.

²⁰ Масленников А.А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму //ВДИ. 1997. № 4. С. 161.

тарь с основными событиями драмы, разыгрывающейся в Элевсине²¹. Того же мнения придерживается А.С. Русяева, опираясь на почитание в Ольвии Иакха — божества, порожденного именно элевсинскими мистериями. Существуют данные о почитании в Ольвии еще с архаического времени Деметры Кабирь²². Возможно, что оба культа (Элевсинский и культ кабиров) были слиты воедино²³. А.С. Русяева также отмечает, что в эллинистический период к Деметре перешли функции покровительницы домашнего очага и даже покровительницы города²⁴.

Видимо, как и в Балканской Греции, в Причерноморье святилища Деметры часто устраивались за территорией города; именно такие изучены А.А. Масленниковым и А.А. Завойкиным. О том же говорит и А.С. Русяева, отмечающая наряду с этим, что “рост индивидуализации сознания в эллинистический период приводит к росту количества домашних святилищ”. Но есть и городские святилища богини; они найдены в Нимфее, Мирмекии и близ Тиритаки. Относительно принадлежности их культу Деметры в науке нет единого мнения. Так, В.Ф. Гайдукевич²⁵ и С.А. Данильченко²⁶ относят их к культу Деметры, а И.Ю. Шауб считает, что они принадлежали культу Верховного женского божества (местного!), вобравшего в себя черты Деметры, Артемиды и Афродиты, близкого по духу Великой богине матери²⁷. Но все же представляется, что данная точка зрения нуждается в коррекции; возможно, изначально святилища действительно принадлежали Деметре, но в эллинистическую эпоху в связи с ростом почитания Кибелы культ Деметры был забыт, что характерно для всех открытых святилищ. А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин считают, что культ Деметры отошел на второй план в III в. до н. э., так как именно с этого времени стала расти популярность Кибелы, а наибольшее значение в это время получает культ Афродиты Урании — владычицы Апатура, которая становится высшим женским божеством²⁸.

---

²¹ Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Ч. I. Л., 1962.

²² Русяева А.С. Указ. соч. С. 94.

²³ Передольская А.А. Указ. соч. С. 79.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. Л., 1987.

²⁶ Данильченко С.А. Чернолаковая керамика из нимфейского святилища Деметры // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I.

²⁷ Шауб И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // STRATUM PLUS. Скифский квадрат. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса. 1999. № 3. С. 213 и сл.

²⁸ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 419.

А.С. Русяева связывает “забвение” культа с угасанием античной культуры и варваризацией Причерноморья²⁹. В результате этого к первому веку до н. э. главным земледельческим божеством становится Кибела, а затем — Великое женское божество скифов. И.Т. Кругликова выдвинула предположение, что, хотя жители Боспора в III в. н. э. еще знали Деметру, ее культ в это время уже не играл сколько-нибудь заметной роли³⁰.

Таким образом, следует заключить, что в современной исторической и археологической науке нет единого мнения на многие аспекты почитания Деметры в Северном Причерноморье. Наименее разработаны вопросы причин упадка культа и время его забвения.

В дальнейших своих исследованиях я считаю необходимым заострить внимание на этих аспектах, а также проследить сходство и отличие культа богини в Северном Причерноморье и других регионах греческого мира (например, на Сицилии).

---

²⁹ Русяева А.С. Указ. соч. С. 71.

³⁰ Кругликова И.Т. Указ. соч. С. 110.

VARIAE

V A R I A E

Красуцкая Е.В. (Казань)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Мифологические представления о жизни и смерти в языческих культурах во многом predetermined объективными обстоятельствами формирования этих культур. В рамках именно этих обстоятельств возникает глубокая связь между отношением к историческому прошлому, историческому настоящему и пониманием жизни и смерти, выражающемуся в погребальных обычаях. Говоря о специфике этой связи в древнеегипетской и древнегреческой культурах, исследователи отмечают, что "...египтянин отрицает уничтожаемость. Античный человек утверждает ее всем языком форм своей культуры... Египетская культура есть воплощение заботливости..., заботливости о будущем..."¹; мотив жизни этой культуры "скорее всего можно обозначить словом "дорога", которая совпадает с направлением и целью пути — гробом"². Этой дороге к желанной смерти, завершающейся мумификацией, античный человек противопоставляет "сожжение мертвых, акт уничтожения, в котором с полной силой выражено его привязанное к здешнему, вневременное существование"³.

Из внешних обстоятельств, предопределивших различие отношения к жизни и смерти в древнеегипетской и древнегреческой мифологиях (и, соответственно, в египетской и греческой культурах), исследователи отмечают достаточно часто роль природно-географических условий.

Своеобразие египетской культуры связано, прежде всего, с изолированным положением долины Нила, областью его разливов. Эти ежегодные разливы Нила, от которых зависело плодородие земли, играли решающую роль в жизни и хозяйстве египтян. Это, а также окружающая долину Нила губительная пустыня

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000. С. 45.

² Там же. С. 265–266.

³ Там же. С. 201.

с ее зноем и хищными зверями, во многом определяло складывание специфического мировоззрения египтян⁴. Циклическое представление о времени, свойственное древним аграрным цивилизациям, способствовало истолкованию египтянами смерти как продолжения жизни. Однако тот же циклизм, сформировавшийся в иных условиях, сопровождается совершенно иным отношением к смерти, как это было у греков Средиземноморья. Мир Средиземноморья — это мир, где “все в меру”: “купы прелестной зелени”, “блестящие созвездия островов”, “крошечные нивы”, “хрустальная чаша неба”⁵, мир, рождающий особое отношение к жизни.

Поскольку любая мифология может рассматриваться на космогоническом, теогоническом и антропогоническом уровнях, постольку и проблема отношения к жизни и смерти должна быть соотнесена в процессе анализа с каждым из этих уровней.

В древнеегипетской мифологии, согласно гелиопольской космогонической школе, мир изначально представлял собой Хаос, первозданную водную стихию Нун. Из этого хаоса сам создал себя бог солнца (Ра, Атум). Он же потом сам себя оплодотворил, проглотив собственное семя, и сам породил мир и первых богов. Он создал Шу и Тефнут (воздух и влагу), которые, в свою очередь, родили Геба и Нут (небо и землю). Те же уже породили других богов (Осириса, Исиду, Нефтиду, Сета)⁶. Люди, согласно мифам, произошли либо из слез Ра, либо были вылеплены на гончарном круге богом Хнумом⁷. Боги — это олицетворение сил природы, они сами возникли из Хаоса, составив земной мир, и теперь вечны. Все же, что является продуктом их деятельности, будь то некие природные явления, такие, как рост растений, годовые изменения, разливы Нила, жизнь людей — имеет циклический характер, а значит, конечно в каждом цикле. Смерть касается всего, кроме богов, то есть олицетворяемого ими мироздания.

Тема вечного круговорота в мире характерна и для древнегреческой мифологии. Космогонические и теогонические сюжеты ее очень похожи на древнеегипетские, хоть и имеют несколько другую форму. Так же, как и в египетском представлении, изначально в мире зарождается Хаос. Следом за ним рождается земля (Гейя), Тартар и Эрос (Любовь), Ночь и Эреб. Гейя-Земля рождает Небо (Уран) и вместе с ним порождает первое поколение богов-титанов, которых потом сменяет поколение олимпийских богов (Hesiod. *Theog.* 116–505). В греческой мифологии боги олицетворяют также силы природы и другие категории и состояния (любовь, память, сон и т. д.). Однако все боги бессмертны, и это главное, что отличает их от людей. Люди же были вылеплены, по мифу, из гли-

---

⁴ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 340–361.

⁵ Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 197–209.

⁶ Селиванова Л.Л. Сравнительная мифология. М., 2003. Т. 1. С. 62–64.

⁷ Мифология древнего мира: Ближний Восток, Греция, Рим. Казань, 2000. С. 10.

ны и воды титаном Прометеем по подобию богов⁸. Боги породили людей, и только они могут отнять жизнь. Они же могут сделать человека бессмертным, забрав его к себе на Олимп за определенные заслуги⁹. В общем же, на уровне космогонии и теогонии греческой мифологии мы наблюдаем ту же цикличность внутри вечного, как и в древнеегипетской. Мир и боги вечны, а боги — это и есть мир. Люди же, живущие в этом мире, полностью подчинены воле богов, и жизнь их является частью бесконечного круговорота, имея свое начало и свой конец.

Понятно, что представления о цикличности жизни и конечности мирского существования довольно схожи в мифологическом сознании древних греков и египтян, однако очевидно, что формы этих представлений разнятся, и различия эти обуславливаются особыми условиями развития этих цивилизаций. Можно проследить черты общего и особенного в представлениях о жизни и смерти на основании связанных с этим мифологических сюжетов и участвующих в них богов.

В той и другой мифологиях можно выделить ряд богов, принимающих участие в процессе перехода из жизни к посмертному существованию человека. В древнеегипетской мифологии главным богом, имеющим отношение к жизни и смерти, является Осирис. Это бог, связанный с растительным циклом, олицетворяющий собой вечное ежегодное умирание и возрождение. Кроме того, Осирис отождествляется с богом солнца Ра и является верховным божеством египтян¹⁰. После того, как он был убит своим братом Сетом, Осирис возрождается в царстве мертвых и становится его владыкой¹¹. В греческой мифологии похожим персонажем является Аид (Гадес), который тоже несет на себе функции владыки загробного мира¹². Однако он, в отличие от Осириса, не является верховным, почитаемым божеством, более того, он ненавистен людям и богам (Ном. II. XX.65). Не связан образ Аида и с растительным циклом. Образ жены Аида, Персефоны, имеет в этом смысле больше схожих с Осирисом черт¹³. Персефона, похищенная Аидом, не по своей воле стала царицей в загробном мире, так же, как и убитый Сетом Осирис. Она также олицетворяет умирание и возрождение растительности. На земле наступает зима, когда Персефона на одну треть года спускается в подземный мир, и все расцветает, когда она возвращается оттуда обратно¹⁴. Это довольно схожие с древнеегипетскими представления, и

⁸ Мифология древнего мира... С. 31.

⁹ Кулаковский Ю. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев, 1899. С. 23.

¹⁰ Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М., 1983. С. 149.

¹¹ Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб., 2003. С. 214.

¹² Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 173.

¹³ Фрэзер Дж.Дж. Указ. соч. С. 368.

¹⁴ Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1993. С. 100–101.

здесь опять же видна связь с природными циклами, характерными для той и другой цивилизации.

Еще одним божеством, непосредственно связанным в древнеегипетской мифологии с процессом перехода от жизни к смерти, является Анубис, бог-покровитель умерших, почитавшийся в образе черного пса или шакала, либо в виде человека с головой шакала¹⁵. Некоторые исследователи видят связь этого образа с образом древнегреческого Кербера — пса, охраняющего вход в царство Аида¹⁶. Однако связь здесь обнаруживается лишь во внешнем облике. Гораздо в большей степени схожи функции Анубиса с функциями другого греческого персонажа — Гермеса. Гермес, посланник богов, как и Анубис, является проводником душ умерших в загробный мир (психогогом)¹⁷. Он также является покровителем умерших, и даже имя его переводится как “куча камней”, “надгробие”¹⁸. Анубису, кроме всего прочего, принадлежат функции бога бальзамирования и мумификации. Для греческого же мира эти понятия чужды, поэтому ни на кого из богов подобные функции не возложены.

Что касается древнеегипетской мифологии, то здесь, пожалуй, больше не найдется богов, непосредственно связанных с явлением жизни и смерти. В переходе в иной мир человеку помогает Анубис, после чего умерший предстает непосредственно перед судом Осириса, о котором будет сказано ниже. В греческой же мифологии процесс жизни и особенно умирания представлен намного сложнее. Здесь больше как бы “непосредственных исполнителей”. Жизнь человека определяется роком, олицетворяемым мойрами. Кроме того, боги активно участвуют в судьбе каждого смертного. Определяют мойры и конец человеческой жизни. Он наступает тогда, когда мойра Атропос (“Неотвратимая”) перерезает нить жизни¹⁹. Далее механизм следующий: момент смерти определен, но сама смерть может быть разной, и в зависимости от этого ее приносят разные персонажи. Легкую и внезапную смерть несут стрелы Аполлона мужчинам, а Артемиды — женщинам (Ном. *Odys.* XI.198–199). Мучительную, долгую смерть от болезни несут Эринии (*ibid.* XI.280), три богини мести, ужасные на вид²⁰. Далее душа умершего переходит в руки Танатоса, олицетворяющего смерть (Ном. *Il.* XVI.672). В сопровождении Гермеса она отправляется в царство мертвых, где ее переправляет через подземную реку лодочник Харон, но лишь в том случае, если совершен погребальный обряд. В царстве мертвых душа пред-

---

¹⁵ Рубинштейн Р.И. Анубис // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 89.

¹⁶ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 87.

¹⁷ Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1993.

¹⁸ Смьшляева В.Л. Введение в историю античной культуры (Культура Древней Греции). Уфа, 1993. С. 23.

¹⁹ Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 2. С. 169.

²⁰ Грейвс Р. Указ. соч. С. 88.

стает перед самим Аидом и Персефоной и перед судом, тема которого возникает в более поздних вариантах мифа.

Если подробнее коснуться топографии царства мертвых в мифологии древнего Египта и древней Греции, то здесь тоже можно выделить общие и особенные черты. Начнем с того, что в обеих мифологиях местонахождение его связывают с западной стороной света. Закат в обоих случаях является символом смерти. Также в обеих культурах существует представление о том, что мир мертвых находится под землей, то есть это область подобная небу, но находящаяся под землей. В египетской мифологии это Дуат, в греческой — Тартар. Дуат — это подземное небо, по которому проплывает ночью барка бога солнца Ра²¹, Тартар — место, где залегают все концы и начала, это тоже “нижнее небо”.

Согласно древнеегипетской мифологии, покойный отправлялся на запад, в подземное царство, но его путь туда был сложен. На своем пути он встречал извилистые тропы, разделенные огненным озером. На берегах его душу подстерегали ужасные чудовища, запертые ворота. Чтобы разговаривать с чудовищами и отпирать двери, покойник должен был знать соответствующие заклинания, в чем ему помогал Анубис. Подземный мир разделен на участки, куда вели ворота и где имелись каналы, пещеры и холмы, охраняемые демонами²². После прохождения четырнадцати ворот умерший попадал в Чертог Двух Истин, где находятся 42 бога, перед которыми он произносил “Исповедь отрицания”, заверяя, что он невиновен в 42 преступлениях. Умерший предстал перед великой Эннеадой (девяткой египетских богов) во главе с Ра и подвергался с их стороны допросу. Суд над умершими осуществлял сам Осирис. Перед ним покойный предстает, когда его сердце взвешивается на весах (осуществляется психостасия). Анубис смотрит на стрелку весов, бог Тот с головой ибиса записывает результат. Вес сердца сравнивается с пером — символом богини истины Маат. Если весы останутся в равновесии, то умерший оправданным попадал на райские поля Иалу²³. Это место, где каждый занимается своим делом и получает достойную награду за свои труды, где всегда земля дает хороший урожай, то есть вариант идеальной земной жизни для египтянина. Если же стрелка весов отклонялась, покойный считался грешником и его сердце пожирало чудовище Амнат. Души грешных ждало посмертное наказание: они не могли соединиться с телом, чтобы

²¹ *Липинская Я., Марциняк М.* Указ. соч. С. 96.

²² Там же. С. 131.

²³ *Селиванова Л.Л.* Указ. соч. С. 82–84.

жить полноценной жизнью праведного покойника, существовали вниз головой, часто связанные, обезглавленные, во мраке и холоде²⁴.

Путь в греческий Аид лежит через Океан. Там, на западе, в мрачных подземных просторах, ниже которых только Тартар (Ном. II. XX.61–65), есть берег, на котором растет лес из ракит и черных тополей. Там текут, сливаясь, подземные реки: Пирифлегетон (“огнем пожирающий”), Кокит (“стенающий”), Ахеронт (“поток печали”), Лета (“река забвения”), Стикс (“ненавистный”) (Ном. Od. X.508–515). В царство мертвых души умерших перевозит через Ахеронт мрачный лодочник Харон²⁵. Тени умерших, то есть их призраки, бродят по асфоделевым лугам. Они бестелесны и лишены сознания и памяти, так как выпили воды из реки забвения Леты. Сознание и речь возвращается к ним лишь в том случае, если они напьются жертвенной кровью (Ном. Od. XI.146–149). Где-то в мрачных глубинах этого пространства, Эребе, находится дворец Аида и Персефоны (Hesiod. Theog. 767–768), там же восседает судья над мертвыми, Минос (Ном. Od. IV.564), а в более поздних вариантах мифа еще и Эак и Радаманф²⁶. Тема суда и посмертных наказаний появляется в греческой мифологии позже. У Гомера, например, упоминаний об этом крайне мало, а загробная кара обрушивается у него лишь на героев, причинивших вред богам, таких, как Титий, Тантал и Сизиф (Ном. Od. XI.576–600). В остальном же нет в Аиде различий между душами, здесь все они влекут одинаково безрадостное существование. И нет у них возможности из него выйти. Ни одна душа не может покинуть царство Аида, и следит за этим ужасный пес Кербер²⁷.

ом мире. Попадание в египетский сопряжено со многими трудностями, но там, при условии праведной жизни на земле, душу ждет блаженство. Греческое царство мертвых неизбежно так же, как невозможно оттуда выбраться. Это отражает отношение к жизни и смерти в обеих этих культурах. Однако в греческой мифологии для покойного все не настолько плохо, потому что существует такая область как Элизиум (Елисейские поля), куда должны попадать души особо отличившихся хорошими делами людей. Там души умерших вели беззаботное счастливое существование. Только боги могли отправить туда человека после смерти²⁸. Вряд ли это место могло находиться в мрачных глубинах подзе-

---

²⁴ Мифология древнего мира. С. 12.

²⁵ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Указ. соч. С. 181.

²⁶ Тахо-Годи А.А. Аид // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 52.

²⁷ Там же.

²⁸ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 24.

мелья Аида, где кроме всего вышеперечисленного находилось жилище сумрачной Никс (ночи), ее сыновей Гипноса и Танатоса (сна и смерти), на которых никогда не взирает Гелиос (солнце) (Hesiod. *Theog.* 744–766). Здесь же дом ужасной богини Стикс и Гекаты, богини колдовства. Здесь же обитают Эринии, богини мести, несущие смерть²⁹.

На основании сделанных выше наблюдений, мы можем составить некое представление о том, как воспринимались такие явления как жизнь и смерть в древнеегипетской и древнегреческой культурах. Мы нашли некоторые общие черты, касающиеся этих понятий, но в то же время мы видим, насколько различна концепция жизни и смерти в этих цивилизациях на рассматриваемых этапах.

Для египтянина смерть — это закономерное явление, которого он ожидает в течение всей жизни, к которому готовит себя, с ней он связывает лучшие свои надежды. И надежды эти должны оправдаться, если будет соблюден ритуал, обеспечивающий сохранение всех составляющих человеческого естества (таких как тело, физический двойник “ка”, душа “ба”, ум “ху”, тень, имя и др.³⁰). Отсюда такой развитый заупокойный культ. Земная жизнь египтянина — это тяжелый труд, постоянная борьба за существование, борьба с природой. Посмертная же жизнь — это вечно цветущая долина подземного Нила, дающая достойное вознаграждение за труд. Загробная жизнь для египтянина — это, с одной стороны, продолжение земной, а с другой, вознаграждение за нее. Там, по его представлениям, его ждет все то, чего хотелось бы ему иметь в настоящей жизни. Поэтому смерть для него — радостный момент, а жизнь — подготовка к этому великому моменту.

Мифологические представления древних греков выражают совершенно другое отношение к ценности жизни и к смерти. Здесь ясно видно, что ценность заключается именно в земной жизни. После смерти нет ничего, что могло бы заставить грека мечтать о ней, готовить к ней себя заранее. Ему может быть хорошо только “здесь и сейчас”.

В заключение, возвращаясь к проблеме факторов, обусловивших своеобразие мифологического восприятия жизни и смерти в Египте и Греции, необходимо отметить, что исследователи обращают особое внимание на степень выделенности индивидуального начала в той или иной культуре³¹. Там, где степень индивиду-

²⁹ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 152.

³⁰ Селиванова Л.Л. Указ. соч. С. 88.

³¹ Эта проблема находит отражение в работе: Обидина Ю.С. Развитие идеи бессмертия в античности с древнейших времен до утверждения христианства. Йошкар-Ола, 2003.

ального начала незначительна (древний Египет), то конец существования человека не осознается как проблема; там же, где это индивидуальное начало сильно (древняя Греция), смерть воспринимается трагически.

М.А. Богатов (Саратов)

ТРИ ВОПРОСА ОБ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕГОДНЯ

...Можно, правда, питать надежду, что искусство все больше и больше будет расти и усовершенствоваться, но его форма перестала быть самой высшей потребностью духа. Мы можем сколько угодно находить превосходными греческие статуи богов, достойными и совершенными изображениями Бога-Отца, Христа и Марии, — это ничего не изменит: мы все же не преклоним колен.

*Георг Вильгельм Фридрих Гегель*¹

1. Вопрос об актуальности античной философии

Словами, вынесенными в эпиграф, Гегель публично охарактеризовал убывающую роль искусства в современную ему эпоху, возлагая надежды на господство рефлексивного, философского знания. Искусство еще здесь, оно будет продолжать свое существование, но оно сдало свои властные полномочия в университетскую среду. Отныне нужны не герои, как в период межвластия (довластия), но цивилизованные в своих образованности и самосознании граждане. Это — четкая позиция Гегеля, низводящая искусство, каким оно выступало у греков, до чистой служебности в реалиях первой половины XIX в. Нашей целью, однако, вовсе не является изложение позиции Гегеля по данному вопросу; к тому же, можно не без оснований предположить, что она общеизвестна. Речь пойдет о другом — о роли греческой мысли в сегодняшнем гуманитарном образовании, о некоторых частных аспектах, по которым можно судить о сдающей свои позиции значительности античности в наше время.

В этом смысле процитированные слова Гегеля можно с полным правом отнести к самой философии сегодняшнего дня. И, соответственно, к той наиболее фундаментальной ее части, которую принято относить к рубрике “античная философия”. Здесь необходимо подвергнуть рассмотрению эту самую фундаментальность и попытаться проследить причины, вследствие которых она сегодня стремительно теряет свою актуальность.

Сразу стоит отметить, что когда мы говорим о снижении актуальной — т.е. действительной, — роли античной философии в гуманитарных науках, мы вовсе не хотим тем самым сказать, что философия греков перестает преподаваться в высших учебных заведениях, не издаются соответствующие источники и исследования. Как раз наоборот: рубрика “античности” прочно заняла свое место в учебных планах образовательных программ для философов, а сама философия —

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1938. Т. VII. С. 107.

в учебных планах всей системы высшего образования в принципе. Но разве распространённость есть критерий актуальности? Наш вопрос касается именно роли античности в философии не лишь образовательного, но к тому же живого, исследовательского толка. Насколько актуальна, скажем, философия Анаксимандра или Гераклита для ученого, собирающегося раскрыть в собственном исследовании одну из значимых современных проблем?

Ответ на этот вопрос будет несколько удручающим не только для роли античности, но и для самой философии в принципе — она не обращается к своему наследию тем больше, чем чаще привлекает в качестве своего предмета такие области, которые саму ее низводят до статуса чисто функциональной дисциплины: от общеобязательного курса философии в университетах, институтах и академиях до исследований, посвященных проблемам современного менеджмента в контексте снижения стратегических рисков в бизнесе крупных корпораций. Какова здесь роль Гераклита?

Решая вопрос о роли античной мысли в современной философии, мы с необходимостью упираемся в проблему самоопределения философии как таковой. Измерить степень значимости знания можно только там, где само знание понимается как результативное, функциональное, изначально измеряемое. С такой позиции античная мысль — это общее место для студента любой философской специальности; это то, что необходимо знать каждому. Необходимо ли? Или же это можно обойти? Эти вопросы подпадают под тему трансформации отношения к истории в наше время.

...Если, с одной стороны, бесчисленное множество разумных вещей ведется самым безрассудным образом, то, с другой стороны, встречаются и безрассудства, которые проводятся очень разумно.

Шарль Монтескье²

2. Вопрос об историческом подходе к античной мысли

Современная эпоха демократизации привносит в гуманитарные дисциплины требование понимать другое в качестве другого, не осуществляя над его чуждостью акта метафизического насилия, в результате которого другое было бы тоталитарно уподоблено тому, кто к нему обратился. Традиция передачи исторического знания с этой позиции может быть подвергнута обвинению в господстве просвещенческой идеологии, когда все, что было до нас суть лишь предваряющая наше собственное появление ступень, к которой мы и должны соответственно относиться. Самый яркий пример подобной позиции — это “греки и варвары” как критерий деления мира для Аристотеля, “дикость туземцев” и “бесчеловеч-

---

² Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 614.

ность дикарей” для мыслителей (включая Канта) и политиков XVII – XVIII вв. Такой мир истории действительно лишается своей чуждости, статуса своего собственного существования; человечество есть большая семья. Те эпохи, народы и события, которые не вписываются в подобную картину единого рода, исключаются из истории в качестве случайных, периферийных, служебных. Несмотря на такое исключение, в подобном представлении есть одно позитивное начало — история предстает единой, у нее имеется определенная интенция развития.

Но именно такая универсальность и мешает понять по существу чуждое нам. А это значит: мы постигаем в истории лишь то, что стремимся постичь, к чему уже заранее готовы. Или, выражая то же самое более радикальным образом: мы придумываем свою историю, и поэтому совершенно не способны принять действительное в качестве такового. Так понятая история не учит нас тому, чему мы не хотим у нее учиться. Вся ответственность за восприятие и передачу былого ложится на плечи того, кто обращается к истории с собственными ожиданиями. Он должен быть образован таким образом, чтобы желать от истории того, что она ему преподнесет в собственной полноте. И в подобном случае, когда сама система образования берет на себя часть ответственности за былое, мы можем говорить о классической традиции образования³. Именно она подвергается — с середины XIX в. и по сегодняшний день включительно, — критике за игнорирование прав исключенных из единой линии исторического развития вследствие их чуждости, принципиальной невписываемости в единое и стройное понимание.

Как мы отметили с самого начала, подобная критика исходит из определенным образом организованной структуры самой современной эпохи, из демократизации как существенного предиката всего наличествующего. Предикат “демократическое” должен быть приписан и к историческому пониманию всех без

---

³ Именно в XIX в. формируется окончательный подход к подобной традиции образования. В качестве такого рода историко-философских исследований, с одной стороны, утверждающих, а с другой — закрепляющих традиционный подход к истории античной мысли мы могли бы назвать “Философию греков” (1844–1852) в шести томах Эдуарда Целлера (1814–1908), много томную “Историю новой философии” (1852–1877) Куно Фишера (1824–1907), С другой стороны, именно в то же время начинается разложение указанной традиции отношения к античности, которое мы символически можем связать с уходом Ф. Ницше (1844–1900) из лагеря филологов-классиков вследствие публикации им своей работы “Рождения трагедии из духа музыки, или Эллинизм и пессимизм” (31 декабря 1871 г.). Чуть ранее, в письме Вагнеру, Ницше писал об устоявшейся традиции отношения к грекам: “Надо обновить идею эллинизма, так как мы пользуемся общими ложными данными... Греки верили в то время, подобно современным европейцам, в фатализм естественных сил, в то, что должны сами создать себе и добродетель, и богов... Между греками и нами можно провести полную параллель: пессимизм и мужественная воля созидания новой красоты” (цит. по: *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше. Ростов-на-Дону, 1998. С. 80–81.

исключения эпох — именно для того, чтобы они якобы предстали перед нами в полном раскрытии их сущности и без излишних случайностей. К примеру, мы можем понять, что данный строй является тоталитарным, если мы подойдем к нему демократически, дадим ему право высказать и проявить себя полностью. Демократическому пониманию здесь приписывается та же самая универсальность, которая отбирается им у “тоталитарной” просвещенческой идеологии. Чтобы постичь чуждое демократическому мироустройству в истории, само понимание истории должно стать демократическим; это именно тот принцип, который выдвигается со времени окончательного формирования историзма⁴, причем, само это “должно стать” требуется с невероятной тоталитарной настойчивостью, закрепляемой на институциональном уровне образовательных структур.

Как видно, речь здесь идет не об истине в истории, но об определенной очередной ее идеологизации за счет которой мы стремимся решить наши собственные проблемы. Почему же это с необходимостью происходит за счет античности в том числе? Во-первых, потому что она является частью нашей общей истории. Во-вторых, именно в ней скрыто то, что заставляет нас вновь и вновь спрашивать себя о себе же самих. Способны ли мы сегодня на раскрытие этого побуждающего?

3. Вопрос о нашем понимании действительности

Когда мы спрашиваем о возможности античной мысли сегодня раскрыться в качестве действительной, а не лишь исторически свершенной, мы должны учитывать то обстоятельство, что наша эпоха, с одной стороны, совершенно не способна к восприятию простого (каким является по существу греческая философия) и, с другой, ставит себе в качестве ценности воспитание и сохранение собственной идентичности.

В подтверждение первого тезиса, ограничиваясь рамками статьи, можно привести несколько высказываний, звучащих из современности, относительно понятий, вырабатываемых греками: “что касается апейрона, то это уже полностью мысленный конструкт, существующий только в эфире чистых тождеств абстрактного мышления и ближе всего соответствующий более позднему понятию бытия”⁵; “у Анаксимандра и Гераклита абстрактное начало толкуется как некая мысленная конструкция (апейрон и логос соответственно), которая обретает свое

---

⁴ Наиболее подробное классическое исследование по историзму см.: *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М., 2004.

⁵ *Лигалев А.* Призрачная реальность культуры (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград, 2003. С. 190–191.

тело лишь в словесно-знаковой материи языка”⁶; “природа по сравнению с миром — это плод абстракции, это то, что остается от мира, если воспринимать его чисто созерцательно”⁷... Мы усложняем бывшее, чтобы нам проще было его воспринять. От современного отношения к античной мысли словно бы скрылось значение простого. Безусловно, немалую роль в становлении подобной сложности ради простоты сыграла французская школа семиотики, утвердившая в итоге, что реальность есть набор знаков, в которой отсутствует само означаемое, простое; мы вправе употребить здесь понятие симулякра как способа отношения к действительности⁸. Это крушение надежд классического структурализма заставляет воспринимать простое не в качестве существующего как такового, но как игру/произведение/проекцию других элементов. Античность закрывается от нас нашими собственными ожиданиями.

В качестве оппозиции можно было бы предложить сознательное противостояние усложнению, интенция упрощения философии античности (когда заявляется, что, например, Платон говорил только то, что говорил, ничего не имея в виду сверх сказанного — и игнорируется непреодолимая двусмысленность такого “простого” заявления). Но и в этом случае идет та же самая игра идеологизации, не имеющая отношения к истории мысли. Она не проще и не сложнее: *она другая*. Что требуется для того, чтобы понять хотя бы это? — вопрос выходящий за рамки статьи.

Но если необходимо было бы указать на горизонт, который открывается подобным вопросом, мы здесь должны были бы обратиться к ценности самоидентичности. Понять другое без уподобления самому себе, без тоталитарного поглощения и уравнивания можно лишь в одном случае: когда понимающий готов отказаться от своей самости, когда он готов к тому, что неизвестно в принципе. В последнем предложении нет противоречия: подготовиться к тому, что неизвестно — это значит быть согласным на то, что завтра может не наступить; или понимающий другое завтра не сможет вспомнить своего вчера. Разве не это приближение к смыслу становления у того же Гераклита?

Именно здесь мы впервые вступаем в область действительного, а не искусственно воспроизведенного под лозунгом “действительного”. И только здесь актуализируется греческая мысль — по живому, не функционально, — поскольку

⁶ Пигалев А. Призрачная реальность... С. 249.

⁷ Слинин Я. Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии // М. Хайдеггер. Сборник статей. СПб., 2004. С. 109.

⁸ Именно такое понимание: симулякра как отношения к объекту, *действия*, а не самого объекта мы встречаем в исследовании: Спиридонов Ю. Феномен “укоренности-в-бытии” в контексте онтологии М. Хайдеггера. Саратов, 2004. С. 38–40.

греки находились именно перед лицом такой же действительности, которая не может никому гарантировать коммунальные удобства цивилизованного быта. Способны ли мы мыслить в подобных условиях, в такой неусложненной простоте? Лишь в зависимости от ответа на этот вопрос решится судьба нашего собственного времени, которое, словно запертое в надежном сейфе — и, в то же время, на виду у всех, — хранится под замком истории античной мысли.

Л.М. Шмелева (Казань)

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С.П. И Д.П. ШЕСТАКОВЫХ
В 20–30-е ГОДЫ XX в.

В когорту видных профессоров историко-филологического факультета Казанского университета начала двадцатого века входили известные ученые — доктора греческой словесности братья С.П. и Д.П. Шестаковы. Старший из них — Сергей Петрович Шестаков (1864–1940) — 1917 г. встретил в должности заслуженного ординарного профессора и декана историко-филологического факультета, а Дмитрий Петрович (1869–1938) — в должности ординарного профессора кафедры греческого языка и словесности. Большинство профессуры Казанского университета не приветствовали революционных изменений в стране после февраля 1917 года. Академические традиции в Казанском университете были столь сильны, что на первый взгляд казалось: ничто не может их поколебать. Университетская администрация и профессура не желали изменений, даже если эти изменения предлагало им Временное правительство, политику которого они в целом одобряли. Соответственно к мероприятиям большевиков профессура отнеслась с еще большим неприятием¹.

В известном смысле водоразделом в жизни университета стал июнь 1918 г., когда профессорская корпорация оказалась перед проблемой определения курса жизни в новых политических условиях. Она связывалась, прежде всего, с выбором ректора университета. В условиях политической нестабильности и начавшей в 1918 г. гражданской войны ни один из профессоров Казанского университета не желал брать на себя управление университетом — все отказывались от исполнения обязанностей ректора. Причины отказов были разные, но в основном мотивировали их не политическими причинами. Первым, кому пришлось определяться, оказался старейший из деканов — С.П. Шестаков, который на основании 421 ст. XI т. Свода Законов Российской империи первым должен был вступить во временное исполнение обязанностей ректора. Выдвинутая мотивировка отказа от исполнения обязанности ректора явно свидетельствовала и о растерянности профессора, и о его явном нежелании брать непосильную ношу. Шестаков говорил о том, что, “принимая на себя должность декана, он имел в виду определенный круг обязанностей, что сильно утомленный за учебный год он рассчитывал на необходимый ему отдых и что профессор Д.А. Гольдгаммер, имеющий специальное от Совета поручение исполнять должность ректора, так

¹ Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 годы // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 150.

внезапно отказался”². Университет не мог остаться без ректора. В результате прений было определено отложить выборы ректора до начала нового учебного года и просить профессора Д.А. Гольдгаммера исполнять обязанности ректора, но он 5 июля категорически отказался от ректорской должности и Совет постановил, что должность переходит к старейшему из деканов. Сергею Петровичу Шестакову пришлось исполнять обязанности ректора до начала августа 1918 г., когда и.о. ректора снова стал Д.А. Гольдгаммер³.

События августа 1918 года потребовали конкретного определения позиции по отношению к новому режиму. После захвата Казани войсками Народной армии Самарского правительства Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), университетская профессура разошлась в позициях. Многие поддержали Комуч, в том числе и Совет Казанского университета. Отчасти этому способствовало проявление активного внимания Самарского правительства к проблемам образования и науки. За резолюцию проголосовали 35 членов совета⁴, при том, что почти одна треть членов Совета находилась вне Казани.

После занятия Казани Красной армией профессор Д.А. Гольдгаммер был арестован 11 сентября ВЧК по борьбе с контрреволюцией. В соответствии с правилами и.о. ректора снова стал С.П. Шестаков⁵. Вечером того же дня были арестованы все члены Совета университета. Вскоре они были освобождены, кроме профессора Д.А. Гольдгаммера. В этой ситуации С.П. Шестаков исполнял должность ректора до 8 октября 1918 г., когда передал исполнение этой должности профессору В.В. Ивановскому.

Все эти события сильно отразились на состоянии здоровья Сергея Петровича, и на заседании Совета университета 12 октября 1918 г. он просил ректора и Совет университета освободить его от обязанностей декана “вследствие болезни и крайнего переутомления административной и канцелярской работами, а также в виду невозможности иметь более досуга для обработки новых объявленных мною курсов, в частности в учебно-просветительской ассоциации”⁶. Решением Совета С.П. Шестаков был освобожден от занимаемой должности.

Однако прошедшие несколько дней спустя выборы на историко-филологическом факультете показали, что примерно такая же обстановка нежелания сотрудничества с новой властью была и здесь. Поэтому не удивительно, что избранным деканом вновь оказался С.П. Шестаков, имеющий некоторый опыт сотрудничества с властью большевиков.

---

² Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Протоколы заседаний Совета университета. 1918 г. Л. 168.

³ Там же. Л. 178–206.

⁴ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 152.

⁵ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 225.

⁶ Там же. Л. 236–237.

С осени 1918 года начинается реформирование высших учебных заведений. Осуществлялось это реформирование в направлении коренного изменения существующего учебного процесса и структуры факультетов, и в первую очередь это касалось гуманитарных факультетов. Первые меры в плане реорганизации высшей школы были предприняты СНК в декабре 1918 г., когда были отменены все ученые звания, ученые степени доктора и магистра и были назначены перевыборы на всех кафедрах.

Проведенные перевыборы профессоров не внесли никаких изменений в состав преподавателей факультета: все профессора были переизбраны на свои кафедры⁷. После этого С.П. Шестаков вновь избирается деканом историко-филологического факультета. В этот период Сергей Петрович читает в университете курсы по истории греческой литературы и греческим частным древностям, а также ведет занятия по изучению греческих элегических поэтов, по греческой диалектологии, по греческой эпиграфике. Эти курсы он читает на славяно-русском и классическом отделениях. Кроме того, он ведет элементарный курс греческого языка для студентов всех отделений факультета⁸.

Попытки преобразования историко-филологического факультета начались с весны 1919 года. 3 марта 1919 года было издано Постановление Наркомата просвещения о создании факультетов общественных наук (ФОНов) на основе слияния юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета. Этот проект вызвал сильный протест преподавателей как историко-филологического, так и факультета общественных наук. Сергей Петрович считал такое слияние преждевременным, тем более что в программу исторического отделения были уже введены некоторые общественные дисциплины. “По моему убеждению, как декана факультета, дальше этого мы пока идти не можем и оснований не имеем”, — говорил С.П. Шестаков на объединенном заседании Историко-филологического факультета и факультета общественных наук⁹.

Комиссией из профессоров ИФФ и ФОНа, в которую входил и С.П. Шестаков, была предложена программа слияния двух факультетов, предусматривающая открытие 7 отделений: экономического, юридического, исторического, классической филологии, словесное, восточное, философское. “Такой единый факультет оправдывался бы теоретически, так как все науки указанных циклов изучают различные стороны социальной жизни человека и потому самым тесным образом связаны между собой. Он оправдывался бы и практически: необходимостью для всех отделений одних и тех же пропедевтических наук, как-то

⁷ НАРТ. Ф. Р.-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁸ Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 12–13.

⁹ НАРТ. Ф. Р.-1337. Оп. 2. Д. 1. Протоколы заседаний историко-филологического факультета. Л. 65.

наук философских, политической экономии, социологии, общих исторических курсов”, — таково было обоснование предложенного соединения двух факультетов¹⁰. Однако на таких условиях соединить факультеты не удалось. И факультет общественных наук был создан только из бывшего юридического факультета.

Последним испытанием для факультета было упразднение в российских университетах с 1 июля 1921 года историко-филологических факультетов и создание на их базе факультетов общественных наук, “имеющих задачей создание кадров научно-подготовительных — практических работников социалистического строительства”¹¹. Однако и здесь С.П. Шестаков предлагает вариант слияния двух факультетов, предусматривающий сохранение имеющегося в Казани потенциала развития гуманитарных исследований. “В виду закрытия историко-филологического факультета возникает необходимость озаботиться о том, чтобы в РСФСР не вымерла исследовательская работа в области гуманитарных наук и чтобы не прекратилось их развитие” было предложено в рамках ФОН образовывать 5 институтов: лингвистики, философии, психологии и педагогики, литературы и истории¹². В НАРТ в фонде Казанского университета сохранилось дело “Материалы по организации ФОНа и упразднении ИФФ”, в котором представлены и программы исследований по всем пяти институтам¹³.

Все эти предложения факультетов были направлены на сохранение филологического и исторического образования, однако не были осуществлены. Факультет общественных наук просуществовал недолго, до августа 1922 года, когда он вошел в состав Восточного педагогического института (ВПИ).

В 1921–22 учебных годах С.П. Шестаков на ФОНе читал курс по истории античного социализма. Задача этого курса, по словам лектора, состояла в том, чтобы проследить развитие теории социалистических учений от античной древности (Греция и Рим) до нового времени. Изложение социалистических теорий предлагалось в связи с экономическим и социальным положением в обществе. Предполагалось дать обзор источников и литературы по истории социалистических теорий в древности и в новое время, указать на связь античных и современных идей, на утопичный характер социалистических теорий в древности и новое время, рассмотреть отношение к собственности, к классовой дифференциации и т. д. Для этого С.П. Шестаков привлек большой круг трудов по истории нового социализма¹⁴.

На факультете общественных наук С.П. Шестаков продолжал читать лекции по истории Византии и преподавать греческий язык. Кроме того, он стал читать лекции по истории Древнего Востока, историю греческой и итальянской литера-

---

¹⁰ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 67.

¹¹ Официальные сообщения // Вестник народного просвещения ТССР. 1921. № 2. С. 54.

¹² НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 60б – 90б.

¹⁴ Там же. Ф.Р-1337. Оп. 27. Д. 13. Л. 52–53.

туры, а также вел занятия по итальянскому языку¹⁵. В 1921 и 1922 гг. Сергей Петрович подавал прошения о разрешении ему командировок в Москву и Петроград на летнее время. Целью обеих командировок было завершение учебных курсов и статей. Однако мы не имеем сведений о том, состоялись ли эти командировки и каковы их результаты.

После революции 1917 года и до закрытия историко-филологического факультета в июне 1921 г. Дмитрий Петрович Шестаков преподавал в Казанском университете на кафедре греческого языка и словесности. Он вел занятия по греческому и латинскому языкам, читал лекции по среднегреческой литературе. После смерти в 1918 г. проф. Д.И. Нагуевского он взял на себя преподавание всех его курсов. На факультете общественных наук преподавал историю Греции, историю религий древнего мира, историю польской литературы XIX в., историю античной литературы.

Параллельно С.П. и Д.П. Шестаковы работают и в других высших учебных заведениях Казани.

В 1917 г. создается Северо-восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ), включавший несколько отделений. С 1919 г. С.П. Шестаков был деканом археологического отделения¹⁶. На этом же отделении С.П. Шестаков читал курс общей и византийской палеографии и курс доисторической культуры Эгеиды на археологическом отделении, а также лекции по древним языкам, византийской литературе. На археологическом отделении он читал лекции по Греко-римской археологии. Из сохранившегося отчета по курсу “Общая и византийская палеография” видно, что студентам давалась обширная подготовка по этому предмету, включавшая ознакомление с историей развития письменности, разбор стилей письма, основательное знакомство с папирусами. Привлекались публикации папирусов в качестве учебных пособий¹⁷.

Д.П. Шестаков также преподавал в СВАИЭ, где читал лекции студентам Восточного отделения о связях греков с восточными странами¹⁸.

В 1920–23 годах в Казани действовала Восточная Академия. Сюда же в 1920 году был включен СВАЭИ. С.П. Шестаков преподавал в Восточной Академии, где читал лекции по истории Древней Греции и Востока. Дмитрий Петрович также читал здесь курсы лекций. В 1923 году Восточная Академия была включена в состав Восточно-педагогического института. С закрытием ФОНа и Восточной Академии ВПИ остался единственным учебным заведением с гуманитарными науками в Среднем Поволжье. В ВПИ существовали 2 исторические кафедры: русской истории и всеобщей истории. В состав последней и

¹⁵ НАРТ. Ф.Р-1337. Оп. 27. Д. 13. Л. 25.

¹⁶ *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный Археологический и Этнографический Институт в Казани // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 84.

¹⁷ НАРТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 53-54.

¹⁸ Там же. Оп. 2л. Д. 14. Л. 7.

вошли С.П. и Д.П. Шестаковы. С.П. Шестаков в ВПИ читал курс “История античной культуры”, курс по истории Древней Греции. В период работы в ВПИ заведует Археолого-нумизматическим музеем¹⁹.

В ВПИ Дмитрий Петрович читал лекции по античной и западноевропейской литературе; он заведовал там кабинетом античной культуры (бывшая библиотека классической филологии). В 1923/24 учебных годах читал курс истории Рима и новой истории²⁰.

Сохранился один из отчетов Дмитрия Петровича о преподавании западноевропейской литературы. Этот курс читался на втором курсе словесного отделения. В лекциях предполагалось дать общую историческую ситуацию, которая предвляла изложение собственно истории литературы со времени падения Западной римской империи до начала XVIII в. Часть лекций была посвящена выяснению того, как те или иные события отражались в западноевропейской литературе. Например, была прочитана тема “Столкновение между церковью и государством и отражение этого в литературе”, было уделено внимание и эпохе крестовых походов. Большое внимание в курсе уделяется народной литературе и трудящимся массам, в частности крестьянству.

Параллельно Сергей Петрович работает и в Казанском университете, где является лектором латинского языка на медицинском факультете и итальянского на Факультете общественных наук. Сотрудничает С.П. Шестаков и с рабфаком, где он также преподаёт языки — немецкий и латинский²¹.

Радикальные изменения в общественно-политической жизни российского общества после Октябрьской революции оказали сильное влияние на развитие исторической науки в стране. Это нашло свое отражение в изменившейся тематике исследований и в снижении интенсивности исследовательской деятельности, хотя последнее, скорее, выражалось в количестве публикаций, а не в действительных исследованиях и планах научной деятельности ученых. Очень часто многие исследования оставались в рукописях, так и не увидев свет. В 20-е годы практически прекратилась исследовательская работа по всеобщей истории в Татарстане. Большинство историков или покинули Казань, или прекратили свою научную деятельность. С.П. Шестаков продолжал заниматься научной деятельностью.

В 1921 г. при закрытии историко-филологического факультета обсуждался проект организации пяти гуманитарных институтов. К проекту был приложен перечень исследований, предполагавшихся на каждом из них. С.П. Шестаков предполагал осуществить следующие исследования в институте лингвистики и литературы: “исследование языка позднего аттицизма”, “исследование творчества новогреческих поэтов”.

---

¹⁹ НАРТ Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 94. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 53. Л.6; Оп. 1л. Д. 94. Л. 5; Оп. 1. Д. 39. Л. 3, 4 об.

²¹ Архив Российской Академии Наук. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 3.

Но больший интерес для него представляло изучение истории Византии. Здесь от исследования источников он переходит к исследованию собственно исторических проблем, хотя источники продолжают его интересовать. Предполагались следующие программные сюжеты: “Внутреннее положение Византийской империи в IV в. (по произведениям Либания и других)”, “Культурные отношения Византии и западных стран”, изучение положения промышленного торгового классов. Из источниковедческих тем он наметил разбор Летописи Продолжателя Феофана с исторической точки зрения²². На разработку программ практических занятий влияла новая идеология. Так, на занятиях по истории Византии предполагалось рассматривать положение трудящихся масс и делать это исключительно по источникам. Таким образом, С.П. Шестаков пытался сохранить традиции исторического образования, но в то же время приспособить тематику своих курсов к официальному направлению в исторической науке.

В период работы в ВПИ им были подготовлены работы: “Античный социализм и его связи с социализмом нового времени”, “Трудовые массы в древнем мире, их организация и зарождение кооперации” (1921). В 1922 г. С.П. Шестаков начал разработку следующих тем: “Положение земледельческого и ремесленного классов в византийскую эпоху, по данным папирусов”, “Проблема происхождения скифов, по данным литературных и археологических источников”, “Религиозные и моральные искания IV в. по Р. Хр. в произведениях Юлиана Отступника и Либания”.

Но эти работы, тематика которых явно отвечала новым потребностям и установкам, ученому не удастся опубликовать. Поэтому он все чаще обращается к переводческой деятельности и исследованию языков народов Поволжья. С февраля 1928 года Шестаков становится сверхштатным преподавателем финского языка в Восточно-педагогическом институте на марийском и вотском отделениях. Предварительно он провел большую работу и подготовил к печати ряд работ по финно-угорской филологии. А.С. Шофман отмечает, что в это время он большое количество докладов по этой тематике читает на заседаниях этнографической секции ОАИЭ и на научных собраниях в ВПИ²³, однако и эти работы остались неопубликованными. В 1920-е годы С.П. Шестакову удалось опубликовать несколько работ по истории Византии²⁴ и Древней Греции²⁵.

²² НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

²³ Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 16.

²⁴ Шестаков С.П. Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2.; *его же*. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 // ВВ. 1926. Т. 24.; *его же*. К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. Отд. оттиск из сборника “Byzantinoslavica”. 1929. Т. 1; *его же*. К вопросу об авторе продолжения Феофана // Deuxieme Congres International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929.

Дмитрий Петрович воспринял происходившее в стране очень трагично. По свидетельству его сына, Петра Дмитриевича, однажды Дмитрия Петровича застали сжигающим свои бумаги. “На вопрос, зачем он это делает, Дмитрий Петрович ответил, что теперь все это потеряло значение, никому не интересно и не нужно”, — вспоминает его сын²⁶.

В летние каникулы 1925 года Д.П. Шестаков поехал во Владивосток к сыну. Природа Дальнего Востока так полюбилась Дмитрию Петровичу, что он, получив по окончании каникул отпуск без сохранения заработка в ВПИ, остается во Владивостоке, становится научным сотрудником Дальневосточного университета. Там он работает в качестве ученого секретаря издательства университета и референта по иностранной литературе университетской библиотеке. Дмитрий Петрович пишет в это время ряд работ по методике преподавания иностранных языков.

В 1926 г. ему была назначена профессорская академическая пенсия, что позволило больше времени посвящать поэтическому творчеству. В период жизни во Владивостоке им было написано около 250 стихотворений, которые признаются лучшими в его поэтическом наследии.

В 30-е годы и С.П. и Д.П. Шестаковы находились в Казани. Дмитрий Петрович возобновляет свою научно-педагогическую деятельность в ВПИ (с 1934г. — Казанский государственный педагогический институт). Будучи академическим пенсионером, он до последних дней жизни работает в качестве внештатного профессора греческого языка, проводя занятия с аспирантами исторического факультета КГПИ. Умер Дмитрий Петрович в июне 1937 года в Казани от инфаркта миокарда²⁷.

С.П. Шестаков до 1933 г. остается лектором латинского языка на медицинском факультете, немецкого на рабочем факультете КГУ. С 1936 г. он работает в Научной библиотеке Казанского университета, где составляет каталоги античной и средневековой литературы, и каталог редких книг из собрания библиотеки.

В июле 1931 годы готовилось обвинительное дело “О контрреволюционной деятельности группы профессоров и преподавателей Казанского Восточно-педагогического института и Казанского университета и его студенческих разветвлений в тех же вузах, обвиняемых по ст. 58-11 УК РСФСР”. Среди арестованных по этому делу оказался и С.П. Шестаков. Однако большинство арестованных историков было выпущено²⁸.

---

²⁵ Шестаков С.П. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. 1923. Т. 32. Вып. 2; Шестаков С.П. Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Жебелевым в ОГН 29 октября 1929) // Доклады АН СССР. 1929.

²⁶ Его же. Стихотворения // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 21. Ед. хр. 12. Л. 155.

²⁷ Там же. Л. 102–105.

²⁸ Литвин А.Л. Репрессированная наука // Эхо веков. 1998. № 3–4. С. 206.

В этот же период С.П. Шестаков знакомится с профессором анатомии В.Н. Терновским, который увлек его работой над переводом труда Андрея Везалия “О строении человеческого тела”. Часть этого перевода была издана в “Ученых записках Казанского университета” в 1930 г.²⁹

В.Н. Терновский начал работать над переводом еще в 1920-е годы, в начале 1930-х он переезжает в Казань, где работа была продолжена уже в сотрудничестве с С.П. Шестаковым. В 1934 г. была начата переписка с Академией наук об издании перевода. В результате перевод был включен в издательские планы на 1937 г. Института истории науки и техники АН СССР. Однако изданию помешала ликвидация этого института в 1938 г. И полностью перевод труда Андрея Везалия “О строении человеческого тела” был издан лишь в 1950–1954 гг. в 2-х томах объемом около 1000 страниц каждый³⁰.

В конце 30-х годов С.П. Шестаков был приглашен к сотрудничеству Институтом мировой литературы им. М. Горького для написания глав в учебник по истории древнегреческой литературы. С.П. Шестакову было предложено написать главы о греческом эпосе, его развитии, поэмах Гомера и гомеровском вопросе. В протоколах заседаний секции античной литературы находятся материалы обсуждения глав, представленных С.П. Шестаковым. Все признавали высокую научность текста, однако были сделаны и замечания, в частности, критиковалась тяжеловесность стиля автора, более пригодного для научной статьи, чем для учебника, отсутствие выводов, а также следование в некоторых вопросах за Эд. Мейером, что было неприемлемо. На заседаниях было решено переделать присланные тексты С.П. Шестакова в более приемлемые для учебника. Работа эта была поручена Б.В. Горнунгу и Ф.А. Петровскому³¹. Учебник был написан к 1940 г., однако издан был лишь в 1946 г. В итоге С.П. Шестаков значился автором раздела о греческом эпосе и нескольких параграфов раздела о греческой драме.

Умер Сергей Петрович Шестаков в 1940 году в Казани. Академик М.М. Покровский на заседании секции античной литературы в Институте мировой литературы, сообщая о смерти С.П. Шестакова, дал ему такую характеристику: “Это был человек широкого филологического образования, не только эллинист-классик, но и очень опытный византист, который имел заслуженную известность”³².

²⁹ См.: Андрей Везалий. О строении человеческого тела / Перевод (с изд. 1725 г.) члена-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского // УЗКУ. 1930. Т. 90. Кн. 2, 6.

³⁰ *Его же*. О строении человеческого тела / Пер. чл.-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского. М.: Изд-во АН СССР, 1950–1954. Т. I–II.

³¹ См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 397. Оп. 1. Д. 12. Л. 20; Д. 51. Л. 185–210; Д. 53. Л. 160–173; Д. 79. Л. 10–39, 50–191.

³² Архив Российской Академии наук. Ф. 397. Оп. 1. Д. 80. Л. 31.

Сергей Петрович и Дмитрий Петрович по-разному восприняли происходившее в стране после Октября 1917 г. Для Д.П. Шестакова это с самого начала была трагедия. Он, почувствовав себя ненужным, разочаровался в том, чем он занимался всю свою жизнь. С.П. Шестаков, напротив, старался приспособиться к новым условиям, работать над тем, чтобы сохранить традицию гуманитарного образования и гуманитарных исследований в России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AJA	American Journal of Archaeology
AJP	American Journal of Philology
ANRW	Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.; N. – Y., 1972
BCH	Bulletin de correspondance hellénique
CAH ¹	The Cambridge Ancient History. 1st edition.
CAH ²	The Cambridge Ancient History. 2nd edition.
CQ	Classical Quarterly
GR	Greece and Rome
IOSPE	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis ponti Euxini Graecae et Latinae
JHS	Journal of Hellenic Studies
JRS	Journal of Roman Studies
LCM	Liverpool Classical Monthly
PP	Past and Present
NGM	National Geographic Magazine
TAPS	Transactions of the American Philosophical Society
SVF	Stoicorum Veterum Fragmenta
БФ	Боспорский феномен
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ДБ	Древности Боспора
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	Отчеты археологической комиссии
СА	Советская археология
ТГЭ	Труды государственного Эрмитажа

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- Абидулин Алим*, V курс, СГУ. Науч. рук. — к.и.н. доц. Смыков Е. В.
- Артюшина Варвара* (91@list.ru), аспирантка, Московский государственный университет. Науч. рук. — д.и.н. проф. И. Л. Маяк.
- Богатов Михаил* (M_Bogatov@mail.ru), аспирант философского фак-та, СГУ. Науч. рук. — д.ф.н. проф. Б. И. Мокин.
- Бугаева Наталья* (cethegilla@hotmail.com), аспирантка, Московский государственный университет. Науч. рук. — д.и.н. проф. И. Л. Маяк.
- Гатилов Роман*, IV курс, Казанский государственный университет. Науч. рук. — к.и.н. асс. Н. Ю. Бикеева.
- Кисельников Алексей*, VI курс, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. С.Ю. Монахов.
- Красуцкая Екатерина* (klio@inbox.ru), III курс, Казанский государственный университет. Науч. рук. — к.и.н. доц. М. Г. Юнусова.
- Кузнецова Елена* (leonlena@yandex.ru), VI курс, СГУ. Науч. рук. — к.и.н. доц. Кац В. И.
- Кутинова Татьяна*, аспирантка, СГУ. Науч. рук. — к.и.н. доц. Кац В. И.
- Ланник Леонтий* (Leo-Lannik@yandex.ru), IV курс, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. Н. Парфенов.
- Ляхин Евгений*, II курс, Пермский педагогический университет. Науч. рук. — М. П. Трофимов.
- Михайлова Татьяна* (robinrobin@mail.ru), III курс, Московский государственный университет. Науч. рук. д.ф.н. проф. А. А. Тахо-Годи.
- Решетникова Анна* (Reshetnikova83@mail.ru), V курс, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. И. Кащеев.
- Руденко Максим*, аспирант, Астраханский технический университет. Науч. рук. — д.и.н. проф. Кащеев В. И.
- Самохвалова Наталья* (Natalija-kl@rambler.ru), III курс, Московский государственный университет. Науч. рук. — к.ф.н. доц. Я. Л. Забудская.
- Семенов Сергей*, VI курс, Самарский государственный университет. Науч. рук. — д.и.н. доц. И. Г. Гурин.
- Смирнов Святослав* (SmirnovSV3@yandex.ru), III курс, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. И. Кащеев.
- Соколов Игорь*, III курс, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. И. Кащеев.
- Суровенков Дмитрий* (surovega@mail.ru), аспирант, Государственный Университет Гуманитарных Наук, г. Москва. Науч. рук. — д.ф.н. проф. А. В. Подосинов.
- Татарников Дмитрий* (Demetriost@rambler.ru), аспирант, СГУ. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. И. Кащеев.
- Трофимов Максим* (MaxTrofimov@list.ru), аспирант, Пермский педагогический университет. Науч. рук. — д.и.н. проф. В. М. Строгоцкий.
- Фионин Павел*, III курс, Казанский государственный университет. Науч. рук. — к.и.н. асс. Н. Ю. Бикеева.
- Фирсова Наталья*, V курс, Казанский государственный университет. Науч. рук. — к.и.н. доц. О. Л. Габелко.
- Чернова Дарья* (Volkova@comk.ru), аспирантка, СГУ. Науч. рук. — к.и.н. доц. Смыков Е. В.
- Черняева Юлия* (new_caledonia@softhome.net), V курс, СГУ. Науч. рук. — асс. А. В. Мосолкин.
- Шерстнев Евгений*, V курс, СГУ. Науч. рук. — к.и.н. доц. Смыков Е. В.
- Шмелева Людмила*, аспирантка, Казанский государственный университет. Науч. рук. — д.и.н. проф. Г. П. Мягков.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов ----- 5

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Самохвалова Н.Е. (Москва).

Влияние литературной традиции на описание Индии
в трудах античных историков и географов ----- 7

Михайлова Т.А. (Москва).

Система оппозиций в “Трудах и днях” Гесиода ----- 11

Решетникова А.В. (Саратов).

Политическая миссия Горгия в Афины 427 г до н. э. ----- 21

Семенов С.В. (Самара).

Критский ΣΤΑΡΤΟΣ: род, фила или военный союз? ----- 27

Руденко М.Н. (Астрахань).

Завоевательные планы Александра Македонского
в 325–323 гг. до н. э. ----- 30

Соколов И.Ю. (Саратов).

Г. Дельбрюк, Ксенофонт и вооружение
греко-македонской конницы в армии Александра Великого ----- 36

Смирнов С.В. (Саратов).

Кульτ царя Антиоха IV Эпифана и иудейские апокалипсисы ----- 43

ИСТОРИЯ РИМА

Чернова Д.С. (Саратов).

Покровители военного могущества Рима:
Юпитер, Марс, Янус, Квирин ----- 53

Черняева Ю.В. (Саратов).

Проблема датировки первого договора
между Римом и Карфагеном ----- 61

<i>Татарников Д.Г.</i> (Саратов). Фабий Пиктор о причинах второй Пунической войны (к интерпретации Polyb. III.8.1–8) -----	69
<i>Трофимов М.П.</i> (Пермь). Всеобщая история в понимании Диодора Сицилийского -----	81
<i>Абидулин А.М.</i> (Саратов). Дело Публия Рутилия Руфа -----	87
<i>Бугаева Н.В.</i> (Москва). Участие пострадавших от сулланских конфискаций в заговоре Катилины -----	91
<i>Артюшина В.В.</i> (Москва). Саллюстий Крисп, первый наместник провинции Africa Nova -----	96
<i>Шерстнев Е.Е.</i> (Саратов). К вопросу о стратегии императора Отона (15 января – 16 апреля 69 г. н. э.) -----	103
<i>Фионин П.П.</i> (Казань). Некоторые аспекты религиозной политики императора Диоклетиана -----	113
<i>Ляхин Е.В.</i> (Пермь). Ахайя после реформ Диоклетиана–Константина -----	121
<i>Ланник Л.В.</i> (Саратов). Военно-стратегический потенциал Рима и германцев в IV веке н. э. -----	126
<i>Суровенков Д.И.</i> (Москва). К уточнению биографии испанского хрониста Гидация -----	136
<i>Гатилов Р.А.</i> (Казань). Виктор из Виты: епископ или историк? -----	142

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кисельников А.Б.</i> (Саратов). “Суда Таршиша” -----	146
<i>Кузнецова Е.В.</i> (Саратов). Методика изучения античной торговли (на примере керамического комплекса Фанагорийского городища) -----	159
<i>Кутинова Т.М.</i> (Саратов). Керамические клейма из Фанагории (история формирования коллекции) -----	172
<i>Фирсова Н.В.</i> (Казань). Культ Деметры в Северном Причерноморье: историография и проблематика -----	177

VARIAE

Красуцкая Е.В. (Казань).

Представления о жизни и смерти в древнеегипетской
и древнегреческой мифологии: сопоставительная характеристика ----- 183

Богатов М.А. (Саратов).

Три вопроса об античной философии сегодня -----191

Шмелева Л.М. (Казань).

Научно-педагогическая деятельность
С.П. и Д.П. Шестаковых в 20–30-е годы XX в. ----- 197

Список сокращений----- 207

Сведения об авторах----- 208

Научное издание

ANTIQUITAS IUVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под редакцией *Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина*

Работы изданы в авторской редакции

Ответственный за выпуск *О.Н. Бунин*

Оригинал-макет подготовил *С.Н. Берднов*

Подписано в печать 13.04.05. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Академия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,55 (13,5). Уч.-изд. л. 10,73. Тираж 150.

ООО Издательство “Научная книга”.

410054, г. Саратов, ул. Б-Садовая, 127.

Лицензия ИД-№000125 от 30 августа 1999 г.